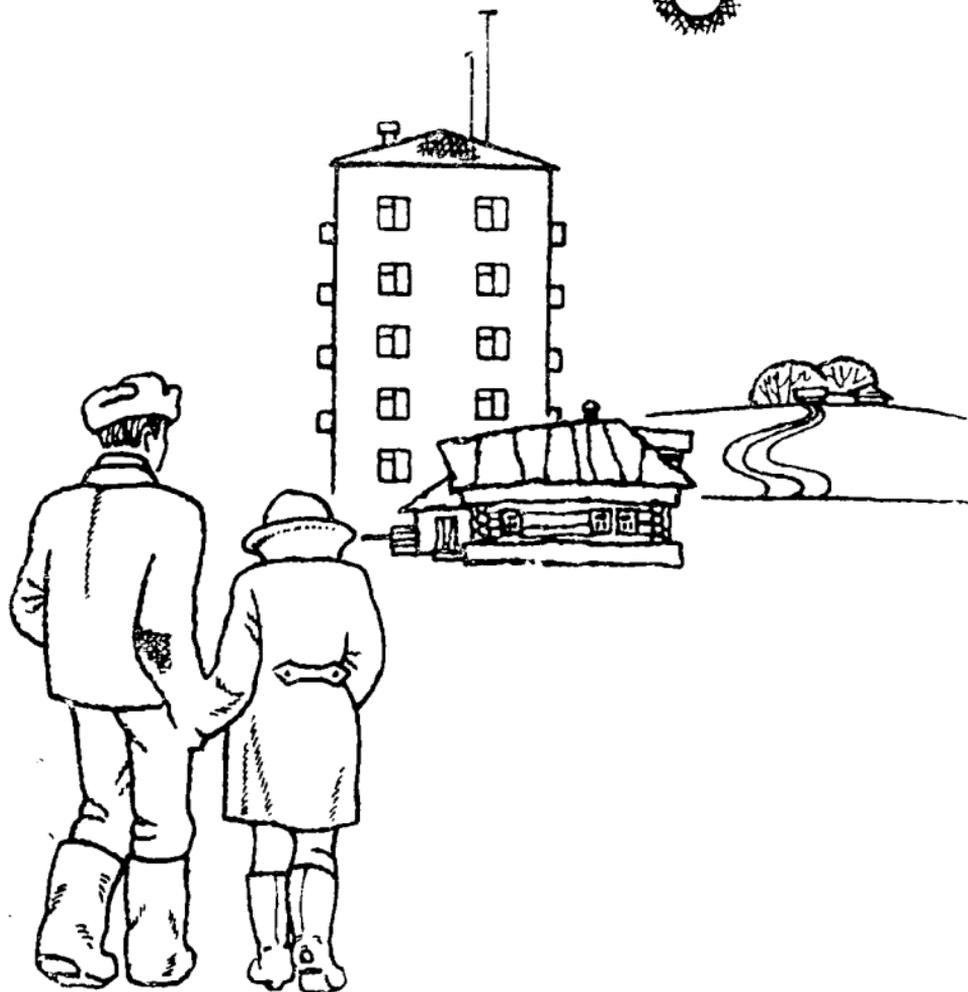

I 808703

**ВЛАДИМИР СТЕПАНОВ
ПОД
ОДНОЙ
КРЫШЕЙ**

ВЛАДИМИР СТЕПАНОВ

**ПОД
ОДНОЙ
КРЫШЕЙ**

ПОВЕСТИ

Это вторая книга Владимира Степанова, выпущенная Северо-Западным книжным издательством. В ней две повести, написанные на северном материале. Герои их — молодые люди, наши современники, которые живут и трудятся в маленьких городах и рабочих поселках, любят свое дело, честно выполняют свой долг. Они вовсе не идеальны, эти молодые люди, нередко совершают ошибки, радуются и страдают, борются и побеждают в поисках своего места в жизни.

7-3-2

14—75

© Северо-Западное книжное издательство, 1975 г.

**ПОД
ОДНОЙ
КРЫШЕЙ**

ЗОСЯ Березкин впервые задумался на семнадцатом году. Жизнь заставила, иначе не стал бы, потому что думать он еще не умел, а оттого и не любил. У него получалось так: что захотел, то и сделал. Думать было вроде бы незачем. Бывало ему радостно, бывало и грустно. Бывал он и злым. Вот и все. Правда, изредка ему казалось, что он думает, но это случалось только в тоскливые минуты, когда в груди ныло и хотелось чего-то лучшего.

Чаще всего Зося одолевало беспричинное и буйное веселье молодости. Но — пришел час...

Не материнские, не отцовские руки были первым его воспоминанием. Первым впечатком в памяти остался родной город и он, Зося, в этом городе. Город представлялся непостижимым: бесконечно громоздились в нем домищи и все разные — иной от земли был выложен из белого камня, а выше, где окна, чернели бревна или поблескивал кра-

шенный тес; стояли деревья вдоль улиц, шумливые, пыльные, заслоняющие солнце.

Дома, деревья, телефонные столбы, огороды, скамеечки — все это казалось сплетенным в единую прочную конструкцию, и люди на крылечках и в окнах домов, многомудрые взрослые, которых надо было слушаться, чтобы не задавила тебя машина и не забодала коза. Но взрослые быстро надоедали Зосе. Они вздыхали, ругали фашистов и Гитлера, ждали каких-то без вести пропавших, плакали. Зося тоже ненавидел фашистов, но где они? Фронт и на полтыщи километров не подходил к его городу.

Лишь лет десять спустя Зося узнал, что город его — крохотный районный центр, каких тысячи. К тому времени родной дом уже не был успокаивающе уютным, где прежде так сладко засыпалось после беготни. Иронически стал воспринимать Зося свое жилище. С виду-то дом грузный, внушительный. А пазы меж бревен замазаны глиной, похожей на ил. Случалось, комья этой глины отваливались, обнажая щели. В доме вечно гуляли мозглые сквозняки.

Прохожие глядели на углы с выщербленными торцами, на облупившиеся наличники, подбитые куделей, на залатанную чем попало крышу, поросшую сырым зеленым мхом, и, отводя глаза, вздыхали. Зосе становилось стыдно за свой дом, и он злился на сердобольных прохожих, которые и самого Зосю норовили обойти стороной тоже со вздохом. Видно, уж очень неухоженным и подозрительным казался им мальчишка: глядит волчонком, ноги и руки в цыпках, одежонка драная.

Настоящего хозяина в доме не было. Зося не помнил отца, хотя знал, что он где-то есть, и часто

пытался представить, какой он? Мать, постоянно простуженная и сердитая, раз десять на дню поминала отца недобрыми словами. Из-за этой ругани и сквозняков не любил Зося сидеть дома. На улице было раздольно. Тут он забывал и беглого отца, и унылое лицо матери.

В реке Матренихе, небыстрой и неглубокой, разделяющей город на две части и уходящей далеко в луга к деревушкам, водились пескари и черные раки. Бывало, Зося тем и кормился весь день, что пек на тепiline рыбешку, голубиные и галочки яйца. Если попадалась ему рачиха с икрой, он, не вылезая из воды, отгибал у нее хвост и скусывал кисловатый шматок, а затем швырял рачиху на берег, где ее подбирала мелкая ребятня, нанятая Зосей носить его улов и штаны, пока бродит он под берегами и голыми руками щупает в норах налимчат и раков.

В школе и на своей улице Зося считался первым озорником и выдумщиком, ничего не боялся. Сам, без подсказки и особой грусти, понял, что заступиться за него некому и надеяться не на кого, кроме как на себя. Поэтому поведением отличался не редкость независимым и сам себя считал самостоятельным человеком.

А думать Зося еще не умел. Оттого и не заметил, как очень скоро перестал он распоряжаться собой, и его судьбу стали определять разные случайные люди и обстоятельства. А может, и не случайные, потому что никто ведь не знает, что в жизни подростка предопределено, а что случайно. Да и только ли подростка...

Когда директор городской разнопромартели Кабихин, выполняя директивы, расширял производство, Зосю как раз надумали исключить из седьмого

класса за нетерпимое и систематическое пренебрежение правилами для учащихся. В этот момент какая-то комиссия решила, что лучшее место для Зоси — разнопромартель. Его привели туда и оформили учеником шорника. Работать в одном цехе с мужиками Зосе понравилось. Он посерьезнел и удивительно быстро выучился шить не только уздечки или шлеи, но и мудреные хомуты.

Через несколько недель, став самостоятельным рабочим, он получил уже не ученические гроши, а настоящую получку. Зосе показалось, что денег ему выдали чересчур много. Но интересоваться, не произошло ли ошибки, не стал. Зажал деньги в кулак, засунул его в карман да так и шел до самого дома. Матери отдал все до копейки и отвернулся, скрывая гордость. Мать пересчитала, разглаживая помятые бумажки, и застыла, губы у нее подрагивали.

— Мало, что ли? — грубовато спросил Зося, недовольный тем, что мать не радуется. По лицу матери покатались слезы. А их Зося не выносил. — Побольше твоего заработал, — холодно сказал он.

Мать взвыла в голос.

Зося хлопнул дверью и мрачно двинулся по улице. Он не думал о том, что обидел мать. Он привык разговаривать с ней коротко и недружелюбно. Не любил он всяких нежностей, да и не помнил, чтобы мать сама когда-нибудь приласкала его. На мать за это он не сердился. Теперь же решил, что она должна считать его за мужика в доме, за кормильца, должна лучше стирать и гладить его одежду, лучше кормить, потому что она, больничная прачка, едва зарабатывает на хлеб.

Зося долго бродил по вечернему городу, исполненный уважения к себе и раздраженный тем, что

к нему не относятся с уважением другие. Он презрительно разглядывал редких прохожих и злобно отфутболивал попадавшие под ноги камни...

Вернулся поздно. Мать сидела за столом в праздничном платье. Рядом с ней — горбатая старушка Анна, соседка через два дома. На столе стыла нетронутая глазунья с кусками ветчины, стояла бутылка кагора. Мать попыталась улыбнуться навстречу сыну.

— Вот... Сегодня вроде праздника... И гостья... — заговорила она. — Такое событие отмечают.

Но голос ее звучал неуверенно, словно она боялась, что сын не одобрит ее. Зося это уловил.

— А вино пошто? — буркнул он, усаживаясь за стол и отворачиваясь от гостьи. Не любил он эту старуху, которая то шептала что-то истово про себя, то благостно втолковывала матери одно и то же чуть не каждый день: «Терпи. Бог всё видит. Он-то справедлив...» Лицемерной и вредной считал Зося старуху. Сам он не верил ни в черта ни в бога и предполагал, что горбунья успокаивает мать не без корысти.

Мать выразительно глянула на гостью. Та поджала губы, будто ее оскорбили, перекрестилась на передний угол, где темнела икона в пыльных бумажных цветах, и поплыла к дверям.

— Ну и ладно, коли не хочешь вина, — сказала мать и взяла со стола бутылку.

Зося молча съел яичницу. Мать сидела с бутылкой в руках и не сводила с него подернутых влагой глаз. Зося так же молча разделся, лег и быстро уснул. Он не слышал, как мать закрылась в своей комнате, прихватив с собой бутылку и стакан, и что-то запела. А может, и заплакала...

Прошло меньше года, а Зося уже стал в артели передовиком. Ловкими оказались у него руки. По случаю большого праздника его пригласили на торжественное собрание и артельный банкет. Зося оробел поначалу, но победила подступающая гордость. С начальством за одним столом сидеть — это не каждый день случается. А у него — впервые.

Собрались в конторе, которая стала просторнее, когда вынесли из нее кое-какие шкафы и железные ящики. Начались речи. Зося сидел прямо, не проронил ни слова, хотя и отвлекали расставленные на столах и большей частью не знакомые ему закуски. В речах всё казалось ему необыкновенно значительным. Сердце делало сбои в ожидании, что вот-вот будут говорить и о нем, о передовике Березкине. О нем заговорили. И Зосю бросило в счастливый жар. Соседи хлопали его по спине, что-то шептали доброе. А он, весь красный, устался в пол, и никакая сила не могла бы сейчас поднять его голову. Хотелось, чтобы поскорее кончили о нем говорить. Лучше бы наедине с собой пережить эту минуту. Про него кончили, стали хвалить других, и скоро Зося почувствовал обиду: других хвалят больше, а о нем забыли. Он поднял голову, глядел прямо в глаза ораторов, но его не замечали.

Когда подняли первый тост, Зося похолодел. Казалось, строгие бухгалтерши, сидевшие напротив, только и ждут, когда он выпьет, чтобы принародно осудить его. Он уже почти примирился с тем, что не его признали самым первым передовиком, и затаил мечту — к следующему празднику обязательно обогнать всех. Укрепившись в этой решимости и отставив стопку, он уже спокойно глядел на застолье,

все примечал и даже почувствовал свое превосходство над этими людьми, которые пьют себе и ничего не знают о его верной мечте, о том, что все они скоро будут завидовать ему.

Застолье веселело, и Зосе трудно было удержаться от ухмылки. Пришлось прикрывать рот ладонью. А как не хохотать, если эти торжественные люди переменялись в считанные минуты. О передовиках забыли. Покрикивают, перебивают один другого, руками машут, гребенки валяются на пол, а в дальнем углу кто-то уже и взвизгнул совсем не к моменту. Один поет одно, другой — другое. Веселье, разлюли малина, шумел камыш!

Повеселиться и Зося любил. Только не этак. Видывал он пьяные компании и при этом всегда вспоминал отца: мать не раз говорила, что любил отец «нажраться», орать и махать руками. Передергивало Зося, когда он видел пьяных, и он, свирепея, уходил куда-нибудь подальше... А тут еще Кабихин встал, покачивается, рожа багровая, сырая, язык заплетается, и голос нечестный.

— Дорог-гие вы мои! Вы мне к-как дети, я вам — отец. Кто скажет, что плох директор Кабихин? Никто не скажет, что плохой директор Кабихин! Да я за вас — во! — он обводил руками столы, то ли приветствуя людей, то ли разыскивая полную стопку.

— Верно!.. Не как другие!.. — в несколько голосов отозвалось застолье, хотя Зося заметил, что кое у кого потемнели глаза, вздрогнули, напряглись руки.

— Кто скажет? — бушевал счастливый Кабихин.

«Я скажу!» — чуть не крикнул неожиданно оз-

лившийся Зося, но что-то застопорилось у него в горле. Он испугался не подчиняющейся ему злобы. В его памяти лихорадочно пролетали подслушанные за год разговоры, что Кабихин, став начальником, бросил в деревне жену и детей и стал жить с какой-то модной городской дамой. «Отцом себя величает, подлец!» — сквозь зубы процедил Зося и чуть кулаками не застучал по столу, побледнел. И снова испугался: вдруг заметят... Но не до Зоси было артельщикам, и он утих. Да и Кабихин вроде успокоился, сонно покачиваясь в своем директорском кресле. И все же Зося не мог отвести от него сужившихся недобрых глаз.

Кабихин снова поднялся, пояснил знаками, чтобы люди продолжали свое дело, и, цепляясь за стенки, поковылял в коридор. Зося тенью скользнул за ним, хотя и не знал еще, зачем он это делает. Его наполняла отчаянная решимость. Кабихин ощупью выбрался на крыльцо, привалился к перилам, затих и вдруг отчетливо храпнул. «Готов», — злорадно отметил Зося и, оценивая обстановку, обошел его кошачьим шагом. Тут Зосю осенило. Он мигом приволок новенькую конскую сбрую и принялся легонько накладывать ее на тучное директорское тело. Кабихин не реагировал, и Зося вовсе осмелел. Сыромятные ремни так затянул узлами, что не каждый трезвый человек смог бы их развязать. Намеревался он и взнудать Кабихина, уже и удила примеривал к его мясистым щекам, но зашумели в коридоре: народу захотелось на воздух.

Зося пустился домой, раздумывая, видели его за таким «веселым делом» или нет. Дома с ходу бухнулся в постель. Казалось, он совершил отважный и правильный поступок. Однако спалось ему пло-

хо: что-то беспокойное толклось в голове. Крепко забылся только к утру.

На поги вскочил, как всегда, в семь утра. Плеснул в лицо холодной с ночи водой и разом вспомнил вчерашнее. Руки опустились. Тревожно заломило грудь. Идти в артель не было сил. Он не понимал, то ли стыдится перед людьми, то ли просто трусит. Настроение прихотливо менялось. И Зося то хохотал, как припадочный, удивляя и пугая мать, то прижимал ладони к горящим щекам и зажмурился, чтобы не видеть ничего вокруг, забыть все. Не осмелился он идти в артель и на второй день, и на третий.

Дошли слухи, что в городе и восхищаются его выходкой, и костят его последними словами. Мать плакала и кричала на Зося, пока не зашлась в кашле. Насчет матери все было понятно. Но когда Зося узнал, что Кабихина с позором сняли с работы и «городская» жена от него тут же ушла, ему стало тяжело. И Зося задумался впервые в жизни.

«Что мне Кабихин сделал?» — спросил он себя. Нелегко было задать себе такой вопрос, а ответить на него еще трудней. Но деться было некуда. И он ответил честно: «Ничего худого он мне не сделал. Ударником величал. Специальность дал... Заработок... За человека считал...»

Мысли обрывались. Честные ответы терзали его до того, что начинало жечь в груди и хотелось немедленно что-то сделать, чтобы прошло это жжение. Бессилие злило, и Зося тихо скулил, стискивая подрагивающие челюсти. Мелькали горькие обрывки мыслей: «Все люди как люди... Добро понимают... А я? Я кто?.. Почему такой?.. Как жить-то?»

И вдруг сверкнула догадка, сразу погасившая

боль и наполнившая его мстительным торжеством: «Если все хорошие, тогда и отец — ангел? Минуточку... Хороший не бросил бы больную мать со мной в придачу!» Мысль принялась раскручиваться: «И другие не лучше. С виду только добренькие. Прикидываются... Кабихин — первый. Это-то уж точно. Отец артели, понимаешь ли. Правильно я его уделал. И другие меня не проведут. Не дамся...»

Зося почувствовал полную свою правоту. «И нечего нюни распускать, жалеть всяких... Тебя покамест никто не жалел. И не пожалеет», — холодно подумал он. Настроение выправлялось. Рождались привычная уверенность и радость, хотя и была она какой-то непонятной, тяжелой. Зося потянулся до хруста в грудной клетке и вдруг залихватски выкрикнул частушку:

Задушевный мой товарищ,
Нам с тобою весело!
Мы гуляли, не пропали —
Горевать-то нечего!

Снова все стало ясно. Вернее, почти все.

2

В БЕЗДЕЛЬЕ дни тянулись раздражающе долго. Мать вздыхала и молча плакала, а Зося расхаживал по дому фертом и поплеывал в углы. Он был уверен, что работа ему найдется, и скоро. А он еще поглядит, идти ли по первому приглашению. Он сначала разузнает, что за люди на новом месте. Однако дни шли, а его никто никуда не звал. В бодрое настроение стэли вклиниваться

мрачные и злоонные провалы. Он то строил гордые планы, то ронял голову на подоконник и пустыми глазами глядел на улицу.

Порой ему казалось, что он знает, зачем и куда идут горожане и что они лицемерны и мелочны. Злость прорывалась.

— Здравствуй, бабушка, — «благостно» поклонился он горбатой соседке Анне. Та обернулась к нему, глянула недоверчиво, а сказала с истовой лаской:

— Здорово ли живешь, паренек?

— У-у, растакая мать! — рывкнул Зося и скорчил мерзкую рожу. Старушка плюнула, всплеснула руками и ходко засемила прочь, оглядываясь и крестясь. Долго еще, наверное, стучал в ее уши лошадиный гогот Зоси.

— Дядька, иди-ка сюда, — глядя из окна с самым серьезным видом, поманил он очередного прохожего. Дядька, заинтересованно вытягивая шею, недоверчиво приблизился.

— Оглянись-ко! — заговорщически кивнул ему Зося и метко бросил на шляпу послушного дядьки кусок серой глины. — Теперь иди.

Дядька вскипел. Этого Зося и добивался. Он хохотал и корчился от удовольствия. «Ишь вы, добренькие, честненькие. Я вас насквозь вижу!» — злорадствовал Зося.

Его бранили, грозили милицией, а самые отважные даже замахивались на него. Тогда Зося комом вываливался из окна, хватал что попало — и прохожий обращался в бегство.

Зося полез бы и в настоящую драку, потому что ныло у него под ложечкой, сам себя готов был царапать, скотом и дураком чувствовал себя в иные

минуты. В глубине души он сознавал, что никто не хочет связываться с ним: брезгают, считают за глупого, дурного. Утешало только одно: не он трусил и убегал, а они.

Теперь мать, вспоминая отца, теми же словами честила и сына. А Зосе было либо до буйства весело, либо находила хандра.

Но Зосю вызвали не в милицию, а в райком комсомола.

— Чудеса! — недоумевал он, разглядывая повестку. — Пошто это я им? Идти или нет?

Из принципа надо бы не ходить. Но пошел, победило любопытство. Шел и волновался. Только ухмылка оставалась прежней.

В райкоме с ним разговаривали недолго. Сказали, что есть место в другой артели и что бездельничать и валять дурака в его возрасте уже неприлично. Спокойно сказали. И Зося не обиделся. В душе он был согласен с такими словами и ответил, что попробовать на новом месте согласен. Тогда из угла кабинета поднялся неказистый человек, которого Зося и не заметил поначалу.

— Ну и ладно. Пошли, молодой человек, — сказал он без особого выражения.

До чего же все оказалось просто и неинтересно! Зосины ноги сами шли за незнакомым человеком, одетым в стираную спецовку.

— Посмотрим! — вырвалось у Зоеи, когда ему показалось смешным, что спецовка местами рваненькая. Сказать-то он хотел: посмотрим, мол, что за работу ему предлагают и что за человек пришел за ним. Но не высказались слова до конца.

— Что посмотрим? — спросил человек в спецовке, оглянувшись, и пошел рядом.

— Ну, на дело ваше, — бодро ответил Зося, чувствуя, как уходит смятение и наполняется он доверием к этому человеку.

— Посмотри, — почти безразлично сказал тот, чем окончательно покорил Зосю.

Миновав несколько улиц, они вышли к черному приземистому строению.

— «Скобяная мастерская», — прочел Зося вывеску.

— Я тут мастером, — без всякой гордости сказал Зосин провожатый и начал показывать ему разные детальки, поясняя, что из них собираются всякие замки. И Зося забыл обо всем. Он хватался за инструменты, умолял, чтобы мастер сейчас же все рассказал ему и позволил собрать замок. Но тот лишь коротко посмеивался. Было видно, что Зосина прыть ему нравится. Но усмешки мастера чуть не взбеленили Зосю. Он злыми глазами впился в его лицо, чтобы тот не играл с ним. Но чем дольше глядел он, тем симпатичней казался ему мастер, словно это был не чужой человек, а давнишний товарищ или старший брат. И Зося сам засмеялся, теперь уже над собой и чтобы приятно было мастеру.

— У нас рабочий день давно кончился, — сказал мастер. — Прошу прибыть сюда завтра к восьми утра. Тогда и начнем.

— Будет сделано! — комично гаркнул Зося.

Мастер еще поулыбался, прибирая инструмент, показал Зосе, чтобы он вышел за порог, и запер двери.

— Ну, привет, — попрощался он и повернул не в ту сторону, куда надо было идти Зосе.

— До свидания, — вполне вежливо сказал Зося. Потом долго бродил по городу с устоявшейся

улыбкой, норовя еще разок пройти мимо «скобяной», чтобы глянуть на нее.

Утром он вскочил рано, бодрый и преисполненный надежд. Только сейчас он небрежно сообщил матери, что снова принят на работу и ему пора идти. Мать приутихла, она глядела на сына так, словно умоляла его быть теперь поумнее, поосторожнее.

Влажноватая прохлада утра будоражила и делала тело невесомым. Хотелось бежать, подпрыгивая высоко и дурашливо. Но Зося выдерживал марку серьезного мастерового, знающего цену себе и всем прочим смертным. Мимо школы прошел с самым независимым видом, даже на окна ее не зглянул.

К мастерской пришел раньше срока, но люди там уже были, что удивило и раздосадовало Зосю. Он-то рассчитывал прийти первым, чтобы показать себя.

Он разглядел, что в мастерских копошатся два старичка, и немного успокоился. «У них уж руки дрожат. Эти не обскачут», — решил он и, не здороваясь, спросил, где тут мастер по замкам.

— Здесь один мастер, — ответили ему, — Иван Иванович Пашин. Он скоро будет. А ты кто таков?

— Пашин? — переспросил Зося, не устаивая стариков рассказом о себе, и развеселился. — У него жена не Парасковья? — брякнул он неожиданно.

Зося тут же понял, что хватил через край, и даже неудобно почувствовал себя, вспомнив доброго мастера, но изо всех сил продолжал держаться независимо. К нему вплотную подошел темнолицый старичок, поглядел неодобрительно, сказал:

— Длинен у тебя язык, паря. Как бы на него не наступили.

— Покажи мне эту ногу! — презрительно бросил Зося, заводясь на свой лад.

Старичок совсем уж осуждающе покачал головой.

— Ты не из блатных ли? Или просто у тебя язык с мозгой без контакта?

У Зоси тотчас родился убийственный ответ, но он нашел в себе силы промолчать, демонстративно отвернулся, нагоняя на лицо скуку. Он ждал мастера и хотел увидеть его только таким, каким был он вчера: всё понимающим, улыбчивым.

И вот его голос. И он сам. Поздоровался с Зосей за руку, заговорил с вчерашней улыбкой.

— Угадал ты. Жена у меня и верно Прасковья. Только ничего смешного, брат, в этом нет. Хотя смейся, если можешь. Я что ж, Пашин и есть.

— Да я... — хотел было что-то искренне сказать в оправдание Зося, злясь на ябедников стариков. Но Пашин не слушал его.

— Вижу, что ты. И верю, что именно ты Кабихина с должности спихнул. Его, может, и следовало. А меня-то уж пожалей. Прошу.

Пашин говорил все с той же улыбочкой, и Зося не слышал в его словах никакой издевки. Веселых людей и умелую подковырку, хотя бы и в свой адрес, он уже мог оценить, и без обиды.

— Да я...

— Вот твое рабочее место, — не обращая на слова Зоси никакого внимания, с нотками торжественности заговорил мастер, показывая на длинный стол, к которому были привинчены тяжелые железные тиски. — Будешь учиться делать замки. На замках у нас два старичка. Пенсионеры. В любое время уйти могут. Свое отработали, дай бог всем

так. Теперь надежда только на тебя. Освоишь дело — неплохо будешь зарабатывать.

Зося почти не слышал последних слов Пашина: он взялся за инструменты.

Три дня подобрешшие старички учили его вырубать и выпиливать по шаблонам замочные детали. И поминутно хвалили его за то, что ничто не валится у него из рук. К концу третьего дня старички, тихонько посоветовавшись, важно пожали руки Пашину и Зосе, поклонились вывеске и пошли в город, торжественные и чинные.

— Они на маленькую сбросились. Сейчас зарядят, — шепнул Зося, и Пашин посмеялся вместе с ним.

— Хорошие деды, — сказал Пашин и вздохнул, принимаясь за свои дела. А Зосе хотелось поскорее сделать замок своими руками от начала и до конца, без подсказок и надзора. Он и сделал его. Замок получился не хуже дедовских. Домой Зося шел спокойный и усталый. На душе было хорошо.

Через несколько дней Пашин доверил Зосе всю замочную мастерскую и лишь изредка заглядывал к нему. А Зосю не надо было ни подгонять, ни докучать ему контролем. Работать ему нравилось, и невозможно было делать дело не на совесть. Скоро ему дали хороший разряд, и заработок стал выходить больше, чем в те месяцы, когда он был передовым шорником. Зося один выполнял все заказы горожан на замки и ключи, успевал делать их и для магазина. И даже свободные минуты выпадали. Это, наверное, его и погубило.

Простые замки надоели. Пришла идея смастерить замок с двумя дужками и двумя же ключами, не похожими один на другой. Зачем был ну

жен такой замок, Зося не сказал бы и сам. Конструкторские размышления захватили его. Он заперся в мастерской и, чувствуя страх от такого своеволия, упрямо решил не открывать двери, пока не добьется своего.

Заказчики, особенно те, что потеряли свои ключи и не представляли жизни без новых, ругались и стонали у порога мастерской, не по разу в день бегали жаловаться в контору артели. А Зося слышал их голоса и вроде бы не слышал. Он занимался своим делом до той минуты, пока через запасный ход не прорвался к нему директор. Зося мало знал его. После случая с Кабихиным он избегал начальство. Слышал только что этот директор зол и вреден, и оттого испугался его. Директор молча взял Зосю за руку, оттащил его от верстака и вывел во двор тем же ходом.

— Иди! По собственному желанию. Расчет почтой вышлем, — проговорил он, синевя от собственной свирепой вежливости. Зося хохотнул ему в лицо и тут же чуть не заплакал от досады.

— Иди, иди! — прошипел директор и захлопнул дверь.

Зося, успевший прихватить почти готовый замок с двумя дужками, поплелся домой, разглядывая злополучную самоделку, словно видел ее впервые. Хотелось швырнуть ее в крапиву, и жаль было редкой штуковины, да еще сделанной собственными руками.

И снова Зося страдал, злился и ждал лучшего, исхудал и лицом потемнел. Пробовал торчать в окне, как бы напоминая о себе горожанам, но они проходили мимо равнодушно, а прежние забавы казались Зосе скучными и недостойными

ёго. Он начал ходить по городу, чтобы разузнать про какую-нибудь работу, но ничего не получалось. С отчаяния он стал заходить в конторы, но везде ему припоминали Кабихина, затворничество в замочной мастерской, расспрашивали подробности, смеялись и отвечали, что свободных мест нет. Пришлось объявить соседям, что он может взять в починку валенки и ботинки. Желающие нашлись. И мало-помалу Зося стал мелким шабашником. От нужды — да и интересно было — выучился чинить всякую железную рухлядь, даже самовары лудить. Зарабатывал неплохо, но нагрянула к нему комиссия, пригрозила оштрафовать, а сжалившись, приписала его к третьей артели надомником.

Артель почему-то затребовала Зосю в цех. Там его усадили рядом со старыми сапожниками и заставили подбивать подметки к ношеной обуви. Этого Зосе было мало. Глядя на руки старых мастеров, он до мелких подробностей запомнил, как шьются хоть офицерские сапоги для милиции, хоть дамские сапожки.

Возиться со стоптанными башмаками и валенками, от которых воняло портянками и самим чертом, было занятие не из приятных. Следить за руками сапожников тоже надоело, он уже с закрытыми глазами мог представить всю их «технологю». И Зося стал заглядывать к часовщику, сидевшему в соседней комнате, а скоро по своей воле нанялся к нему наподхват. Часовое дело он досконально не изучил: пришел директор, сделал Зосе выговор за безделье и отправил его в надомники.

Теперь Зося вел мастерскую на дому уже на законных основаниях. Он никому не мозолил глаза, и его не отвлекали. Работать в одиночку было тоск-

ливо — скулы сводило. Но и деваться было некуда, и Зося горбился на самодельной липке.

Хлеб доставался нелегко: половину выручки забирала артель, каждому клиенту приходилось выписывать ненавистные квитанции, оставлять себе копии и думать о выполнении плана, чтобы рассчитывать на невеликую премию. И копилось зло на всё и на всех.

Вечером, когда Зосе было особенно тоскливо и одиноко, к нему пришел Пашин, принес дырявые валенки. Он оглядел Зосину «шорню» и сказал сочувственно:

— Руки у тебя золотые, а слава неважная. Плохо это.

— Плевал я на всё! — с ходу огрызнулся Зося.

— Нет, братец, без людей не проживешь. Кого ценят люди, тот и человек. Народ, брат, не ошибается.

— Да пошли они все подальше! Редко я честных людей встречал, мне всё попадались те, что норовят укусить кого-нибудь да личную выгоду поиметь, — изливал накопившуюся обиду Зося.

— И я такой? — с усмешкой спросил Пашин. Зося осекся, нахмурился.

— Не знаю. Тоже небось себя любишь в первую очередь...

— Начудил ты, — спокойно продолжал Пашин, будто и не слышал обидных слов. — Долго будут помнить. Но твое дело молодое, непропащее. Тебе бы к большому делу надо. И специальность — поновей, посимпатичней. Нэгоже в наше время молодому парню валенки подшивать.

— Везде один мед пролит, — взъерепенился Зося. — Большое дело — ха! Выкручусь! Без воспита-

телей обойдусь. Пусть болтают про меня всякую дрянь! Я не ворую, я работаю!

— Ты бы с добром о людях думал, а не с сердцем... Ясней бы жизнь шла. И товарищи у тебя были бы. А то...

— А тебе-то что за горе? Приставили тебя ко мне? Чего вы все мне покою не даете? На дом пришел воспитывать! — еще больше озлился Зося, слабо сознавая свою неправоту и оттого свирепея.

— Дурак ты, — необидно сказал Пашин. Но Зося уже вышел из себя.

— Забирай свои опорки! И отвали! — заорал он.

В комнате на минуту установилась тишина. Зося чувствовал, что ему советуют что-то хорошее и надо было задуматься над этим, но советы Пашина казались ему в то же время какими-то сладенькими, смахивающими на показную доброту горбатой соседки, и оттого в нем кипел протест. К тому же согласиться с Пашиным — значит, признать, что жил дураком. Но и убедительных слов для спора не было.

— Набьешь ты себе шишек, — не скрывая досады, сказал Пашин. Он завернул в газету свои валенки и ушел.

Зося швырнул в угол чьи-то опорки и заметался по комнате. «Нахамил мужику! Этому-то за что? — проклинал он себя и спрашивал, останавливаясь: — А может, все они одинаковые? Может, и Пашину стоило?..» Ему казалось, что сейчас же, немедленно надо что-то решить, придумать что-то важное, чтобы все стало ясно. Но в голове была тягостная путаница. «Хоть давься, — беспомощно прошептал он. — Нет. Лучше уехать из этого города, а то заклюют». Он обрадовался этой мысли.

Зося широким шагом двинулся по главной улице к тому месту, где забор пестрел плакатами о вербовке. Читал их недолго. Далекie города, казавшиеся поначалу столь заманчивыми, теперь пугали. Его остановил плакат, приглашавший на курсы трактористов за казенный счет. Курсы были районные, рядом с городом. «Вот и специальность поновей, и дело большое, и от матери недалеко», — шептал он, мысленно продолжая спорить с Пашиным, хотя Пашин советовал ему как раз это.

Через несколько дней Зося уехал на курсы.

3

ТЕЛЕГРАММУ Зосе вручили на торжественном собрании, посвященном окончанию курсов. Он удивился — впервые в жизни телеграмма была адресована лично ему — и подумал, что кто-нибудь из знакомых поздравляет его, может быть, даже Пашин.

Он машинально прочел ее, боясь верить словам. Удостоверение тракториста выпало из его рук. Показалось, что кумачовые лозунги, развешанные в зале, почернели. «Приезжай. Умерла мать. Похороны завтра», — беззвучно повторял он.

Соседи заглядывали в казенный бланк и тихо отшатывались от Зоси.

Побледневший, он ринулся из зала. Чуть не забыл прихватить из общежития свои вещички. Выбежал на большак, издали голосовал каждой машине.

Ведь и не любил он вроде бы мать, и всерьез ее не принимал, вечно стонущую и надоевшую своей

руганью... И разговаривал с ней грубо. Можно сказать, вовсе не разговаривал! Не советовался и не слушался... А не стало ее — и затрепетало в Зосе что-то укоризненное, похожее на боль. Эта боль была непривычная, лишняя. От нее хотелось избавиться. Но она росла, и это пугало Зосю, мучило... Да сам и виноват: не берег матушку. Пробыл на курсах четыре месяца и ни разу не поинтересовался, как она там. Радовался свободе и был даже доволен, если честно признаться, что не брюзжит рядом мать, не кашляет, не клянет отца и весь белый свет, не действует на нервы... А ведь она — мать. Она-то уж точно без притворства, не как другие, желала ему только добра. Она его выпестовала, на последние гроши одевала. А он рвал одежонку, хулиганил. Из-за него она и в могилу сошла. Но почему все так получилось? Ведь он не желал матери ничего плохого!..

Зося терзался и не знал, куда деть свои длинные руки, которые то обхватывали голову, то пытались рвать на груди замасленный ватник, то бесильно падали. Он не замечал тряски, он мысленно торопил шофера и все старался разглядеть за прыгающими впереди холмами очертания родного городка.

И все же грузовик вкатился на городские улицы удивительно скоро. Зося бегом помчался к дому. Ноги подкашивались. Пораженный, он замер возле крыльца, рядом с которым косо стояла длинная крышка гроба, сколоченная из желтоватых досок. Чья-то неумелая рука вывела на ней химическими чернилами неровный крест. Крест этот окончательно сразил Зосю. Всклипывая, он вбежал в дом, грохнулся на колени рядом с гробом, боясь притронуться

к синеватым рукам матери. Он не помнил, чтобы когда-нибудь притрагивался к этим рукам, когда они были еще живыми, делали работу, обмывали и обшивали его, готовили ему пищу. Зося осознал это, порывисто схватил руки матери и затрясся в рыданиях.

Горбатая старушка перестала читать псалтырь и воззрилась на Зосю. Подошла к нему близко, заговорила что-то истово. Зося не разбирал ее слов, но благостный, утешающий тон ее голоса западал ему в душу. Он успокаивался, хотя грудь оставалась переполненной незнакомой болью, которая теснила сердце.

— Теперь уж не вернешь, а царствие небесное... — наговаривала старушка.

«Царствие небесное тут ни при чем, а что не вернешь — это верно», — подумал Зося и стал соображать дальше. «Плачь — не плачь, а не вернешь. И незачем так мучиться. Не сможешь». Думалось холодно и отчетливо, даже сердито, оттого что теперь надо делать всякие неприятные похоронные дела, а люди будут глядеть и шептаться, много ли плакал Зося, богато ли украшен гроб... Зося думал и становился почти самим собой, только усталым, будто постаревшим.

Он расспросил старушек, что и как надо делать на похоронах. Оказалось, все уже предусмотрено, все документы выправлены. И он поймал себя на том, что он не благодарен старушкам, а вроде рад, что все сделано без него. «Совсем я запутался, — раздраженно подумал он. — Что я за человек? Ведь нехорошо так думать в эти минуты».

Ему осталось только купить на поминки вина. Купил на последние рубли. Уединившись в своей

шорне, он приложился к бутылке, считая, что имеет на это полное право, и проспал на лавке до утра похорон.

Когда проснулся, в доме снова шушукались старушки. Зосе подумалось, что они делают свое дело с удовольствием, даже гордятся своей заботливостью о чужих людях. «У-у, курицы, ведьмы незваные!» — злобно прошипел Зося. Но под окном проиграла больничная машина. Надо было спешить. Шофер помог вынести гроб с телом. В «катафалку» забрались обе старушки. Рядом с шофером уселась незнакомая Зосе представительница от больницы, в которой работала прачкой мать. До кладбища ехали минут десять на хорошей скорости. Могильщик разложил веревки, оттолкнул замешкавшегося Зосю и единолично опустил гроб в темную глубину. На глинистом холмике поставили струганый крест, на котором чернильным карандашом было написано имя матери. «Все обихожу. Памятник поставлю, с вечной фотокарточкой», — дал себе слово Зося, глядя, как прибраны другие могилы.

Шофер сигналил за оградой. Представительница уже сидела рядом с ним. Старушки перекрестились и заспешили к машине. Оглядываясь на могилу, Зося дергающейся походкой шел за ними.

На поминках старушки чувствовали себя хозяйками. Зося упросил зайти и представительницу. Выпили не чокаясь. Помолчали. Зося налил по второй. Представительница поглядела на часы, извинилась, сохраняя на лице казенно-скорбную маску, и ушла. Зося повесил голову. Старушки запричитали, принялись перебирать живых и мертвых товаров. Зося зажал уши.

Он не пьянел. Следил за собой и удивлялся, что

в нем сейчас жили словно бы два человека. У одного слезы накали, и ему было жаль самого себя, а другой шептал, что произошло то, что и должно случиться, что умирают все.

Но ведь ему-то, Зосе, надо жить! Долго жить. А как? Кто научит? Должны, конечно, быть умные добрые люди, которые и работают, и живут красиво и правильно. Понимают смысл жизни. Детей растят, сады разводят и законно веселятся. Но как стать таким? Как хотя бы познакомиться с ними, сойтись поближе, чтобы видеть их постоянно, учиться у них хорошему.

Пора бы уж Зосе и перестать брать пример с дурного. Никакой нет в этом радости, одни неприятности. Пора бы и самому делать людям добро. Есть же такая пословица: хочешь иметь друга — стань им. Слышал ее Зося и усмеялся, не задумываясь по-настоящему. А надо бы. На практике ее надо бы проверить. Тайком. Никому не рассказывая. Тогда бы, может быть, и яснее стало как жить.

От таких мыслей у Зоси заболела голова. Он обхватил ее руками, сжал виски. Боль поутихла. Но на душе было тяжело и пусто. И снова не думалось. От этого становилось еще хуже.

— Да что я все о себе да о себе! — раздраженно пробормотал Зося. И подумал: «Мать померла, а я о себе горюю. Эгоист. Не будет из меня толку. Так и придется жить с таким вот дрянным самочувствием. Ну и человечиска я!»

— Опять о себе! Тьфу!

Старухи затаили похужее на молитву. Зося зыркнул на них и порывисто вышел на крыльцо. Сжал гудящую голову. Мыслей больше не было.

И непонятно было, то ли остановилось время, то ли понеслось еще стремительнее.

— Ой ты сиротиночка! — услышал он рядом пьяный старушечий голос. И не оглянулся.

— Не жалел матку-то, вертопрах. И глазыньки ей не закрыл, — проскрипела горбунья.

Зося взвился. Он готов был в клочья разорвать непрошенных помощниц и укоряльщиц... Словно помелом вымахнуло их со двора. Зося укусил руку, чтобы не заорать и не запустить им вслед поленом. Его затрясло. Грудь и скулы распирало нестерпимой болью. И жгло что-то внутри, словно плеснули туда кипятком. «Когда же это у меня пройдет?» — испуганно мелькнула мысль. Зося судорожно попятился в коридор, чтобы не видели его на крыльце в эту минуту. Прислонился к стене. Все его существо пронизывала жалость к матери, к самому себе. Страх перед одиноким будущим терзал его. Он казался себе слабым мальчишкой, которого окружили во сне людоеды...

Зося взмахнул руками, отгоняя наваждение. Нет! Он же взрослый и крепкий парень! И живет в городе. Это верно. Но люди и сама жизнь — как они несправедливы! И с матерью, и с ним... Ждать добра и помощи не приходится. Все против него. А за него один он, сам Зося. Неужели всю жизнь придется драться, рвать, отнимать? «И буду!» — решил он.

Зося испугался чувств, охвативших его, и заставил себя быть рассудительнее. Опять подумалось, что пора бы бросить всякую блажь, стать сильным и не мучиться попусту. Он снова вышел на крыльцо, подставил голову под ветер, закрыл глаза, замер. Руки держались за перила цепко. Слез боль-

ше не было. И ему подумалось, что плакал только что не он, а кто-то другой, живший в нем независимо от его воли, которого надо закрыть на все замки и больше не выпускать.

Зосе немножко понравилось, что он умеет думать и понимать себя, командовать собой. Это успокоило его почти окончательно. «Не такой уж я дурак, как думают некоторые. Пусть думают!» — мстительно решил он.

И пошел в дом как хозяин.

Неубранный стол с закусками и недопитым вином снова всколыхнул в нем боль. Он с отвращением собрал объедки в газету, бутылки сунул в шкаф и поскорее захлопнул дверцы, потому что из шкафа на него с укором глянул сиротский застиранный халат матери.

В груди снова заныло. Пустой дом казался заброшенным сараем. Зося бесцельно бродил по комнатам, но в каждом углу натыкался на вещи матери и пятился от них. Надо было что-то делать. Но что?

Одиночество и боль пластали безжалостно. Зосю начинало бесить, что никто, кроме погребальных старух, не пришел к нему в эти горькие дни. А были же школьные приятели! В артелях — тоже. Так нет же! Никому не нужен человек со своим горем. От таких сторонятся: как бы себя не расстроить.

В Зосе вновь закипело негодование. Он расплился до того, что если бы кто-то и зашел к нему в эту минуту, он вышвырнул бы его...

— Хватит. Будь мужиком! — вслух приказал себе Зося и сдернул простыню, которой старухи завесили зеркало. Надо было оглядеться, привести се-

бя в порядок. Зося подошел ближе к зеркалу и не обрадовался. На него глядел длинный сутулый парень с продолговатым серым лицом, усыпанным синеватыми пупырышками, с тяжеловатым носом и толстыми влажными губами. Серые глаза навывкат были водянисты и воспалены. Пепельные волосы редки. Плечи узкие, широкие в кости руки свисали до колен.

Зося вздохнул и отвернулся. Ничего нового в зеркале он не увидел и еще раз подумал, что с такой внешностью жить ему будет нелегко и вряд ли может он рассчитывать на удачу, не говоря уже о такой неясной штуковине, как счастье.

Через два дня Зося завербовался на стройку в большой город.

На дверях дома уже висел замок с двойной дужкой. Но не было сил снять ладонь с дверной скобы. Тяжело было идти по двору. Ноги не слушались, словно знали, что идти им предстоит ой как далеко, а дорога неизведанная, неторная.

Унылые честные мысли текли в Зосиной голове... Вот он уже стоит возле угла дома, ухватившись за выщербленный торец. И с него тоже трудно снять руку.

Последний раз глянул на подворье. И сладко защемило душу. Милым и самым уютным показался родной дом, который надо было покидать надолго, а может, и навсегда. Дорогим и самым красивым стало крыльцо, хотя видно, что оно косое и щелястое. Светлыми, зовущими глядели на него давно немые окна.

До вокзала дошел, ни разу не оглянувшись на дом, из которого сквозняки выдували последнее хозяйское тепло.

ЗЕМЛЯКИ вновь увидели Зося только через несколько лет. Была ранняя весна. Зося то-ропливо шагал по не просохшей еще дороге, издали пытаясь разглядеть свой дом. На Зосиной голове лихо сидела шляпа с высоко загнутыми полями, спину его обтягивала синяя нейлоновая куртка с желтыми молниями, на ногах красовались заграничные туфли. Но шляпа казалась помятой и сплюснутой, будто на ней сидели, куртка была засалена возле карманов и кое-где порвана, а туфли основательно стоптаны и давно не чищены. Было видно, что ни имущества, ни капитала он не нажил.

Однако шагал Зося тверже, чем прежде, слегка подавшись вперед грудью и вытянув шею, зорко замечая все, что происходит вокруг. И взгляд у него был уже не просто веселый или злой, а усмешливо-нагловатый, ускользающий. Было похоже — он точно знает, что ему делать на этой земле.

Возле дома Зося сорвался с шага на бег, скользнул глазами по фасаду, вспрыгнул на крыльцо и улыбнулся. Взялся руками за замок с двойной дужкой, потряс его легонько, словно потрепал любимую собачонку, и тут же построжел лицом, занося ногу за порог.

Через полчаса в доме распахнулось окно, и в нем показался Зося. Стоял — руки в карманах, на улице и на прохожих глядел с изучающим прищуром. Не здоровался ни с кем. И его вроде не замечали.

Еще через полчаса Зося медленно прогуливался вдоль улицы, посверкивая глазами, словно фотографировал ими все подряд. А улица эта так и оста-

лась крайней. И ничего на ней не изменилось. Тот же гладко обкатанный булыжник на проезжей части, те же голые неровные тропки вместо тротуаров. Дома, правда, стали немножко не те: одни словно повыпрямились и хвастались новой краской, а другие еще больше почернели и прижались к земле. И только на самой окраине, в кочковатом лугу, где испокон паслись городские гуси, что-то копали и вроде строили. Зося пошел туда, молча подивился размаху работ и узнал, что тут строится ММС — машинно-мелиоративная станция, и что сюда требуется много людей, а механизаторов, как он, с руками рвут. Он порадовался про себя, что работу ему искать не придется, и к дому пошел бодрее.

У калитки закурил, остановился, по-хозяйски расставив ноги и уперев руки в бока. Теперь соседи его признали, подступили с расспросами. Зося рассуждал солидно, но от прямых ответов уклонялся. Соседи быстро смекнули, что Зося уже не тот, и раскланивались с ним почтительно, как с человеком бывалым. Они в один голос рассказывали, что по улице каждый день шастают люди со строительства ММС, ищут себе жилье, и что Зосе вся статья пустить побольше жильцов в свой пятистенок. Зося слушал с интересом, но не сказал ни да ни нет. Однако скопившуюся в доме черную пыль поспешил убрать.

Первым снимать угол почему-то пришел не строитель, а милиционер Зосиных лет. Отказать ему Зося не решился, да и любопытно было, как он станет жить в одном доме с милицией. К тому же парень приглянулся ему: плотный, курносый, вроде — свой человек. А что серьезный не по годам, так Зося

знал: милиции и надо важничать. «Иметь под рукой милиционера — это совсем неплохо, — размышлял Зося, довольный собой. — Очень он может пригодиться. Мало ли что... А тут свой блюститель, щит и меч!»

Милиционер привез на «козлике» холостяцкие пожитки и ради новоселья выставил бутылку. Зося от удивления замахал ручищами, чуть не переломился в пояснице — до того ему стало радостно и смешно. Милиционер слегка покраснел. Серые глаза его остекленели. А Зося ликовал. В своем доме он разрешал себе быть самим собой.

— Я-то думал — милиция в рот не берет! — притворно удивлялся он и гоготал, стараясь, чтобы это выходило необидно.

— Ты о себе расскажи, — попросил милиционер, брезгливо разглядывая Зосины стаканы подозрительной чистоты. — Меня зовут Василием. Служил на границе, а теперь вот — в органах. — И он многозначительно глянул на Зосю.

— А чего мне трепаться? — охотно заговорил Зося, раздумывая, какой тон лучше взять в разговоре. — Нечего мне про себя докладывать. Батяка мой — беглый Искарлот. Матушку работа и хворь в гроб загнали. А я — весь тут.

— Чего в большом городе не прижился? — не принимая шуток, спросил Василий.

— Не приглянулось. Там ведь как? В общаге коек — что гвоздей в старом каблуке. А на койках — холостяки и разведенные молодцы. И мало кто выпить не любит. С получки начинается «хоккей» — сбрасывание и вбрасывание во всех зонах. Захочешь отойти, а тебя на силовой прием берут, травмируют запросто.

— Где работал, в какой организации?

— В унээре, управлении наружных работ... Точнее так, — и Зося запел в голос:

То дойдет до горбани гармошка,
То обратно вернется опять,
Матерятся басы под окошком
Во дворе унээр номер пять.

— Даешь! — милиционер без одобрения разглядывал Зося с ног до головы.

— Нет, а неужели и милиция пьет?

— Плохо ты притворяешься, — проницательно заявил Василий. — Сидишь перед бутылкой, а пьешь осторожно, хотя по лицу твоему и по ухваткам видно, что употреблять умеешь, и весьма. Так что я с тобой первый и последний раз вот так, за столом. А милиция что ж... Что мы, не люди? Помучаешься с... некоторыми... Нервное напряжение, потребность в разрядке... По данным Организации Объединенных Наций, утомляемость в органах...

— Ох-ха-ха! — грохнул Зося, согнувшись чуть не до полу. — Мы с бутылкой, а он... про ООН... Не могу!

Василий встал и со скучным лицом отвернулся от Зоси.

— Давай злись... Припомнишь, когда я к вам попаду... — все еще веселился Зося. Вел он себя так, словно и не предполагал, что его шутки для кого-то непонятны или обидны. Милиционер начал запоясываться в свою портупею, явно собираясь уходить, Зосино веселье пошло на убыль. Он засуетился.

— Слушай, Вася! У тебя есть шмара? — спросил он вкрадчиво, заглядывая в глаза насупившегося постояльца. Зося уже встревожился, что сми-

лицонером с самого начала получается так неладно. От привода в райотдел застрахованным он себя не считал. И еще ему не хотелось, чтобы жилец так вот сразу ушел и оставил его одного в тревоге. Да и разговора было жаль: интересный он получался, веселый...

— Не понимаю, — деревянным голосом и не сразу ответил Василий, хотя вполне понял Зою.

— Ну, зазноба, сударушка или невеста, любимая, что ли?

— Зачем тебе это?

— Какой у нее размер ноги? И подъем высокий, низкий?

— Ты чего, обалдел?

— Да не качай права, слушай! Я ей сапожки сошью. Самые модные. Хоть с вензелями, хоть с помпончиками. На молниях...

— Ты серьезно? — Василий, совершенно сбитый с толку, остановился возле порога.

— А ты погляди! — крикнул Зоя. Он схватил жильца за руку и потащил его в дальнюю комнату, заваленную черт те чем. Был тут полный ящик самодельных березовых колодок, кучки разноцветных кусков хрома, всевозможные опорки, гвозди в баночках и россыпью... Утыканные шильями косяки единственного окна блестели, словно были покрыты черным лаком. С шильев свисали мотки дратвы. А посередине комнатки красовалась липка, обтянутая поверху треснувшей кожей.

— Дела! — поразился Василий. — Ты, значит, и на это мастер? Без патента?

— Причем тут патент? Я же сколько здесь не жил! Давно бросил это ремесло. Но твоей — сошью. По благу, хе-хе. Чтобы кожа вот эта не про-

падала. Блеск материальчик! Ну и чтобы ягодиночка твоя по магазинам не бегала, продавщицам не кланялась.

Василий покачал головой, подумал. Он не сказал ничего определенного, но крикнул, похоже, одобрительно. И лицо у него сделалось поприветливее. Он ушел, а наутро вполголоса, словно заговорщики они с Зосей, выложил все сведения о ногах своей подруги вплоть до толщины икр. Застеснявшись, Василий тут же заторопился из дому, а Зося успокоился и повеселел.

— Нет, со здешним народом можно жить, — вслух рассуждал он, посмеиваясь. — И душу томить, сдерживать себя на каждом шагу не буду.

И Зося запел, выкраивая голенища, необыкновенно бодрую, но не вполне печатную песню, привезенную из общаги большого города.

5

ЧЕРЕЗ пару дней усердной работы Зося навел последний лоск на каблуки алых сапожек дефицитного тридцать шестого с половиной размера с высоким подъемом. И напевал все ту же песню, довольный собой и работой. Отношения с милицией налаживались, как он думал, самые лучшие. В это-то время и заглянула к нему в окно незнакомая физиономия. Она утвердилась в окне, словно портрет в рамке, и уставилась на Зосю. От полноты настроения Зося показал ей язык. Физиономия и бровью не повела. Тогда Зося прицелился в нее сапогом, как маузером, и бабахнул. Физиономия слегка отшатнулась и надула щеки, которые

стали синеватыми с радужным оттенком, какой бывает на новых жестяных трубах к «буржуйкам» и самоварам. Щеки колыхнулись и выдали басом:

— Изосим Березкин?

— Я! — гаркнул Зося, вскочил и отдал честь.

— Мне тебя надо.

— Иди бери.

— Может, через окно? — физиономия изобразила улыбку, стараясь, видимо, попасть в тон веселому домовладельцу.

— Быстрее будет! — одобрил Зося, готовый к потехе, и тут же заторопился с вопросами, которые вылетали сами собой: — А ты кто такой? Отчего у тебя рожа синяя?

— Чубенко я, директор вон той ММС, — в два приема сказали щеки и кивнули в сторону стройки. — А лицо у меня такое от густого волоса и хорошего бритья. Понял?

— Понял. Хохол ты, значит. Директор, — вслух оценивал гостя Зося. — А я бывший тракторист УНР номер пять, управления наружных работ то есть, треста...

— Знаю, — сказал Чубенко. — Хорошо, что наружных. Ты мне нужен.

— Влезешь в окно — бери. Пойдешь через крыльцо — и в дом не пущу!

Зося завелся. На мгновение ему подумалось, что с директором надо бы покультурнее, что еще, может, придется работать у этого директора. Но память тут же выдала тонкую коварную подсказку: начальство любит разных смелых и веселых чудачков, авось и этот хохол клюнет на удочку... Да этот и сам вроде на дурь напрашивается. А это — пожалуйста, и в любом количестве.

— Давай руку! — бухнул за окном бас.

— На! — Зося с ликованием высунул на улицу свою черную, блестящую от дратвы лапу.

— Я тебя сейчас самого... со всеми потрохами... как цыпленка, выволоку на улицу!

— Нет, я тебя... Не кажи гоп, дядя! — Зося вспомнил пару украинских слов и стал донельзя доволен собой. Но тут же и приутих, почувствовав непомерную силу и тяжесть тела противника.

Боролись они долго. Зося тоже побагровел и посинел, как щеки за окном. Со страхом думалось, что вот-вот лопнут жилы, потому что натянулись они до последнего предела, до пугающей острой боли. Но вот над подоконником показалась круглая смоляная голова. За ней — широкие, как подушки, плечи. Дальше пошло легче. Блеснул значок-поплавок на пиджаке... Отпустив дрожащую Зосину руку, Чубенко закинул на подоконник толстую ногу в резиновом сапоге и перевалился всем телом в Зосину шорню. Встал, оттолкнувшись ладонями от подоконника, загородил все окно.

— Рабочий класс всегда верх возьмет, — срывающимся голосом проговорил Зося.

— Само собой, — согласился гость. И констатировал совершенное спокойно: — Ты и сапожник, значит.

— Обувщик, — поправил его Зося. — Сапожников теперь нет. Одни обувщики. И тех мало.

— Богато живешь, — иронически заметил Чубенко.

— Последний хрен без соли доедаю, — брякнул Зося и залился.

— На бульдозере больше заработаешь, — сказал Чубенко.

Зося тотчас оборвал смех.

— Это конечно, — согласился он, будто речь шла не о нем. И добавил уже без особого веселья: — Хотя бульдозер не к себе гребет, а все добро от себя отталкивает. Глупая машина.

— Будешь у меня работать. А я пока буду у тебя жить, — решил Чубенко и пошел по комнатам, словно пробовал на прочность стонущие под его ногами половицы.

— Раз я prospорил насчет окна — значит, всё, твой, — с наигранным вздохом проговорил Зося. Сапожки сразу наскучили. Он бросил их не глядя и задумался.

Чубенко все еще ходил по дому, а Зося прислушивался к его шагам и думал. С такими жильцами надо было вести себя умно. Веселье — это одно. Веселись, а карты свои до конца не раскрывай, если не хочешь прозевать выгоду, которая обязательно примется скоро постукивать в окна, как недавно постучался вот этот директор. Не жильцы, а мечта, клад. Не какие-нибудь запивохи-работяги, сбежавшие от жен, а солидные люди, ответственные работники, руководители, сила, власть! Дурак будет Зося, если не попользуется этой силой, которая теперь постоянно под руками. Веселей будет жизнь!

Чубенко вернулся к Зосе и положил ему на плечо тяжелую руку.

— Слушай, — вдохновенно заговорил он. — Ты слышал ли, юноша, что за штукавина такая — мелиорация земель? А? То-то. А я по этой линии институт закончил и прислан сюда создавать целую ММС. И будете вы, механизаторы-мелиораторы. улучшать земли в своем районе. Задача вкратце такая: негодные кустики убрать, кочки сровнять, ни-

зины осушить до оптимального режима, короче, добиться, чтобы каждый гектар давал хлеба или там картошки, трав в два раза больше, чем сейчас. Благороднее этой задачи нам с тобой не найти. Вот давай вместе и поработаем на этой ниве. Но мы еще в пеленках. У меня и конторы нет — строю. И техники мало. И людей. И производственные корпуса только-только заложены. А с нас уже требуют план. А план — дело святое. Трудно сейчас. Помощников у меня раз-два и обчелся. Вот и призываю я тебя, дорогой мой домохозяин, стать в их ряды. Жду от тебя, как и от всех наших людей, помощи и вполне сознательного труда.

Чубенко перевел дух. Зося блаженно зажмурился и... захлопал в ладошки, изображая вежливые аплодисменты.

— Мели-оратор, мели, оратор, — ласково проговорил он, как ребенку.

Глаза у Чубенко вытаращились, нижняя губа брезгливо опустилась.

Зося вскочил, схватил его за руку, умоляюще глянул в посеревшее лицо.

— Да я же целиком — за! За то, о чем вы говорили! Это же здорово! А хлопал я так... люблю шутку. К тому же аплодисменты всегда воспринимаются как знак одобрения!

Зося с таким простодушным и умоляющим видом впился взглядом в глаза Чубенко, что морщинки на его лице дрогнули и вдруг его расцветила широкая улыбка. Они глядели друг на друга и смеялись все громче. Зося подхалимски нашарил правую ладонь Чубенко, крепко сжал ее.

— Я — за, — еще раз тихо сказал он. — И вполне сознательно.

Но не удержался Зося, подмигнул директору, словно они двое знают какую-то веселую тайну. И Чубенко захохотал, затрясся всем своим необъятным телом.

— Ой, и увертлив ты! — сквозь приступы хохота говорил Чубенко. — Жучок ты, вижу, порядочный. Ха-ха! Но спуску от меня не жди. Да и трудно хохла провести. Ха-ха! Не удастся!

Зося чутко следил за переменами в лице директора и вторил ему вполне приличным, подобающим моменту смешком.

И вдруг он понял, что в большом незнакомом городе он не мог так вот от всей души озорничать и веселиться, отчего его всегда смутно тянуло домой.

6

ЗОСЯ решил, что жильцов ему хватит, и больше никого не пускал. Трое холостяков стали жить под одной крышей, но никто из них и не думал заботиться о ветхом пятистенке.

— Под снос пустим. А на этом месте поставим пятиэтажный, со всеми удобствами, — не в шутку планировал Чубенко.

— А мне квартиру в центре обещают, — сообщил Василий. Зосе тоже на дом было наплевать. Он понимал, что не хватит у него силенок и денег нет, чтобы его отремонтировать. Решил про себя, что если дом развалится, то Чубенко с жильем ему поможет. К тому же за снос дома полагались большие деньги и благоустроенная квартира. Это было заманчиво.

Зося жил предвкушением скорых и немалых вы-

год, которые должны были обеспечить ему ответственные жильцы, и заранее веселился. Он расхаживал по дому и напевал, потирая руки. А то и вскрикивал:

— Нет, братцы-горожане! И тут жить можно. Поглядим еще на некоторых...

На кого он хотел «поглядеть», Зося отчетливо не знал и сам. Старые обиды на земляков почти забылись. Прежнюю жизнь здесь он вспоминал с усмешкой. Хотелось поработать, показать себя, поселиться. И все бы было хорошо, если бы радужное настроение не сменялось приступами острого недоверия к людям. И тогда Зося шипел: «Не дам-ся! Я уж такое повидал и столько умею, сколько этому сопливному городишке и не снилось, чего он и в телевизоре не видел. Меня не проведете!» И тосковал в одиночестве. А потом приходили жильцы, и все забывалось в шутовском балагурстве.

Чубенко оформил его на работу в ММС и сказал, что надо явиться к мастеру Пашину. Услышав знакомую фамилию, Зося хохотнул, но ничего не сказал, а через минуту и вовсе посерьезнел. Глаза его сузились: последняя встреча с Пашиным и раз-молвка отчетливо всплыли в памяти.

Пашина он нашел быстро. Они тайком оглядели друг друга и поздоровались, как старые добрые знакомые. Зосино лицо при этом светилось дружелюбием, но держался он перед старым мастером уже не как ученик, а с достоинством бывалого работяги и человека. «Злится он на меня или забыл?» — мысленно спрашивал себя Зося, а говорил другое, словно газету читал:

— Тут у вас масштабы. Есть к чему руки приложить.

Зося искоса следил за лицом мастера, чтобы определить, как он принимает его слова.

— И ты, однако, здесь, — с намеком ответил Пашин.

— Меня Чубенко сагитировал. Он мой жилец. Ежели начальство просит... — с комичной важностью сказал Зося.

— Возле Чубенко человеком можешь стать.

— А я кто? Кончим-ка про это. Работу показывай, — посуше проговорил Зося.

— Работа опять по железу, — тоном артельного мастера ответил Пашин и повел Зосю к приземистому дощатому навесу, из-под которого неся гул моторов и гром металла.

— Хоть уши затыкай, — мрачновато пробурчал Зося.

— Гремит железо, — вздохнул Пашин.

Зося забежал вперед, остановился перед Пашиным, заговорил вкрадчиво:

— Слушай, Иван Иванович. Давай с глазу на глаз поговорим, пока одни. Люди мы давно знакомые. Забудем обиды. Можем пригодиться друг другу. У меня все же директор — квартирант. Меня не обидишь — и я в долгу не останусь.

Глаза у Зоси бегали. Он был уверен, что про большие города он говорит правду. Обидным казалось, что он — почти друг Чубенко — должен теперь подчиняться, как мальчишка, рядовому старому мастеру.

А больше всего хотелось знать, что же выйдет из всего этого, как отреагирует Пашин. Если бы Пашин принял предложение, Зося мог бы и захохотать ему в лицо, мог бы и руку пожать в знак секретной дружбы. Но потемнел лицом мастер.

— Раньше ты к людям с издевочкой, со злом подходил. А теперь, значит, еще и с подлостью? Повысил квалификацию? — не без ехидства спросил Пашин, и Зося понял, что надо перестраиваться.

— Да ведь я в шутку! Дай думаю, попытаю... От своего дурного характера я... Зачем всерьез-то все принимать? — почти искренне заговорил он и заставил себя улыбнуться просто и открыто, чтобы вызвать улыбку и на лице Пашина. Но Пашин отвернулся, обошел Зосю и пошагал к навесу. Зосю это рассердило.

«Не верит, гад. За жулика считает, добренький... Злопамятный... А в общем этого и надо было ждать. Дураку ясно, что каждый для себя старается. Он уж тут, наверно, до меня кое с кем спелся. А мне от хороших ворот — поворот. Но еще поглядим. Меня не проведешь! Ты сначала к юристу сходи, проконсультируйся по всем кодексам, а потом берись меня объегоривать. Иначе сам сядешь... Да и юрист тебе не поможет», — злобно думал Зося, шагая за Пашиным.

Под навесом с широченными щелястыми воротами громоздились полуразобранные трактора, огромные ржавые плуги и еще какие-то машины. В углу «гоняли» на пробу мотор, и он ревел недорезанным боровом, которому то приставляют нож к горлу, то отводят в сторону. Рядом бухали кувалдой. Грохот стоял такой, что кричи не кричи, ничего не разберешь. Зося следил за губами и руками Пашина и понял: ему придется очищать от грязи тракторные гусеницы, разбирать и заменять изношенные траки и пальцы. Работы тяжелее и унизительнее этой и выдумать было невозможно.

— Удружил! — свирепо процедил Зося, когда

Пашин отошел.— Но поглядим еще... За мной не пропадет. Я тебя тоже могу отоварить.

Зося перекурил и принялся за работу кидком броском. Но скоро сообразил, что для него же будет выгоднее, если задание он с первого же раза выполнит так, чтобы никто не мог подкопаться. Тогда и зануда Пашин окажется в дураках, поневоле будет вынужден изменить свое поганое мнение о Зосе.

И Зося увлекся делом... Пашин подошел к нему только в конце дня. Оглядел собранные гусеницы, повертел забракованные траки и, не сказав ни слова, пошагал дальше. Зося догнал его, уцепился за рукав.

— Новичок ждет оценки работы. Похвала его вдохновит, — торопливо заговорил он, стараясь казаться шутником. Пашин остановился, и Зося опустил руки по швам.

— Сделано как полагается, — по возможности спокойно ответил Пашин, тоже стараясь не показывать раздражения. — Видно, что цену гусенице знаешь. Ты ведь тракторист?

— ...со стажем сложных работ... в условиях...

— Недели две кувалдой помашешь, а там тебе машину дадут.

Говорил Пашин неестественно спокойно, потому что уж очень старался показать, что Зосины подкопырки на него не действуют. Но не выдержал, сорвался на нравоучение.

— И не юродствуй. Здесь не паперть. Вдруг появятся у тебя подражатели? Тогда честному человеку тут дышать нечем будет. Все дело погубите.

— Я работаю на совесть, а мне морали читают! — с наигранным веселым удивлением оскорбился Зося.

— И другие не хуже работают. И не выламываются, — сказал Пашин и быстрее обычного пошел прочь. Зося долго глядел ему вслед, недоумевал и злился и на себя, и на Пашина.

Целую неделю занимался он гусеницами. Спорить с Пашиным больше не хотел. Принципиально. Но и терпение его кончалось. Чубенко как на грех уехал в командировку и задержался дольше, нежели обещал. Поэтому Зося несказанно обрадовался, когда воскресным утром слышал тяжелые директорские шаги и добродушный бас, сразу наполнивший его надеждой на лучшее будущее. Он кинулся открывать перед Чубенко двери, почтительно кланялся, весьма похоже представляя усердного городского швейцара, к которому пришел давно знакомый клиент, не жалеющий чаевых.

— Ты и у дверей не служил ли?

— Мы всё можем, — кланялся Зося. Но тут же распрямылся, напустил на себя вид незаслуженно оскорбленного человека. — Но в вашей ММС квалифицированного механизатора используют как самую черную рабсилу.

— Вот и ладно, — добродушно басил Чубенко. — Значит, пользу нашей ММС ты уже приносишь. Поди-ка не один километр гусениц наделал.

— Да ведь с этим любой ахламон справится! А я?.. Уж и мастера вы себе нашли — Пашина этого. Он накомандует! Все от него разбегутся, кто с правами. Я уж только ради вас его терплю.

— На Пашине все наши мастерские, покамест временные, держатся. И народ его ценит, — невозмутимо отвечал Чубенко.

— Да ведь я... — Зося задохнулся от негодования.

— Вижу, что ты.

— Тьфу!

— Не плюй в колодец. А нервы береги на командировку. Завтра получишь деньги и поедешь в область за трактором. Твоим он будет. Так что принимай машину и гляди в оба.

— Это мы сделаем, — еще сдавленным от возмущения голосом заверил Зося. На душе у него сразу посветлело. «Чубенко не оставит меня в черном теле. Ему давно хочется сделать для меня доброе дело, это как пить дать. Поселился у меня и считает, что должен отплатить мне. Точно. У таких людей всегда так. И останешься ты с носом, мастер товарищ Пашин», — раздумывал Зося, украдкой потирая длинные сильные руки.

А через пару минут руки у него опустились, лицо вытянулось. «Зачем я на Пашина-то злюсь? Зачем Чубенко хочу обвести вокруг пальца? Ведь это же отличные ребята. И во всем они правы со своей стороны. Ведь это же вроде честные люди!» — остро кололи его откровенные мысли.

И такой сволочью показался Зося сам себе, так ему стало досадно и больно, что он чуть не заснул, чуть не дал себе в морду.

Но его окликнул Чубенко, и Зося пошел к нему, изо всех сил перестраиваясь в бесшабашного парнягу.

7

ЗА ТРАКТОРОМ он съездил без приключений, если не считать того, что снабженцев он обманул и пригнал почти новенькую машину с гидравлической навеской и бульдозерным ножом.

Чубенко то восхищался Зосиной ловкостью, то тревожился. Боялся, что ошибка скоро обнаружится и бульдозер у них отберут. А Зося уверял, что такие дела обратного хода не имеют. И не ошибся. Из области только поругались по телефону и оставили все так, как получилось.

Из командировки Зося вернулся с покупками: привез две брезентовые робы и такие же голицы. Вечером он разложил их на столе, ревизуя каждый шов.

— В скупочном брал. Ясно, что алкаши загнали казенную спецодежду на опохмелку, — вслух рассуждал он, восхищаясь материалом необычайной крепости. — Государственные вещи! Им износу нет. А продают-покупают за копейки. Магазин с барыгами сделки вершит. Обидно! И когда только порядок будет?..

Чубенко слушал и улыбался. А Василий поеживался. Зосину критику он частично принимал в свой адрес.

— Ты договоришься так до чего-нибудь, — оборвал он Зосину речь.

— Так я же говорю, что это очень хорошо, когда такие нужные вещи рабочий человек может купить без очереди и задешево! И в нашем городишке надо бы открыть такой магазинчик.

Василий крякал, крутил головой и отходил подальше.

Они редко коротали вечера втроем. Но собравшись вместе, случалось, травили анекдоты и зубоскалили.

— И чего ты, Изосим, не женишься? — присглавал Чубенко. — Супруга в доме прибрала бы. Самого бы тебя отмыла.

— Не хватало хомута на шею! Мне и так некогда, а тогда что будет? — охотно поддерживал разговор Зося, обычно и вечерами находивший себе дело. По старой памяти соседи снова потащили к нему рваную обувь, изломанные замки, керогазы и дырявые самовары. И он никому не отказывал. Все спорилось в его руках. Трояки за работу он принимал с самым равнодушным видом. А больше всего ему хотелось показать жильцам, что он хоть и хохмач, но в душе человек серьезный, надежный и обстоятельный. И жильцы вроде верили в это, хотя Василий частенько хмурился и ни разу не одобрил Зосину предприимчивость.

— Без жены и без детей ты еще не человек, а так — зародыш, молодая зелень, — не отставал Чубенко. — Жизни по-настоящему не поймешь без семьи. Я бы тебе такую жену пожелал, которая увидела бы, что руки у тебя золотые и что веселый ты человек. Поняла бы она в тебе это — кое-что и прощала бы. И зажили бы вы ладно и богато. И стал бы ты человеком.

— А ты — человек уже?

— Само собой.

— А кто тебя человеком сделал? Жена? Или комсомол? — ехидничал Зося. — Ты вот женат. А где твоя половина? Чем занимается? Знаешь ли?

— Знаю, — отвечал Чубенко уверенно. — Она у меня умница. Медицинский институт кончает. Там нельзя без отрыва. Станет она врачом — мне и о здоровье не надо будет думать. Сто лет проживу. Ищи и ты медичку.

— С отрывом от мужа, ха-ха! — негромко гоготал Зося.

Чубенко на минуту умолкал. А милиционер Ва-

силий сидел с напряженным лицом. На такие темы он не высказывался, считал, что о невестах, женах и вообще о всех таких делах не шутят и откровенно не говорят.

— Ты, пожалуй, прав, — снова принимался размышлять Чубенко, обращаясь к Зосе. — В отрыве от меня жена. Но ведь вот какая оказия: в отрыве, а разные запросы и требования от нее все равно поступают. Пишет: вынь да положи ей человеческие кости. Ты, говорит, теперь директор и поэтому должен мочь всё. Для учебы ей, видишь ли, кости нужны. Я полагаю, не ей они нужны, а какой-нибудь ихней кафедре для наглядности. Принесет кости моя жена — ей плюс, так понимать надо. Принесет другой — другому плюс, а ей соответственно минус. Правильно я рассуждаю? Правильно. А где я, позвольте узнать, возьму эти кости? Свои, что ли, посылать?

— Хороший муж не пожалел бы и своих.

— Единственный выход.

— Давай поспорим, что я тебе этих костей хоть вагон достану, — заявил Зося, видя, что Чубенко и в самом деле призадумался.

— Ты чего, очумел? — Чубенко чуть пошире раскрыл скучающие глаза.

— Не веришь — как хочешь. Можешь соскабливать с себя соцнакопления. Помогу, если что.

— Да говори ты серьезно!

Зося глянул в окно, за которым плотно стояла вечерняя мгла.

— Пошли! — приказал он директору. Чубенко послушно встал и пошагал за ним, тараща глаза. Василий постучал пальцами по столу, крикнул неодобрительно и остался дома.

Зося усадил директора в кабину бульдозера, стоявшего тут же, во дворе, и, стараясь, чтобы мотор гудел ровно и не очень громко, двинул машину к центру города. Скоро они миновали главные районные учреждения и выехали к холму, на котором высилась громадная ободранная церковь. Словно невзначай вильнув с дороги, Зося царапнул ножом бульдозера по краю холма. Под ножом заскрежетало. Зося резко развернулся на одной гусенице и резанул по холму всей силой многотонного дизеля. Перед кабиной поползла гора, в которой замелькали желтоватые палки. Зося остановил машину и скомандовал выходить.

— Гляди, — втолковывал он безропотно следующему за ним Чубенко. — Это разве не кости? Даже черепа!

У Чубенко ослабла нижняя челюсть. Он не верил глазам: из песчаной горки торчали самые настоящие кости. До них можно было дотронуться. Чубенко холодел, а Зося деловито собирал кости и клал их на руку, как поленья, разглядывая и отбрасывая обломки.

— Хватит? — спросил он, поднося охалку к самому носу Чубенко.

— Та чи хватит, — пробормотал Чубенко.

Зося бросил кости в кабину, а уезжать не спешил. Он принялся разгребать песок ногами и выкатил из него пару черепов. Поднял, повертел их.

— Вроде, симпатичные. Или постраховиднее надо? Как супруга-то пишет? — тихо спросил он.

Чубенко заслонил лицо ладонями и попытался к бульдозеру. Зося с черепами в руках прыгнул в кабину, развернул, заровнял ножом рану на холме и спокойно повел машину к дому.

— Что это? Кладбище? — спросил Чубенко, когда они отъехали уже далеко и было ясно, что никто за ними не гонится.

— Не, — довольный собой, ответил Зося. — Тут хан Мамай воевал. Его солдат здесь хоронили. Оттого и холм. А на вершине сам Мамай жил в палатке.

— Врешь!

— Соври ты лучше. Про это каждый школьник знает.

— Все равно нехорошо, — сокрушался Чубенко. — Могилы, церковь. Святотатство... Подсудное дело.

— Не переживай, — успокаивал Зося. — Холм осыпается от старости, и кости сами на дорогу катятся. Бери сколько хошь.

К полуночи посылка директорской жене была готова. Зося своими руками почистил кости, нашел подходящий ящик и запаковал груз.

Вестей они ждали дней десять. И наконец пришло письмо. Чубенко прочел его, расцвел и чуть не расцеловал Зосю.

А Зося в душе потешался над ним и украдкой потирал руки. «Теперь ты совсем у меня в кармане, постельничек. Я на тебе выплусь! С размахом отплатишь ты мне! Вот как надо вопросы решать, товарищ Пашин», — думал Зося, сдерживая счастливый хохот. Но скоро настроение у него испортилось. Отчего-то жаль стало добродушного честного Чубенко, жаль оттого, что верит он Зосе, а Зося его обязательно обманет. «А надо ли его обманывать? — спрашивал себя Зося. И решил: — Подожду. Погляжу на него. Не может быть, чтобы директор был таким простаком. Играет он со мной в добренького,

но ошибается. Есть в нем двойное дно, и скоро оно обнаружится. Вот тогда все и станет ясно».

На другое утро Зося задумчиво расхаживал вокруг бульдозера, крепко сжав усохшие губы. А Чубенко сидел в своем временном кабинете и сочинял приказ. Сочинял и рассуждал вслух, поглядывая на своих ближайших помощников.

— Есть у нас самая выгодная работа — рытье прудов. Расценки там бешеные. Озолотиться можно. Думаю, надо послать на эту работу Березкина. Пусть подзаработает парень, а то гол как сокол. Сирота. Опять же в командировке семейный человек долго не выдержит. А Березкину в город рваться не к кому. В самый раз для него эта работа. Да и за бульдозер ему надо спасибо сказать.

— Рано ему такую волю давать. Сорваться может, — подал голос Пашин.

— Следить будем, — веско сказал Чубенко. И больше ему никто не возражал.

8

ЗОСЯ два вечера выслушивал наставления Чубенко о том, как ему надо вести себя в колхозах.

— Главное — держать марку и высоко нести честь. Ты первый наш представитель перед массой заказчиков. По тебе будут судить о ММС. Очень будут к тебе, и к твоей работе приглядываться. Чувствуешь, какая ответственность? — внушал Чубенко.

— Все будет в ажуре, — уверенно отвечал Зося. Днями он пропадал в мастерских, делал бульдо-

зеру профилактику и всю свою хитрость использовал для того, чтобы заполучить побольше запчастей. Но оказалось, что запчасти тоже в ведении Пашина, а Пашин отказал Зосе наотрез, заявив, что на бульдозер, только что прошедший капиталку, запчастей не полагается. Зося до того разозлился, что его трясло. В последний вечер перед долгой командировкой он сходил на могилу матери. Стоял возле нее недолго, удивляясь тому, что думает не о матери, а о бульдозере, Пашине и вообще о работе, думает и злится. Махнул рукой и ушел.

Наступило утро отъезда. Зося пришел к мастерским чуть свет. Еще раз обшарил, опробовал всю машину. Все было в порядке, можно ехать. Зося утвердился в кабине, распрямил сутулые плечи и послал бульдозер вперед. Гордость и нетерпение захлестывали его. Бульдозер играючи подминал под себя разбитую весеннюю дорогу. Вот и временные ворота ММС. Под ними обширная лужа. Зося подумал, что надо изловчиться и проехать поаккуратнее, чтобы не заляпать машину грязью. Но вдруг он увидел Пашина.

Пашин тоже пробирался к воротам, но с другой стороны. Мстительное озорство хлынуло в грудь. Глядя строго вперед, и словно не видя Пашина, Зося резко прибавил газу. Взревев медведем, бульдозер плюхнулся в лужу всей своей громадой. Краем глаза Зося успел заметить, что получилось все так, как было надо. На Пашина обрушился поток грязи, залепил ему даже лицо. Зося дал полную скорость. Он гнал машину без оглядки и только далеко за городом выключил сцепление, упал грудью на рычаги и захохотал во весь голос...

В первом же колхозе ему несказанно обрадова-

лись. Когда он остановился возле колхозной конторы, председатель вышел встретить его на крыльцо. Зося приосанился. Одного взгляда было достаточно, чтобы решить: председатель этот хитрец и пронира. Состязаться с такими Зося любил и приготовился к переговорам.

— А мы-то ждем, ждем, — радушно заговорил председатель, провожая Зосю к своему кабинету. — Не отпустим теперь тебя, дорогой мелиоратор, пока ты нам все не сделаешь. Гляди, — сказал он, подводя Зосю к карте. — Вот карта. На ней двадцать деревень. Если по одному пруду в каждой вырыть, сколько будет? Двадцать. Четыре села перспективные. Там надо от двух до трех водоемов, так по генплану. Плюс четыре пруда возле ферм и штук... — он на мгновение задумался, — штук восемь на пастбищах. Устраивает такой объем? — Председатель задорно глянул на Зосю.

Зося сидел и рассматривал не карту, а председателя, пузатого и плешивого, в засаленном пиджаке с наградными колодками. Энтузиазм председателя ему нравился. Но надо было еще знать, что за этим энтузиазмом скрывается. В искренность председателя Зося начисто не верил. И все же настроение у него было превосходное: его восхищало, что с ним так вот запросто и уважительно толкует не кто-нибудь, а председатель большого колхоза. Заискивает перед ним. Но куда он клонит? Увидим...

— С размахом жить веселее. Народ это любит, — сказал Зося важно и чуть иронично, словно намекал председателю, что, мол, им-то двоим ясны эти вещи, как надо работать с народом, увлекать его большими делами.

Председатель кинул на него изучающий взгляд.

— Ты покажи, где начинать, — тотчас проговорил Зося, опережая реплику председателя.

— И не отдохнешь? — похоже, честно удивился председатель.

— Я сегодня еще не работал. Не от чего отдыхать, — строго сказал Зося.

— Ну, ежели так, — председатель остановился, что-то обдумывая. — Ежели так, то... вот он, первый пруд.

Председатель выбросил руку к окну. Но этого ему было мало. Он с треском распахнул раму, показывая той же рукой на улицу. Зося подошел, не стесняясь, лег брюхом на подоконник, словно был дома, и все понял. Перед ним зияла невеликая серая низинка. Трава в ней не росла. Дно ее было усыпано ломаными тележными колесами и рваными автопокрышками, наполовину засосанными грязью, мятыми ведрами, бутылками...

— Углуби вот этот бывший водоем на метр-полтора. Это и будет первый объект.

«Под самым носом объект нашел, — подумал Зося. — Я буду в грязи копаться, а он, гад, наблюдать из-за косяка и оценку мне и ММС давать. Хитер!».

— Ну что ж, посоревнуемся! — громко сказал Зося, распрямившись во весь свой рост.

— С кем? — быстро спросил председатель. И Зосе показалось, что он читает его мысли.

— У нас в ММС все соревнуются, не как у некоторых, — гордо ответил Зося.

Председатель мелко хохотнул и тут же прикрыл рот ладонью, будто испугался того, что над такими вещами смеются.

«Не настолько ты хитер, чтобы я не видел твоих уловок», — удовлетворенно подумал Зося и деловито пошагал на улицу.

Через минуту под окнами колхозной конторы взбесившейся сорокой застрекотал пускач. К его треску скоро добавилось басовитое чихание дизеля. Любой механизатор, послушав такую музыку, сразу сказал бы, что прибывший из ММС трактор отлажен что надо, а тракторист на нем — дока.

Зося не волновался, хотя вовсе не представлял, как роят пруды. Он просто был накрепко уверен в себе. Он тронул бульдозер с места и не удержался от озорства. С грохотом и на хорошей скорости он трижды объехал вокруг конторы, не без улыбки замечая, как плющатся на стеклах окон испуганные лица счетоводок. А председатель высунулся из окна по пояс и недоуменно таращил глаза.

«Пусть-ка старый хрен ломает плешивую голову, для чего я это сделал. Ни в жизнь не догадаться ему», — беззвучно хохотал Зося, направляя бульдозер к усохшему пруду.

Работа пошла неожиданно легко. Слой за слоем сдирал Зося черный замусоренный ил и выталкивал его на берег, подальше от конторы. Новизна дела и удовольствие от того, что все получается неплохо, захватили Зося. Он начисто забыл о хитром председателе и его окке.

День уже клонился к вечеру, когда Зося закончил выравнивать дно и только теперь заметил, что возле пруда собралась толпа. Зося поддал газу и эффектно вывел машину на лужок. Устало вылез из кабины, размял затекшие ноги, закурил, прислонился к бульдозерному ножу и прищурился на толпу с легкой усмешкой. Толпа вслух восхищалась и

прудом, и Зосей. К нему подошел председатель, сияющий лицом и лысиной, затряс в ладонях Зосины руки.

— Победил ты меня в соревновании! — негромко, чтобы не слышали другие, сказал он, заговорщически подмигивая.

— Где у вас тут пожрать можно? — осадил его Зося. Он злился на председателя за непомерную проницательность и гордился собой: честь ММС он утверждает вроде бы неплохо.

— Все готово! — воскликнул председатель. — К лучшей хозяйке тебя определили. Но минуточку задержимся. Ничего пруд получился, аккуратный. Только вот горка эта... Неживописно. Горизонт закрывает и... палки, грязь.

— Не я бутылки в ваш пруд бросал, — парировал Зося и не удержался от издевочки: — Ты эту горку благоустрой и озелени методом воскресника. Трибуны на ней поставь, как на стадионе. Хорошо оттуда будет наблюдать, как твои колхознички купаются, особенно если женский пол. И меня будет чем вспомнить.

Председатель икнул. У него высоко поднялись брови и жесткие складочки шевельнулись у рта.

— Веди ужинать, ясновидец! — хохотнул Зося и крепко хлопнул председателя по плечу. Тот едва устоял. Ведь понимал же Зося, что себе во вред ведет он так себя с председателем, чувствовал, что не привык председатель переносить такие насмешки и обиды, да еще в своем селе, что отомстит он — все знал Зося, но ничего не мог поделать с собой.

Председатель сам привел Зосю к хозяйке и представил его. Никогда, пожалуй, не бывало у Зоси такого отличного настроения. Лучшего уж, наверное,

и быть не может. А оказалось, что может быть. Вечер подарил Зосе еще несколько восхитительных минут.

Его принялись кормить. Поданные в первую очередь щи оказались такими наваристыми, каких он не пробовал отродясь. И не плоскую столовскую тарелку поставила перед ним хозяйка, а просторное эмалированное блюдо. Зося «переплыл это озеро и осушил» его. Умял со щами полкаравая хлеба, подумал, что с деревенского народа спрашивать нечего, что он, возможно, и за завтраком, и за обедом, и за ужином ест одни мясные щи с хлебом. Случись сейчас так, Зося и не обиделся бы, попил бы воды и лег спать. Но хозяйка, следившая за ним из-за занавески, вынесла и второе блюдо, такое же большое, до краев полное горячей баранины. Зося чуть не охнул от удовольствия и все же виду не подал, только руки потер над столом. Справился и с мясом. А хозяйка уже ставила перед ним кринку топленого молока с такой оранжевой пенкой, что не отведать его было невозможно. Зося выпил и молоко.

Городского гостя ждала разобранная постель. Уснул Зося сразу, успев лишь подумать: «Вот это жизнь!.. А не разыгрывает ли меня плешивый черт?.. Нет. Когда разыгрывают, так не кормят».

Он вырыл в этом колхозе все пруды, какие требовалось, но председателя больше не встречал. Видимо, избегал его председатель. А Зося, чтобы еще больше посмеяться над обидчивым мужиком, пруды делал заметно меньшего размера, чем предписывали проекты. И если кто-то протестовал, он сражал того такими едкими насмешками, что от него отступались.

РАБОТА в колхозах казалась Зосе триумфальным бульдозеропробегом. Только что хлебом-солью его не встречали, не натягивали поперек дороги красную ленточку и не устраивали митингов. Остальное все было.

Ему радовались председатели колхозов. И Зося удивлялся, что все они разные и с виду и по характеру, но чем-то неуловимо похожи один на другого. Радовались заведующие фермами, пожарники и пастухи.

— Да что вы, люди! — с хохотом отбивался Зося. — Я же один на весь район!

— А что за село без пруда? — толковал ему какой-нибудь дед. — Еще в старину было заведено, чтобы и по краям, и посередине села пруды были. Скотине попить, бочки замочить, бабам половики постирать, гусям поплавать... Ну и от пожара. Нет жизни без пруда. Входи в положение!

Зося видел, что центральные усадьбы колхозов разрослись, постройки в них издали хвастаются свежими срубами, крышами и краской. А старые пруды заплыли, превратились в грязные болотинки, а то и начисто высохли.

«Как же раньше-то мужики пруды копали, когда бульдозеров не было? — размышлял он. — Неужели все одним заступом, а землю носилочками оттаскивали? Наверное, так и было. Как же еще? Ничего себе работенка была!»

Он усмехнулся, представляя такую работенку. И начинал сердиться, если бывалые мужики, случалось, глядели на его работу без особого удивления.

Он сполна осознал важность своей миссии, и на

него напала лихорадка. Не то чтобы он гнался за длинным рублем, нет, хотя и эта сторона дела его интересовала. Он как-то сам по себе уверился, что заработает тут немало, и не спешил узнать сколько, сознательно отодвигая этот приятный момент. Главное — пришлось ему по душе сама работа, и хотелось еще изумить деревенщину: выкопать для нее все пруды, какие только ей вздумается иметь.

Огляделся он быстро и поставил себе задачу: каждый день делать не меньше одного пруда. С такой задачей он стал справляться с первого дня. И до того был доволен, что готов был петь и плясать вокруг бульдозера, целовать его в теплый радиатор.

Колхозы, словно соревнуясь, не скупилась на харчи. Его селили к самым хлебосольным хозяевам. Никогда не питался он так сытно, не работал с таким удовольствием и не чувствовал себя столь спокойно и уверенно. Даже сутулости у него поубавилось, и с лица он стал посвежее, раздобрел и окреп.

Председатели, нередко проезжавшие мимо, останавливались и оценивали его работу, переманивали к себе, козыряя договорами с Чубенко и тем, что деньги за предстоящую работу уже переведены на счета ММС. Иные приглашали даже на секретную выпивку с разговором. Но Зося держал марку.

Никогда еще он не видел перед собой таких прекрасных перспектив. И что было самым упоительным — так это свобода. Чубенко со своей бухгалтерией и незаменимым Пашиным казались столь далекими, что иногда Зосе думалось, будто никакой ММС и нет вовсе, а все дела вершит только он, Зося, умелый бульдозерист, которого все уважают и которому везде рады. Да и народ деревенский при-

шелся ему по душе: доверчивый, на Зосины шутки отзывчивый.

Он не был озабочен, на сколько процентов выполняется у него план, да и не знал, как учесть и перевести в кубометры, нормы и рубли вырытые ямы и бесформенные горы земли. Слышал, правда, что путешествует по его следам учетчица, но это его не волновало. Он хотел знать только свое дело и делать его с блеском.

Лишь месяц спустя он узнал, что нормы перекрыл почти в три раза. И вручили ему такую получку — сами кассиры в деревню из ММС привезли, — какую он прежде не зарабатывал и за полгода.

«Да ведь я миллионером буду! — верил и не верил себе Зося. — Ведь можно и еще поднажать. Тогда что же получится?»

Зося подсчитывал, мотал головой и зажмуривался, чтобы вернуть себя к реальности и убедиться, что все это не сон. Он принялся гонять бульдозер из деревни в деревню на самой большой скорости, нетерпеливо покрикивал на деревенское начальство, требуя немедленной работы, и даже на обеде не снимал с себя умазанную глиной и маслом робу, руки не отмывал дочиста неделями.

На втором месяце такой работы к нему приехал Чубенко.

— Ты бы хоть дом навестил, — весело заворчал он, изучающе разглядывая Зося и бульдозер. — А то простенок в твоей хате вываливается. Перед народом стыдно.

— Стыдно — так почините, — заявил Зося, радуясь встрече. — А ты-то пошто?

— Да так. Проведать. И по поручению рабочко-

ма. Вымпел ты заработал и премию за месяц, — важно сказал Чубенко. — Поздравляю!

Зося аж задрожал от удовольствия. И радостно ему было, и смешно представить, как он газует по грязище, а на кабине болтается аленький шелковый косячок, который Чубенко собственноручно приладил к бульдозеру, разглядев, что ладони у Зоси чернее черного.

— А премия-то сколько? — не утерпел Зося.

— Пять рублей. За месяц больше не бывает. Положение такое. А если за квартал победишь...

Зося не дослушал. Он сцапал пятерку и бросился прочь. Чубенко и в себя прийти не успел, все еще таращил глаза и недоуменно топтался возле «козлика», когда Зося вновь оказался в поле его зрения. Теперь Зосина фигура двигалась помедленнее, и было заметно, что за пазухой он что-то придерживает.

— Ты чего? — строговато спросил Чубенко.

— Зайди ко мне! Хоть на пару минут. Поглядишь, как я живу. Одичал я без своих. Не с кем словом переброситься, — горячо упрашивал Зося, увлекая директора за собой. И было в лице Зоси что-то такое умоляющее и незащитное, что поддался Чубенко, пошел.

Посадили его в переднем углу. Хозяйка положила ему на колени расшитое полотенце. Вдохнув аромат дымящихся щей, увидев тарелки с мясом и творогом, Чубенко не мог понять и припомнить, каким образом очутилась в его руках вилка и ложка. Не сказал он ни слова и не подумал ничего предосудительного, когда Зося громко стукнул донышком поллитровки о стол да еще добавил с хотком:

— Премия!

Они вышли и по первой, и по второй, не ошьянели ни чуточки, наговорились всласть. При этом Зосины глаза блестели влюбленно. Сиял и Чубенко, словно встретился с младшим братом, которым можно гордиться.

Провожать Чубенко вышла даже хозяйка.

— Не зарвись только,— тихо сказал на прощанье Чубенко.— Не натвори чего...

— Ну что ты!— оскорбился Зося.

«Козлик» укатил. Зося еще долгонько стоял на дороге, а хозяйка на крыльце.

— До чего мужик-то хороший! Видный, а простой,— сказала хозяйка, когда поскучевший Зося подошел к дому. И усомнилась:— Директор ли он?

— А кто же!— рассердился Зося. И слегка приврал:— Но он не с каждым так... У нас с ним дела особые.

Хозяйка не обиделась на сердитые слова, поглядела на Зою с уважением и с этой минуты называла его на «вы».

10

УЖЕ В ДВАДЦАТОЙ, наверное, по счету деревне к Зосе подошел полненький дядька и завел разговор, зыряка всевидящими глазами то на бульдозер, то на ловкие Зосины руки.

— Один работаешь?

— Нет, с машиной,— не очень-то дружелюбно стозвался Зося.

— Одному хорошо,— заговорил дядька.— В артели или в бригаде честный работяга всегда за ло-

дыря, за очкастого растяпу или за инвалида ишачит. Обязательно кто-нибудь на трудовой шее едет. У нас всегда так: половина работает — половина мешает, работников объедает. А одному — благодать.

Зося был в этот вечер не очень чтобы весел: вспоминался город, хотелось поразвлечься, нового чего-то хотелось. И он с интересом глянул на дядьку, который завел недеревенские речи. Выглядел дядька тертым. Глазки острые, неуловимые. Лицо — холеное, с нехорошей усмешечкой. И заметно еще было, что здоров он, как бугай, хотя чувствовалось, что ему уже за шестьдесят.

— А ты себя любишь, — сказал Зося, в надежде сбить дядьку с толку и взять инициативу в свои руки.

— А ты — нет? — усмехнулся дядька.

— Я бульдозер люблю, — уклонился Зося от прямого ответа.

— Правильно делаешь. Он тебя озолотить может.

Уже не первый раз слышал Зося это «озолотить», оно то раздражало его, то отзывалось в душе ожиданием чего-то и в самом деле большого. Поэтому он на всякий случай спросил дядьку:

— Как, интересно узнать?

— Слушай, если не знаешь. С учетчиком-то своим знаком? Нет? Ну и дурак. Заведи знакомство. Поближе сойдись. Он тебе выработку в полтора раза больше запишет. В колхозах ведь все равно не знают, сколько ты выполнил земляных работ. Никто обмерять не будет. Сколько запишет учетчик — столько и будет. За столько и расчеты пойдут, и зарплата тебе — тоже. Начальство спасибо вам с учетчиком скажет за столь высокие показатели.

Все это и мамээсу твоему выгодно, и лично тебе. Дошло? Ну, и учетчика отблагодаришь, чтобы у него был интерес...

— Это чьи песни?— с недобрим намеком спросил Зося, без нужды копаясь в двигателе и отворачиваясь, чтобы дядька не видел его лица. А на лице у Зоси был веселый интерес к дядькиным советам.

— Не прячься. В порядке мотор. И на испуг меня не бери,— со вздохом сказал дядька.— Мне бояться нечего. Научить тебя хочу уму-разуму, а ты...

— Учи,— сказал Зося самым равнодушным тоном.

— Первый путь я тебе открыл,— сказал дядька, сузив глаза до едва заметных щелочек. Сказал и замолчал, но уходить явно не собирался.

— А еще какие есть дороги?— небрежно спросил Зося, которого раздражала фигура прилипчивого дядьки, замолкшего на самом интересном месте.

— Есть еще. Своим горбом, но без издержек,— сказал дядька.

— Конкретнее, учитель,— попросил Зося.— Не доходит до моих извилин твоя терминология.

— Конкретнее ты бы мог за сегодняшний вечер положить в карман тридцатку чистыми.

— Хотел бы я...— Зося хохотнул.

— Плохо хочешь.

— Почему? Я готов. Где эта тридцатка?

— У меня в кошельке.

— Это не по моей специальности. Не карманник. Руки у меня видишь какие? Не позволяют,— сказал Зося.

— И все же она может быть твоей.

— Отдашь — будет моя.— Зося снова хохотнул, но притворно. Шуток над собой он не любил. Дядька оказался крепким на раскол и держал инициативу в своих руках. Быть в подобных ситуациях Зося не привык. Обычно он любого противника сражал своими словечками, но сейчас не приходило в голову ни одной достойной момента мысли. Устал, что ли, за день? Зося злился и в то же время чувствовал, как дядькины предложения сверлят ему мозг. Их надо было понять до конца, хотя Зося решил, что заводить делишки с учетчиком он никогда не будет.

— Пошли,— решительно сказал дядька.

Зося хотел поломаться. Ниже своего достоинства считал он идти вот так сразу, с первого слова за незнакомым человеком, который к тому же хорохорится и поучает. Только глупые собачки бегут с первого окрика, да и то к ноге хозяина.

Но дядька уходил. Не оглядываясь, он лишь помахивал легонько рукой, словно указывая Зосе маршрут. Фигура дядьки была преисполнена солидности и уверенности в том, что Зося обязательно пойдет. Это злило еще больше. Но и делать-то было нечего. «А что? И схожу. Не поддамся, если что...» — решил Зося и пошел.

Дядьку он умышленно не догонял, чтобы не думали люди, будто повели его куда-то, как глупенького. Дядька зашел в палисадник перед своим, видимо, домом и пропал за кустами. Зося шмыгнул в ту же калитку и только теперь прибавил шаг.

Они вошли в огород. Пробираясь за хозяином между грядок, Зося сорвал огурец, захрустел им. Дядька оглянулся, но, казалось, не обратил на это никакого внимания. Зося изловчился и запихал в карманы еще пару огурцов. Из озорства это сделал,

чтобы досадить дядьке. Огурцами его кормила до отвала хозяйка.

— Видишь вот этот клочок?— спросил дядька, останавливаясь возле задней изгороди и показывая на луговинку.

— Ну и что? Тут горшок с золотом зарыт?— спросил Зося.

— Точно,— подтвердил дядька.— Этот лужок дает мне полтора пуда сена за два укуса, то есть гроши. А если на этом месте организовать прудик, я буду иметь карасей, жаренных в сметане, и воду для полива грядок. А ты — тридцать карбованцев казначейскими билетами. И мне, пенсионеру, приятно, и тебе, как работяге. Уловил?

— Уловил,— протяжно сказал Зося, раздумывая, соглашаться или нет.

— Так чего же мы стоим?

— А когда мне по шапке дадут за это, кто меня защитит?

— Никто не защитит, потому что шапка твоя не пострадает.

И дядька снова завел длинную нудную речь, близко подступая к Зосе.

«Вырою ему прудик, а то не отвязаться от него будет»,— решил Зося. Он улыбнулся и заявил:

— Кончай разговоры. Я мигом. Разбирай изгородь.

Дядька сразу умолк, поднатужился и поволок в сторону целое прясло. Зося скорым шагом двигался к бульдозеру.

...Через час Зося сидел у дядьки в гостях. Дядька представился ему Ефимом Дорофеевичем. Зосе тоже пришлось назвать себя: Изосим Изосимович.

— Да мы же оба наречены по-старинному!—

восхитился дядька.— Значит, и закваска в нас старая, крепкая должна быть. Так?

Зося неопределенно хмыкнул. Пока хозяин расставлял стопки и закуски, он огляделся. Дом у Ефима Дорофеевича был полной чашей. В переднем углу громоздился огромный телевизор, рядом — длинная радиола на тонких ножках и, похоже, дорогой магнитофон. Мебель — черной полировки. По стенам ковры. Потолок был выкрашен белилами, а пол блестел голубизной. Этот голубой пол резал глаза и придавал всему дому оттенок неестественности и фальши.

«Не деревенский это тип, точно», — определил Зося. И ему подумалось, что соседи, должно быть, не любят Ефима Дорофеевича и не заходят к нему.

— Богато живешь, — без одобрения сказал Зося, когда хозяин уселся за стол. Зося и не заметил, что повторил слова Чубенко, сказанные в день их знакомства.

— Бог помог. Да и трудился всю жизнь, — отозвался хозяин.

Они выпили. Дядька неожиданно быстро захмелел и заговорил, близко придвигаясь к Зосе.

— В наше время только круглый дурак без денег живет. Ты погляди, сколь их мимо нас сыплется! И не грешно ухватить иную заблудшую ассигнацию, чтобы с пользой для себя употребить. Немало ведь и без пользы пропадает. Не грешно... Да деньги и выдуманы человеком не для кого-нибудь, а для себя. В руки они должны идти, а не из рук. И хорошо, когда руки у человека трудовые, а голова — быстрая на соображение. В ленивых руках и при глупой башке деньги подозрительны и даже неприятны.

— Ха-ха!— с удовольствием слушал Зося.— Интересно. На меня намекаешь?

— А как ты думал? Я — без обману!— крикнул хозяин и продолжал вкрадчиво: — Я почему теперь о копейке не думаю, почему тридцать рублей тебе фактически задарма отдаю? А потому, что я при средствах. Я только пенсию проедаю. И то не всю.

Остальные финансы лежат, где надо, сами себя чеканят. На этот счет наше государство справедливое.

— А много ли на книжке-то?— любопытствовал Зося.

— Мне хватит. И останется...

— Как же ты накопил?

— Очень просто. Расписывался в ведомости, получал и в сберкассу нес. А потом и расписываться не стал: бухгалтерия прямым ходом на книжку перечисляла.

— Где же так рубли сыпались?

— Неважно где. Они везде есть. Надо только разглядеть. А я был и геологом, и буровым мастером, ближе к северу. Туда, брат, особые деньги идут. Но тебе это не нужно. Твои пути я открыл. И ты бы должен не брать с меня за пруд. Но ты — глупый, хочешь взять. И я отдам. И третий путь бесплатно открою: будь поближе к начальству, потрафь, понравься ему, дров, там, случайно привези или еще что. Верное дело! А с годами переходи в завхозы, по линии снабжения или на склад. Это когда ум появится. Много, брат, там интересу. Я все это сам прошел. Целая наука. И чтобы не пропадала она, передаю тебе: в деревне учить мне некого... А как вспомнишь!.. Сколько в тайгу да тундру добра завозили! Сколько бросали! Сколько

пропадало его в глупых руках! А у меня не пропадало. Я и чужое прибирал к рукам. Да...

— Силен, хищник!— восхищенно сказал Зося, довольный тем, что третий путь — быть поближе к начальству — он уже протоптал самостоятельно и не проговорился об этом.

— Оцени мою науку!— кричал Ефим Дорофеевич, напрашиваясь на комплименты.

— Когда рассчитывать-то будешь?— оборвал Зося его болтовню.

Дядька сразу протрезвел.

— Эт-то по-жа-луй-ста,— разочарованно произнес он и пошел за перегородку. Там он долгонько вздыхал, в руках его что-то шелестело. Наконец он выкес в подрагивающих руках пять пятерок, развернутых веером.

— А шестая?— спросил Зося, удивляясь тому, как изменилось дядькино лицо, ставшее ханжески неприятным.

— Тут она!— дядька ткнул пальцем в Зосин живот.

— Да ведь бутылка-то всего три шестьдесят две стоит. А пили на двоих!— запротестовал Зося без всякого возмущения, а просто из интереса, как будет **выкручиваться** дядька.

— А закуска? А хлопоты мои? А огурцы? От одного твоего мазутного запаха грядки должны повянуть! А ты ручищей! За ботву! А наука?— то ли всерьез, то ли в шутку, но запальчиво доказывал Ефим Дорофеевич.

Зося хохотал в открытую.

— Комик! Вот артист! Ну и комик!— выкрикивал он. Пятерки посыпались из его рук. Но едва дядька наклонился к ним, Зося бросился на пол, при-

крыл деньги животом. Он изнемогал от хохота и восхищался своей выходкой.

Деликатно залился смешком и хозяин.

— Ну, привет тебе, бизнесмен. Всю жизнь перестрою по твоим советам!— прощался Зося, утирая выступившие слезы!

— Не прогадаешь, хе-хе!— вторил ему дядька.

— Это точно,— соглашался Зося. И вдруг Ефим Дорофеевич посерьезнел, нагнал скорбь на лицо. Зося уставился на него, ожидая новой потехи.

— Не пойму я: или ты отпетый дурак, или слишком умный, или просто нахал,— проговорил хозяин с обидой.

— Считаю, что слишком умный,— ответил Зося первое, что подвернулось на язык и понравилось.

— Допустим,— сказал хозяин, задумчиво поднимая брови.— Тогда слушай последнюю мою просьбу, а вернее, совет. Что ты вырыл мне прудик, завтра будет знать вся деревня. Да и сегодня, считай, знает, потому что видели. Не один и не два человека завтра попросят тебя сделать и для них то же самое. И никто не попрекнет за халтуру, спасибо будут говорить и деньги вперед давать. Не отказывай людям. Но есть тут одна личность, связываться с которой не советую. Марьей Ивановной ее зовут, активистку, мать ее так. Много крови она мне испортила. Пруд ей нужен позарез, потому что разводит она всю жизнь уток. Не рой ей пруда. Она тебя попросит, она на тебя и донос напишет. Остерегись. Ты не подневольный. А остальным, что ж, остальным можно.

— Ладно. Привет,— сказал Зося и пнул ногой дверь. Дядька ему окончательно надоел и опротивел.

Над деревней стояла ясная июньская ночь. Но Зосе было не до ее красот. Он устал и ругал себя за то, что связался с этим типом. Но пятерки, хрустевшие в кармане, настраивали на мечтательный и несколько авантюрный лад. Они поднимали настроение и помогали воображению рисовать яркие и радостные, хотя и не совсем ясные картины.

Наутро Зосе надо было уезжать, но его упрешили задержаться. И он полный день рыл пруды в огородах. От хозяйки узнал, что Ефим Дорофеевич был когда-то в этой деревне бригадиром, но в самые тяжелые для колхоза времена внезапно исчез. Удирал ночью, без всяких справок. Вестей от него не было больше двадцати лет. Жена померла. Единственная дочь давно вышла замуж в городе. После него в деревне бригадирствовала Марья Ивановна, заслужила орден и вышла на пенсию. И вот заявился недавно этот Ефим Дорофеевич обратно в свой дом с двумя грузовиками добра. И теперь друг друга не могут видеть два бывших бригадира.

Зося бесплатно вырыл пруд хозяйке. И хотел было распрощаться, но вспомнил про Марию Ивановну.

— Ей больше всех пруда хочется, — сказала хозяйка. — Да хворает она, из дому не выходит.

Зося тут же принял решение. Он подъехал к дому Марьи Ивановны, оглядел подворье и сам выбрал место для пруда. Рыл его старательно, аккуратно разровнял землю на берегах и напрямик двинулся в новую деревню. Время от времени он прикладывал ладони к груди и с теплым чувством нашупывал в потайном кармане плотную пачку денег.

СЛАВА путешествовала вместе с Зосей, оставалась на следах бульдозера, частенько опережала его маршрут и неуклонно росла. Поначалу он установил для себя новый распорядок: днем рыл пруд для колхоза, вечером — в огороде или под окнами какого-нибудь сельского жителя. Но предложенный от частного сектора было так много, что на рытье прудов пришлось отводить целые дни. Теперь к ночи каждый день он пил с хозяином нового пруда магарыч. Хрустящие червонцы принимал без счета, комкал их черной рукой и запихивал поглубже в карман, чтобы не выползали. И никто не препятствовал такой его деятельности.

Нельзя сказать, что совесть его оставалась совершенно спокойной. Но он умирал ее робкие протесты тем, что прудик в огороде деревенского жителя — дело благое, а бульдозер для того и создан, чтобы на нем работали. Если бульдозер будет стоять, какой от него прок? К тому же государственный план перевыполнялся в первую очередь. А левые деньги, что ж, они такие же, как и нелевые, одну силу имеют. Да и не краденые они, своим горбом заработанные.

Пачка денег пухла. Она не давала покоя Зосе и до того довела, что случилось с ним диковинное. Ехал он по знакомому большаку. И вдруг заколотилось сердце. На всем ходу Зося выключил сцепление, сиганул в кювет. Долго расстегивал трясущиеся руками брезентовую полевую сумку, много раз обшарил все карманы. «Деньги счет любят. А они у меня, как фантики от конфет. Разве так можно!» — шептал он, разглаживая бумажки и скла-

дывая их в стопки. Он поминутно вертел головой, вглядываясь в оба конца дороги, не едет ли кто, и сбивался со счета. На учет взял все, даже медяки, запомнил общую сумму, перевалившую далеко за тысячу рублей, еще раз поразился, что денег так много. А сколько их будет к концу лета! Через пару лет!..

Ему стало страшно. Пугали сами деньги — живые, шелестящие и шевелящиеся, словно бы упрекающие его стопки бумажек. Зося по-звериному сщерился, потемнел, нашарил под сиденьем увесистый гаечный ключ, положил на виду, чтобы всегда был под рукой. Он ненавидел сейчас всех и, наверное, бросился бы с ключом на первого встречного, чтобы не приставал он к нему, не спрашивал, не узнал про его деньги.

Успокоился не скоро. А может, и не успокоился насовсем, потому что скребло душу мутное, настораживающее предчувствие. Теперь его пугало, что он не владеет собой. Понимает, что делает гадко, а сам идет по домам и спрашивает, не надо ли кому выкопать прудик. Замечал, что кое-кто смотрит на него подозрительно, и все равно шел...

В середине лета Зося позволил себе взять выходной. Заявился в город. По пути заглянул во все открытые чайные и буфеты. К дому подходил с песнями, но не очень чтобы пьяный, а внутренне настороженный, готовый на балагурство, на хитрость и на жестокий отпор, если будет надо.

А дом без хозяина глядел сиротой. На крыше подгнила и рухнула стропилина, и половину комнат заливало при любом дожде. Простенок, который и впрямь норовил выпасть на улицу, жильцы подперли бревнышком. Большого они предпринимать не

собирались. Не думал заниматься ремонтом и Зося.

Он лег на диван и отдался блаженному отдыху. Пришел Чубенко и глядел на него с улыбкой: он ни в чем не мог упрекнуть Зосю, у которого накопилось множество отгулов. Но и здесь его настигли председатели. После какого-то районного совещания они появились на квартиру к Чубенко. В домашней обстановке деловые вопросы обсуждались за накрытым столом. На правах хозяина уселся в компанию и Зося.

— Если у вас все такие, то с ММС надо дружить,— хвалил Зосю один председатель.

— Когда вы его к нам-то командуете?— спрашивал у Чубенко другой.

— Парень работающий. Только...— хотел что-то сказать давнишний знакомый Зосин хитрец, но Зося вовремя перебил его, странно блеснув глазами:

— Да бросьте вы свои договоры! Скучно. Давайте-ка я расскажу одну историю. Очень полезно знать. И договоров касается.

Компания из уважения к хозяину дома примолкла. Зося воодушевился.

— Нарыл я, значит, в одной деревне прудоз. Уезжать надо. А чего так-то уезжать, если и вспомнить нечего! Думаю... И подговорил я тамошних парней организовать мне свадьбу. Девку-то еще раньше сам опел за два вечера. Вековуха девка, не больно умна. В общем, заключили мы с ней на словах договор. Она два дня закуску готовила, посуду со всей деревни собрала. Парни ящик водки приволокли за мой счет, а потом и сами сбрасывались. Народу набежал! Бабы так и напирают на столы, того гляди, все сковырнут. И вот нахваляют меня вслух: счастье, мол, девке привалило негаданное,

такого золотого работника в деревне не видывали. Ну и пошла гулянка! «Горько» кричали раз сто. Песни орали, пока глотки у всех не заболели. Я с невестой досыта нацеловался, общупал ее походя — ничего так. Плясали — все половицы раскачали до скрипу. А я чую — пора, а то положат спать — и не ствертеться. Вышел на крыльцо, вроде на минутку, а сам шасть в бульдозер — и деру! Они там поют-заливаются, невеста коровой воет, не знаю от страха или от радости. А я под такую музыку шпарю уже к другому сельсовету. Ночь напролет ехал, к утру на другой край района попал. И сразу за работу... Вот как дела-то делать надо по договорам. Теперь есть что вспомнить, людям рассказать хоть мне, хоть невесте, хоть всей деревне.

— Да ведь врешь! — сомневалась компания, насмеявшись.

— Да точно! — уверял Зося.

— А в какой деревне было?

— Не могу пока сказать...

— То-то. Не мешал бы нам.

— А вот еще случай был почуднее... — снова завелся Зося, но его укротили.

— Эка ты, балаболка! Тут умнее твоего говорят. Слушал бы.

— Скучные люди, — заявил Зося и ушел в свою комнату, где хорошо были слышны все разговоры.

Председатели скоро разъехались, а Зося лежал на диване и благодумствовал. Никто из председателей его не выдал. Будущее представлялось ему цепью сплошных удач. Воображение рисовало восторженные картины, как он получает удобную казенную квартиру, как ему выдают солидный куш за снос дома, как он расписывается за громадную по-

лучку, за премию и берет густые червонцы за халтурку.

Он еще не знал, что безмятежному его существованию приходит конец, что через неделю привезут его с жестокой простудой и что с этого момента начнутся в его судьбе крутые перемены, которые заставят не раз трудно задуматься над жизнью, радоваться и страдать.

12

ЗОСЯ не знал, сколько времени лежит он в не-топленном доме. В одну из редких минут просветления он услышал, что под окном остановилась машина. Хлопнули дверцы, в сенях застучали шаги. В комнату вошел человек в белом халате. «Сжалился кто-то, «скорую» вызвали», — слабо подумал Зося.

Врач повертел его с боку на бок, послушал хрипы в груди, нахмурился. Выписав рецепты, он оглядел Зосино жилище и, неодобрительно поджав губы, вышел. Прощумела под окном машина. Зося лежал. Идти за лекарством было некому.

— Интеллигенция драная! Ответработнички! — ругал он запропадившихся жильцов, добавляя непечатные словечки. — Где дак ласковые, а тут хоть сдохни — им до фонарика, у них свои дела. Сходить за таблетками для простого работяги им должность не позволяет!

Зося не думал, что он несправедлив к жильцам. Он плохо переносил жар. Болело все сразу. Это казалось ему возмутительным. «Зачем же позволяется, чтобы человек так мучился?» — спрашивал он неве-

домо кого, а вернее, жаловался. И начинал соображать, что жизнь устроена не так понятно, как ему казалось раньше, хотя он и думал, что повидал и узнал немало. Пропала обычная Зосина бесшабашность. И он отдался горьким чувствам, растравлявшим душу.

Вспомнил отца, а заодно и мать. И с обидой упрекнул их, что родили они его на мучение, да еще и нарекли, словно на смех людям, Изосимом. С таким именем не прожить по-человечески, жену порядочную не найти, потому что шарахаются нынешние девки от такого имени. «Да и за что должны любить меня люди, помогать и жалеть? — мрачно раздумывал он. — Не за что любить такого. Каждый человек — кузнец своего счастья. Вот и куй его сам, Изосим Изосимович. И не пеняй. Ты сам никому добра не делал. А объегорить — на это ты мастер, это — пожалуйста...»

Мысль на какое-то время терялась. Сознание и, казалось, сама жизнь покидали его. Но в мозгу снова принимались копошиться вопросы. Они становились назойливыми и стучали, стучали в виски, словно озабоченные служебными делами людишки, которым непременно и немедленно надо попасть в свою канцелярию, а двери перед ним закрыты на все запоры бестолковыми вахтерами...

«С чего я заболел? А! Вспомнил. Вырыл пруд тому одноногому колхознику, выпил с ним и прилег на минутку за бульдозером. Место было вроде сухое, на солнышке, в головах — солома. А проснулся — дождь хлещет. Лето еще не кончилось, а до чего холодный был дождь — ледяной! Зуб на зуб не попадал. Колотун! И жар. Никто не виноват, сам достукался...

А если честно разобраться, и я добрые дела делал. Деньги не брал за пруды раза четыре. Да что говорить! Добра на грош, а зла — на тысячи. А целы ли деньги-то?! Нет, целы вроде. Здесь, под подушкой, сумка...

Но нельзя же вот так оставлять человека одного, больного тем более. Заболеть каждый может... Обязательно буду больным помогать, когда встану на ноги. Отплатят люди... Должны...

Это мне в наказание за гордость, то есть за нахальство. Занесся я, дурак. Теперь-то ясно, что дурак. Не так пора жить, а посерьезнее... Но долго ли будет казнить меня бог? Должен же он смилостивиться... Жди от него! «Бог терпит до конца, а мучить будет без конца», — так мать-покойница говаривала... Долго болела она, а я и не понимал, что больным так плохо...»

Зося забылся. Утихли назойливые вопросы. Вообще ничего не стало вокруг...

Он проснулся и сразу понял, что рядом кто-то есть. Наверное, оттого и проснулся. Заметил, что рецептов на табуретке, стоявшей у изголовья, уже нет. А возле постели стоит небольшого роста женщина. Похоже, молодая и неправдоподобно красивая. На такую красоту и глядеть неловко. Зося почувствовал, как его лицо, и без того воспаленное, еще больше занялось краской. Прикрыл глаза. Может, все это мерещится? Нет, рецепты исчезли. А женщина, кажется, не медичка, те посмелей. Кто же она?

...Зосе нравились девки попроще и не шибко красивые да модные. И хотя ни с одной он еще не сходился близко, считал, что жена у него должна быть крепкой, без интеллигентских замашек и маникюров, и лучше, если не писаная красавица, чтобы не

требовала разных ухаживаний и чтобы мужики на нее не заглядывались.

Глаза у Зоси распахнулись по-настоящему, и он увидел, что женщина выкладывает на табуретку пакетики.

Смущение у него прошло. Он молча глядел на гостью и думал, что она, пожалуй, не старше его. А гостья, наверное, уже нагляделась на него и теперь разглядывала дом. Губы у нее при этом поджались почти так же, как у врача со «скорой». Наконец она заметила, что Зося не спит и спросила:

— Вы одни... вот так?

— Один, — прохрипел Зося. Гостья заговорила так, словно перед ней был ребенок.

— Меня зовут Катя... Тоже в ММС работаю... Меня директор прислал, чтобы я принесла лекарства. Вот порошки. В рецептах сказано, как принимать.

— Бульдозер, — почти в бреду протяжно проговорил Зося.

— Причем тут бульдозер? — сказала Катя. — За вашей машиной присматривают.

— Миллионер! — бредил Зося. Он рванулся, выхватил из-под подушки комья денег... и упал на спину, затих.

Гостья встревожилась. Но Зося уже прятал деньги и глядел на нее осмысленно и недоверчиво. Катя прикрикнула на него и заставила проглотить порошки, вскипятила чай, напоила его. И Зося заснул. Ушла гостья в крайней задумчивости.

Вновь появилась она вечером. Зосе было уже легче: почти не болела голова, поутих жар, но еще не было сил встать. Поднять руку и то было до удивления тяжело.

— Что вы хотите? — спросила Катя.

— Есть, — выдохнул Зося единственное слово. Собрался с силами и сказал еще: — Два дня во рту ни росинки.

Он говорил правду, чувствуя зверский аппетит и слабость. Даже не верилось, что он, бравый Зося, мог дойти до такой беспомощности.

— Если у больного аппетит, то можно считать, что он уже поправился, — утешающим тоном сказала Катя и пошла в магазин за продуктами, весело помахав Зосе ручкой.

Зося поуспокоился и снова задумался о жизни, о людях.

«Ну из какой корысти она за мной ухаживает? — спрашивал он себя. — Не могу понять. Хотя женщины — народ жалостливый от природы. Им мимо не пройти... А эту еще и начальство направило. Вот она и старается. Это понятно. Хотя... черт их разберет, все эти дела... Хорошо, что башка не трещит. Легко...»

Катю опередил Чубенко. Он ввалился в Зосину комнату с пузатым портфелем и радостно забасил, увидев, что Зося не спит и не охает.

— Напугал ты нас, — рокотал Чубенко. — Бре-дишь, кричишь не дело. Все у тебя гады, сволочи и еще почище. Но ты об этом не думай. Это между нами-мужиками. Давай вставай скорее, а то план трещит. Бульдозер мы никому не отдали. Тебя ждем.

Чубенко говорил и после каждой фразы выкладывал на табуретку закуски: два круга пахучей колбасы (у Зоси тотчас слюна наполнила рот), увесистый кусок сыра, коробку конфет, булку. С особым удовольствием выставил огромный термос, а под конец подмигнул Зосе и сунул под кровать бутылку.

— Все это освоишь — здоровее прежнего будешь, — заявил он. — И не беспокойся: бюллетень оформлен.

Зося слушал его почти безучастно. Его мучило недоуменье. «За что все это? Что они за люди? Ведь должно же быть во всем ихнем поведении притворство! Не без расчета же они действуют! Чубенко работника хочет побыстрее на ноги поставить. Катя... А если просто так, от души они?.. Нет, не поверю. — Зося устало закрыл глаза. — А что если и им добром отплатить? Баш на баш. Что из этого получится?»

Зося не додумал думу. Он съел порядочный кус колбасы, выпил поллитровую кружку чаю из термоса, наполовину разбавив его водкой. Ударило в пот, и он снова заснул, не дождавшись Кати.

Утром Зося поднялся и стал собираться на работу. Чубенко замахал руками, вызвал врача, который настрого запретил Зосе выходить на улицу еще самое малое два дня. И Зося сел у окна.

13

ПОГОДА за окном была такая, словно осень пришла месяца на два раньше обычного. Ветер трепал деревья, которые отчаянно отбивались от него. Зосе казалось, что с улицы кто-то злой хлещет по стеклам мокрой метлой. Дорога превратилась в сплошное грязное месиво. Сыпал холодный дождь.

А Зося сидел с улыбкой. Он словно заново родился. Сидел, радовался прибывающим силам и пытался думать. Но мысли прыгали и упирались в одно слово — бульдозер. Зося тревожился о нем и ис-

пытывал к нему почти нежное чувство, как к вещи, давно своей и очень нужной. В нем устоялось благородное чувство к Чубенко, к Кате, но... перед глазами его сейчас стоял бульдозер. Он уперся в Зо-сино окно фарами, обиженно уронил широкий, как челюсть кита, нож, прижался к земле грязными гусеницами... Да полно! Видит ли он Зося? Фары подернуты влагой, и падают с них часто крупные капли. Плачет? Или от дождя это?

«Тоскует без меня, бедолага чугунная,— как о живом подумал Зося о бульдозере.— А ведь он для меня, пожалуй, самый надежный друг, железный. На него можно положиться, не подводил».

И Зосе вспомнились короткие летние ночи, когда он один-одинешенек путешествовал от деревни к деревне. Приятно было глядеть на зори. Вечерняя еще не отыграла, а уж рядом утренняя занимается. Зося грезит в полудреме, а бульдозер ощупывает гусеницами дорогу, объезжает ухабы и урчит ровненько, чтобы не тревожить хозяина.

А как они работали! Зося рычит, когда попадает под нож нежданный валун. И бульдозер рычит громче, но в тон хозяину. Зося напрягается над рычагами, и бульдозер — тоже. Глядишь, и выкачен валун на берег, а там — и в репейники его, в старую яму... Сейчас Зосе казалось, что не столько он, сколько бульдозер не мог кончить работу и идти отдыхать, пока не будут подровнены у пруда берега, пока не станет новый пруд аккуратным, как картинка.

— Умница машина,— прошептал Зося. — А ведь я его оставил непомытым, неухоженным.

Острое чувство вины перед железным другом пронзило Зося.

«Искуплю вину, вылижу тебя всего, смажу, отрегулирую, — мысленно клялся Зося. — Все сделаю, потому что вдвоем мы — сила, а один я — просто трепло. Одного меня каждый может и подалее послать и лягнуть, а когда я на бульдозере, передо мной снимают шапки, заискивают, кормят, деньги суют. Вот какова жизнь-то...»

...В дверь деликатно постучали. Зося встрепнулся. Думы о бульдозере тотчас отодвинулись в тайники души и утихли там до поры. Зося крикнул: «Да!» — и пошел навстречу гостю.

У порога стояла Катя, закутанная в теплый платок. Только островатый носик и карие глаза ее были открыты. На синем ватнике, на резиновых сапожках ее блестели крапинки дождя.

— И какая неволя?.. По такой-то погоде! — с широкой улыбкой приветствовал ее Зося. Он взял холодную покрасневшую Катину руку и поцеловал ее. И получилось это у него то ли от чистого сердца, то ли опять ради веселья — он и сам не знал.

Катя глянула на него и тихонько засмеялась.

— Вижу, что совсем здоров, — сказала она. — А уж до того был плох, что я забоялась...

— А к холостому мужику в дом заходить не забоялась? — попытался разыграть ее Зося.

— Какой ты мужик! Ты парнишечка, — ответила Катя и добавила насмешливо: — Ребеночек хвастливый. Бульдозер. Миллионер.

Ей было с ним смешно и просто. И Зося похотывал, стоя перед ней. Но он торопливо соображал, как все это понять. И ничего у него не сообщалось: не бывал еще в таких ситуациях. Для начала решил отблагодарить Катю.

— Позвольте вашу фуфаячку и платочек. Пове-

сим их на гвоздичек. Чай будем пить? — захопота-
л Зося, разыгрывая фартового ухажера. Катя от-
дала ему и ватник, и платок.

— Вот сюда, сюда присаживайтесь, — пригова-
ривал Зося, забегая вперед и кланяясь.

Катя поглядывала на него с улыбкой, шла за
ним и потуже натягивала синий свитер с белым ри-
сунком на груди.

— Вот газеточка. А я похлопочу для дорогой
гости. — Зося смахнул рукавом крошки со стола
и побежал на кухню. Здесь он окончательно убе-
дился, что потчевать гостью нечем. Оставался один
выход — мчаться в магазин. Зося накинул плащ,
сунул ноги в литые сапоги и помчался.

Людей в магазине почти не было. И все же Зо-
ся прыгал от нетерпения, стучал ногтями по стек-
лышку своих часов, намекая неразворотливой про-
давщице... Он купил водки, шампанского, конфет
и всяких закусок, какие попались на глаза. Про
чай забыл.

— Покажем себя! — вслух ликовал он. Ему ду-
малось, что в магазине он пробыл всего пару ми-
нут. Но когда вбежал в дом, поразился перемене
обстановки. Столы и стулья в его комнате были
сдвинуты в угол, а Катя, засучив рукава дорого-
го свитера, мыла пол. Зося не нашелся что сказать
и встал в дверях, боясь шагнуть на чистые поло-
вицы.

— Грязи у тебя, миллионер, многовато, — ска-
зала, выпрямившись, Катя. — Не могу я видеть та-
кие полы!

— Ин-те-рес-но, — с расстановкой произнес Зо-
ся, скрывая замешательство. — А я вот в магазин
слетал.

— Видела, — сказала Катя. — Вынеси-ка эту воду да принеси чистой, пока не разулся.

Зосю немножко покорибила такая команда, но ему тут же подумалось, что вовсе неплохо, если пол будет чистый. И он подхватил ведро. Головой поматывал на ходу, чтобы отогнать наваждение, но перед глазами все равно было Катино лицо, разгоряченное работой: румяные щеки, темные блестящие глаза. Эти глаза кололи Зосю, делали больно... Не хотел он, да и страшновато было водиться с такими красивыми, думать о них. Такая всю жизнь будет командовать, а ты бегай, как ишак...

Через полчаса они сидели за столом. От вымытого пола веяло прохладой и давно забытым, волнующим запахом чистоты. Зося крутился и не смел прямо взглянуть на гостью: одолевало волнение, пугающее, почти запретное.

— Ну, угощай, — усмехнулась Катя, заметив растерянность хозяина. — Я посижу. Меня, может, снова директор к тебе послал. Да и делать мне особенно нечего на работе.

— А ты... вы... что, тоже в ММС? — спросил Зося, сбиваясь. Он не знал, как теперь называть Катю.

— Вместе мы работаем, миллионер. Только специальность у меня другая. Я — маляр, — рассказывала Катя. — Но ничего еще не построено в ММС такого, чтобы мне по своему профилю работать.

— А чем же заниматься приходится? — спросил Зося, радуясь, что обошел и «ты», и «вы».

— По мелочам... Таблички разные рисую, номера на тракторах, эмблемы. По трафареточке. Скучно это. А тебе не надоело все время на тракторе и в командировке?

— С бульдозером мы — пара! — нашелся Зося, отчего сразу повеселел и принялся откупоривать шампанское.

Катя тихо вскрикнула, когда пробка стрелнула в потолок. И Зосе было приятно, что она вскрикнула. «Значит, простой она человек, без выгибон», — почему-то подумал он и разлил вино.

С водки Зося окончательно пришел в себя и понес свою веселую чепуху.

— Ты всегда такой... разбитной? — спросила Катя, разглядывая его.

— С малых лет, — заявил Зося.

— И нравится?

— Такой уж есть. Но это ничего. Я теплый парень по характеру.

— Пожалуй, — согласилась Катя. Она обвела взглядом углы и стены, сказала: — Хозяйку бы тебе надо.

— Да не идет никто! — Зося комично развел руками. — Может, ты расхрабришься? А что? И дом есть, и деньги. И еще заработаем. Настоящей хозяйкой будешь!

— А у меня ни дома, ни денег, — сказала Катя, смеясь. — Ведь ты не возьмешь такую бесприданницу.

Зося понял, что разговор подошел к тому опасному и увлекательному моменту, когда все говорится еще в шутку, но каждое слово моментально взвешивается и всерьез. Его разбирал азарт зубоскала: острые ситуации он любил. Но что-то и тревожное, тайное шелохнулось в груди...

— Я и без приданого возьму, — бесшабашно заявил он. — Я человек современный, хотя имя у меня...

— Ну и как ты с женой думаешь жить? — заинтересованно спросила Катя. Глаза у нее вдруг по влажнели. И вся она напряглась, хотя и старалась улыбаться по-прежнему.

— А так, — тотчас ответил Зося, изо всех сил стараясь показать, что вопрос для него ясен и задумываться над ним нечего. — Я работаю, жена хозяйство ведет... Чтобы на других мужиков она не поглядывала. У нее все будет, что ей захочется, все ей обеспечу, чтобы ходила не хуже других. Но с женой надо жить заодно во всем. Думать мы должны одинаково, потому что один на один... и все общее... Не знаю, как яснее-то сказать... Да и так все понятно... У меня вот отец был... Не хочу вспоминать... Больную мать со мной, сосунком, бросил... Я не так...

Зося сбился, покраснел. Он стыдился сказать честно, какой мечталась ему жена, жизнь с ней. А ведь мечталось об этом! В последние годы — все чаще. Эта мечта жила где-то рядом с сердцем, постоянно напоминала о себе требовательно и тревожно, вызывая томительное ожидание счастья или повергая Зося в уныние оттого, что у него, неудачливого и нескладного, никогда ничего, как ему казалось, не получится.

Он глянул на Катю и поразился происшедшей в ней перемене. Улыбка ее была жалкой, губы вздрагивали, словно Катя сдерживала слезы.

— А пить-то не стал бы? — вымученно спросила она. Зосе показалось, что Катя спросила не о главном, а просто поддерживая разговор, который прервался так неловко.

— При хорошей жизни не пьют, — рассудительно ответил он, прислушиваясь к путанице в своих

чувствах и мыслях. Раньше он бы удивился и похотел над тем, как от обычных, даже пошловатых шуток, от пустых слов два малознакомых человека вдруг ударились в такую серьезность, что обоих чуть не трясет. Раньше он отвел бы душу. Но сейчас не хохоталось. Он чувствовал, что между ним и Катей уже протянулась незримая ниточка, и если он оборвет ее, то сделает больно не только Кате, но и себе, лишится чего-то очень нужного, теплого, человеческого. И никогда больше не получится у них такого трудного, но увлекательного, умного, опасного и все же столь желанного разговора.

Катя откинулась на стуле, губы ее побледнели.

— Зося, — изменившимся голосом проговорила она, — а если серьезно?

Мурашки поморозили Зосину спину. Вот она — минута! Зося улыбнулся кривой улыбкой, которая странно застыла у него на лице. Катя уже была для него человеком, которого он не мог обидеть и смеяться над которым было бы предательством. Но что ей ответить? Становилось страшновато за себя, хотя его и подмывало привычное любопытство, давала знать привычка к бесшабашным словесным стычкам, но сейчас эта привычка натолкнулась на стену серьезности, к которой привела разговор Катя.

Он еще раз глянул на нее. Глаза у Кати были такими, словно он больно обидел ее и она мучится. Зосе стало неловко: Катя сидела перед ним такая беззащитная, близкая, понятная, своя.

Зося ощутил боль в груди, словно в нее ворвалось что-то горячее. И рядом с этим болезненным комком росла отчаянность, будто он, преодолевая страх, решается на спор на какую-то до невозможности бедовую выходку.

— Я серьезно, — еще раз сказала Катя и закусила губу. Помолчала. Спросила: — А ты можешь хоть одно слово по-человечески, без шуточек сказать?

Зосе стало еще труднее. Ему не хотелось, чтобы озорник победил в нем разумного, думающего человека: понимал, что отшутиться сейчас нельзя. Но как быть? Не приходилось еще ему разговаривать вот так с женщинами. Впервые это...

Но пора было и отвечать. «Не счастье ли привалило мне после таких мытарств? — с замирающим сердцем спросил он себя. — Ведь она такая душевная, симпатичная, без всяких там маникюров... Только почему она сама... А может, со мной так и надо, не решился бы сам-то, отступил бы с насмешечками и остался бы ни с чем, в дураках?»

Путаница становилась невыносимой. Он резко поднялся, подбежал к окну, не заметив, что стул за ним упал с громким стуком, прижался лбом к холодному стеклу...

— Боюсь я... красивых, — хрипло проговорил он, понимая, что говорит не о главном, не о том, о чем думает. Да он, пожалуй, уже и не думал. В голове стало пусто. Только страх перед попыткой решиться, беспомощность, непривычная, рождающая брезгливость к самому себе, заполняли его. И где-то еще колола горькая усмешка над собой, известным забиякой и хохмачом.

Он резко обернулся, потому что услышал, как поднимается из-за стола Катя. Он испугался, что она уйдет насовсем. Уйдет, а что тогда останется Зосе? Что он будет делать? Как жить? Не дурачиться же всю жизнь!

Но Катя не уходила. Она улыбалась ему радост-

но и чуть насмешливо. Она шла к нему, протягивая вперед руки. И Зосе вдруг стало легче и веселее. «Чего боюсь-то? Этой славной девчонки? Дурак. Да и где наша не пропадала! Попробуем и семьей пожить. Поди-ка, справимся...» — мгновенно подумалось ему. Подумалось по-старому, с привычным отчаянным весельем, с привычным желанием вязываться в рискованные споры и дела.

Он подал ей навстречу свои ручищи. Она поймала их, сжала его пальцы, прислонилась горячей щекой к костлявой Зосиной груди — Зося сквозь пиджак почувствовал ее тепло.

— Милый ты, глупый... Так-то, как мы сейчас... многие простые-то люди так сходятся... Счастливей других живут... Я много знаю примеров... Извини, что я сама... Ты ведь не смог бы...

— Поживем — увидим, — шепнул ей на ухо Зося. Необидно шепнул, с намеком даже, что он согласен с ней и надеется на самое лучшее. И хорошо, что Катя не видела в этот момент его лица, потому что на нем уже сияла отчаянная Зосина ухмылка.

14

НА ЭТОЙ неделе Зося к бульдозеру не уехал, хотя врачи разрешили ему выйти на работу. У Зоси была свадьба. Готовясь к ней, он посерьезнел, озадаченный важностью предстоящего события. В тайничке мозга еще билась мыслишка, что не совсем складно у него получается, уж слишком неожиданно-негаданно: с невестой знаком какую-то пару дней, она его знает столько же, и уж не на дом ли Зосин, не на деньги ли его позарилась кра-

сивая Катя, не на то ли, что зарабатывает он много, а дома почти не бывает? Ведь раньше девки бежали от Зоси с хохотом и чуть не плевали ему вслед, когда он пытался приставать к ним с ухаживаниями. А тут?

Но Зоєю сразу наполняла горячая радость, едва он видел Катю или слышал ее голос, а то и просто шаги. Он забывал обо всем, сомнения рассеивались. И он следил за будущей женой преданными глазами, ухмылялся, но радость все же старался не показывать.

Катя заставила его купить черный костюм и белую рубашку, сшила ему модный цветастый галстук во всю грудь. Он ей совал деньги, сразу несколько сотенных предлагал, чтобы и она купила себе все свадебное, но Катя наотрез отказалась. И Зося стал думать о ней с уважением, хотя недоумевал, почему бы и не взять ей деньги, если уж твердо сообразилась быть его женой.

Однажды он испугался. «А не разыгрывают ли меня?» — с ужасом подумалось ему. Он бросился к Кате, которая переодевалась за перегородкой. Она испуганно прижалась к стене. Он подошел к ней близко, хмуро заглядывая в глаза. Она обвила его шею руками, зашептала просительно: «Подожди. Теперь уже недолго...»

...За день до свадьбы невеста вымыла в доме окна, полы и потолки, обмахнула стены вересовым венником, все прибрала. Посвежел в доме воздух.

Утром, перед тем, как идти в загс, Катя попросила Зою сходить с ней на ее квартиру и принести оттуда вещички. Зося пошел с великим удовольствием, но приутих, увидев, что Катя ведет его прямо в дом знакомой ему горбатой старушки. Катя

беззаботно тараторила со старушкой, долго благодарила ее за гостеприимство, а старушка молча переводила глаза с нее на Зося и не проронила ни слова.

— Чего она тебя испугалась? — спросила Катя на обратном пути.

— Мы с ней давно знакомы. Соседи же, — буркнул Зося. — Позже расскажу.

— Ой, обидел ты ее когда-нибудь, — сказала Катя, заглядывая ему в лицо. Но он молчал, и Катя продолжала: — Она славная старуха. Несчастливая, конечно. Но это еще как сказать. Она только тем и живет, что людям помогает. По-своему, конечно, на религиозной почве, но делает добро. А разве не счастье знать, что ты полезен другим и живешь честно? Вот бы все так, вместо разных уловок да корысти...

Зося крикнул, всем видом показывая, что разговаривать на такую тему сейчас не время. И старушка забылась, хотя Катины слова о ней отпечатались в памяти и вызвали легкое раздражение и интерес.

Весь день Зося был серьезен и держался необычно прямо. Ухмылялся редко и то наедине с собой. Знакомые не сразу узнавали его. Приутихли Чубенко и Василий, озадаченные таким оборотом дела.

Свадебный вечер прошел без особого веселья. Зося молчал и не притрагивался к рюмке. Он считал, что жениху так и полагается себя вести. Невеста тоже сидела тихо, опустив глаза. Щеки у нее горели и руки двигались не так плавно, как несколько дней назад, а нервно, рывками. В гости она никого не позвала. С Зосиной стороны были только жильцы. Так и сидели вчетвером, по разные стороны стола.

Когда выпили, Василий не утерпел и спросил Катю, кто она и откуда.

— Она наша, — загудел Чубенко. — Рабочий класс.

— Меня в городе не знают. Я ведь недавно сюда приехала, не из славенных невест, — сказала Катя.

— Нехваленая невеста дороже хваленой, — выдал пословицу Чубенко. Катя слегка вздрогнула, зарделась, снова опустила глаза. Зося сидел прямо, лишь изредка косил глазами на Катю или сигналил жильцам, чтобы наливали себе. Наконец, жильцы переглянулись, недружно крикнули «горько», пожелали молодым всяких благ и оставили их...

А утром жених оказался прежним Зосей. Он при всех хлобыстнул стакан оставшейся после свадьбы водки, хлопнул дверью и пошел искать попутную машину, чтобы попасть к своему бульдозеру.

Не показывался он всю неделю. А в воскресенье, с утра заявившись в город, опять не пропустил ни одной чайной. Домой пришел сытый и навеселе.

15

КАТЯ остановила его на пороге.
— В таком виде не пущу. Сними грязное. — Она пыталась улыбаться.

Зося молча приподнял ее и отставил в сторону, шагнул, в чем был, в чистые комнаты. Кто знает, не будь рядом жильцов, он бы, может, и послушался, снял бы поднадоевшую робу. Но жильцы встретили его весело, глядели так, словно ждали новых шуток. И Зося не мог их разочаровать.

Катя сжала губы и пошла за ним, двери прикрыла плотно. Через час, переодетый, Зося вышел со своей половины с огромным мешком, доверху наби-

тым опорками. Подмигнул жильцам и вдруг ахнул, будто вспомнил что-то важное.

— Она выбросить велит, — обрадованно заговорил он. — А мы не так сделаем...

Он прислонил мешок к стене и бросился в сснн. Возвратился оттуда с тяжелой буржуйкой, приволок и трубы. И только теперь жильцы догадались, что Зося не чудит, а поступает разумно. На улице было уже холодновато. В нетопленном доме поселился промозглый ветерок. Усевшись на корточки и даже в таком положении не уступая в росте Чубенко, Зося с великой заинтересованностью заталкивал в буржуйку старые башмаки и дырявые подметки. Он заразил этим интересом и директора, и милиционера. И было чему дивиться! Опорки горели на редкость ходко и жарко, лучше всяких дров.

— Ташкент! — восхищался Зося. — Ползими протопитесь на моем запасе. Этого добра у меня на чердаке — на два самосвала не погрузить. Знаю, что дров покупать не собираетесь, отработнички...

Жильцы только улыбались, добрея у тепла. Но от столь приятного занятия Зосю отвлекла жена. Она увела его, а минут через десять он, загадочно улыбаясь, потопал с кошелкой в магазин. Он принес все, что было наказано, высыпал покупки на стол, но еще до этого сунул пару бутылок в комнату жильцов и мигнул, чтобы припрятали.

Жены Зося сторонился, в его отношении к ней было что-то пренебрежительное, губы его кривились. Целый день молодая жена, погрузневшая и настоженная, старалась показать себя заботливой и умелой хозяйкой, разговаривала мало, но то и дело гоняла Зосю с поручениями. Он, демонстративно подчеркивая, что все это ему надоело и вообще ни к че-

му, перетаскивал из угла в угол тяжелые вещи, приносил чистую воду и уносил грязную, и с каждым часом становился все более дурашливым и дерзким: он улучал моменты, чтобы приложиться к спрятанным бутылкам.

— Когда ты успел набраться? — тихо, но с нескрываемой обидой спросила Катя. Нет, она не собиралась плакать. Она сдерживалась, похудевшая и уже не такая красивая.

— Я хотела к вечеру хороший ужин сделать, бабку, старую мою хозяйку, пригласила. А ты? — с укором выговаривала Катя и настороженно следила за переменами в лице мужа.

— Бабка — как раз для меня компания, — ощерясь, хохотнул Зося. — Всю жизнь мечтал!

— Будь человеком, — с болью в голосе попросила Катя. — Ведь не такой уж ты плохой, как показать хочешь...

— Я — бульдозер, дурак: от себя гребу хорошее, а себе беру... — издевательски прокричал он и резко отвернулся, не договорив фразы, хлопнул дверью, зашел в пустую комнату жильцов, основательно поглотал из бутылки, сел, уперся локтями в колени. На душе было скверно. И в то же время хотелось захохотать и запеть, плюнув на все...

Прошло какое-то время, и он услышал, что к Кате кто-то зашел. Зося поднялся, ему надо было глянуть на гостя: ведь Зося покамест хозяин в доме!

Посреди комнаты, уже прибранной для праздничного ужина, он увидел горбатую старушку. Она кланялась в передний угол, где уже не было ни икон, ни бумажных цветов, и мелко крестилась, беззвучно перебирая губами.

Зося оборвал прорывавшийся издевательский хо-

хот, бухнулся рядом с ней на колени, взмахнул рючницей, неумело крестя грудь и заблажил такое, что, по его мнению, должно было походить на молитву:

— Добро сотвори, ближнего обмани, никому не признайся, богу покайся, аминь...

Лицо его перекошилось от напряжения: сдерживать хохот было нелегко.

Старушка отпрянула от него, ударилась о стену, закрестилась еще быстрее. Зося упал локтями на пол, заржал.

— Зося-а! — со слезами закричала Катя.

Зося вскочил и выкинул перед ней пару разухабистых коленец, словно собирался плясать и жену вызывал на круг.

— Зачем же так-то? Издеваться-то? — задыхаясь, говорила Катя, заслняя старушку.

Зося отстранил ее, нагнулся к лицу старушки и запел, кривляясь:

В том конце, на том краю
Бьют горбатую мою.
Не утерпеть — пойду глядеть,
Куда горбы будут лететь!

Старушка снова шарахнулась от него.

— Антихрист! — неистово вскрикнула она и плюнула в его сторону. Зося хохотнул, обернулся к жене и выкрикнул похабную частушку...

Он победно развернулся, но тут же присел: старушка с размаху ударила его клюкой. Зося почувствовал боль и начал свирепеть, он рванулся к старухе. Но Катя кинулась к нему на грудь, повисла на нем... Все смешалось. Болезненный крик Кати и пьяные всхлипы Зоси слились со стуком и топотом. Не успели жильцы выскочить на шум, как в их комнату

влетел растрепанный Зося. Было похоже, что сзади его крепко толкнули. С его носа капала кровь. Он попытался засмеяться и не смог.

— В милицию его! Куда смотрите, начальнички! — пронзительно кричала бабка.

Зося сделал зверское лицо, вскинулся в ее сторону. Непонятно было, то ли он все еще шутит и хочет ее поугаать, то ли намеревается вышвырнуть вон. Но ничего у него не получилось. Василий молниеносным заученным движением сцапал Зосины руки и резко загнул их ему за спину... Зося ахнул, покорежился туловищем и послушно пошел впереди милиционера, не отпуская его рук.

Некурящий Чубенко потянулся за Васиными сигаретами, долго чиркал спички и, ничего не добившись, затаил, вращая огромными черными глазами.

А Зося топал в милицию.

— Я ж тебе сапожки... И живем вместе, — вслух осудил он жильца-конвоира.

— Не знал я, что ты такой подлец, а то бы не стал с тобой связываться, — тотчас ответил расходившийся Василий.

— Задержанных оскорблять не положено, — бросил Зося.

— Стерпишь... Без свидетелей. Да и не поймешь ты, если с тобой по-хорошему.

На ночь Зосю домой не отпустили.

16

ВЕРНУЛСЯ он рано утром. Не заходя в дом, сел на сырое крыльцо, развесил длинные руки. Казалось, он очень устал, но глаза и губы пре-

дательски выдавали прежнюю Зосину ухмылку. Только теперь она была злее обычного.

К нему вышли жильцы.

— Что с тобой делать, Изосим? — с упреком спросил Чубенко. — Как мы тебе квартиру давать будем после такого случая? Нельзя ее тебе давать. Мы строим квартиры для радостной и правильной жизни, а не для пьянки и драк.

— Вот именно, — поддакнул Василий.

— Как хотите, — равнодушно ответил Зося.

— С блеском себя ведешь! — возмутился Василий. — Ему все нипочем. На первой неделе после свадьбы — и в милицию. Постыдился бы. Побывал в вытрезвителе и ничему не научился. Но научим. Еще раз попадешь — получишь десять суток, а после третьего раза — без разговоров туда, куда Макар телят не гоняет. Теперь такой порядок.

Зося глянул на него серьезно, а хмыкнул насмешливо.

— Читал я про такое в газетке, — пренебрежительно сказал он. — Не пугай. И в Сибири солнце светит. Но я не об этом хочу говорить. Ну, попал я по вашей милости в милицию, ну, переночевал там. Не я первый, не я последний. Сижу и улыбаюсь. А вам-то что? Чего вы-то как на похоронах?

— Дает! — растерянно проговорил Чубенко.

— Нет, вы ответьте, — настаивал Зося.

— Чего объяснять такому, который ни себе, ни людям добра не желает. Все равно не поймешь, кричаться только будешь, — сказал Василий.

— Скучные люди, — вздохнул Зося. — Ничего-то вы не понимаете. Отвяжитесь.

— Сегодня же из твоего дома съеду, — сказал Василий.

— И спасибо не скажешь, знаю, — подхватил Зося. — Все вы такие. Уж и неудобно вам с простым человеком под одной крышей жить.

— Да не так себя ведут настоящие-то рабочие, — возбужденно заговорил Чубенко. — Ведь сам все понимаешь.

— А что я сделал? За мой проступок с работы не снимают. Вот тебя сняли бы, а меня нет. Так и прокурор скажет, — ответил Зося.

— Да будь же человеком! — закричал разволнованный Чубенко. — Мы же тебе добра хотим.

Зося вскочил, выпрямился. Жильцы невольно отступили от него на шаг. Сощурившись, Зося одарил их таким презрительным взглядом, что оба пережились.

— Ничего мне от вас не надо, — заговорил он почти угрожающе. — Этот дом упадет — на другой заработаю.

— Уже известно, как ты зарабатываешь, — многозначительно сказал Василий.

— Своими руками, — возвысил голос Зося. Но что-то дрогнуло в нем, растерянным стал взгляд. Зося прикрыл глаза, снова сел и заговорил без прежнего азарта:

— Скучные вы люди! Я же не прошу вас думать да заботиться о себе! Сам справлюсь.

— А почему ты не допускаешь такой мысли, что о тебе кто-то должен думать? — заговорил Чубенко. — Неужели не понимаешь, что я лично, хотя бы как директор, должен и обязан о тебе заботиться. Это как директор. А я еще и человек, оттого и просто по-человечески мне тебя жалко. Надо о тебе думать! И самому тебе над своими поступками надо бы посерьезней задумываться. Пора! Вон ведь до чего докатился!

Зося всплеснул ручищами, заговорил с обидой:

— Все равно не пойму я вас. И не очень-то верю. Вы на всякие слова только и мастера.

— А я работаю за троих, веселюсь за четверых и... смеюсь над некоторыми... Таких ваша братия не любит. Нет чтобы спасибо сказать, так вы же меня еще и упрекаете. Со мной так вам можно, меня и критиковать, и в милицию таскать не страшно. Да кого же вам и таскать, как не меня! Ну, стаскали. И что из этого, я вас спрашиваю?

— Ишь ты! У него целая философия! — сказал ошеломленный Чубенко.

— Не советую правду в кавычках искать! — жестко проговорил Василий. — Есть такие: пьют, безобразят, а потом правду ищут.

— Какая правда! Что ты понимаешь! — презрительно вскрикнул Зося. — Искать — значит на сторону за ней идти. А правда не на стороне, ее в себе слышать надо. Будь человеком — вот и правда. А у вас она и не ночевала.

— Выходит, мы подлецы, а ты золотой... — запальчиво начал Чубенко, но Зося перебил его.

— Слепые! — вскрикнул он. — Неужто вы не понимаете, что я не со зла, не от подлости... Ну, с озорством немного, дак что? В деревнях меня понимают. Да и тут... Да что вам толковать! — Зося безнадежно махнул рукой и отвернулся. Жильцы думали, качали головами.

Вдруг Зося резко вскинул свои длинные руки. Жильцы чуть не шарахнулись от него. А он потянулся до хруста в суставах и начал оседать с блаженной улыбкой. Сел.

— Чего пялитесь? Я зарядку делаю. А вам на службу пора! — усмехнулся он им в лицо. — Я же

так оригинально провел сегодняшнюю ночь! Есть что вспомнить. Так мне хочется к бульдозеру! Ох, и поработаю я в эту неделю от души. Триста процентов дам, товарищ директор. И повеселюсь, извините, тоже. Вечеринку устраю в деревне — половицы затрещат, шутить буду, дурачиться буду. А вы, что ж, сидите по углам, иезуиты постные, порядок соблюдайте и меня осуждайте. А мне — до фонарика.

Зося прыгнул с крыльца, показал жильцам фигу, отвернулся, засунул руки в карманы и, не заходя домой, двинулся к своему бульдозеру.

Измученные жильцы еще долго толклись во дворе, не замечая холода. Перед разговором они условились не расстраивать Зою до конца, не говорить ему, что Катя сразу после скандала похватила свои вещички и унесла чемоданы в сопровождении горбатой старушки. И вроде довольны были, что сдержали слово. А оказалось, что довольными быть не с чего. Зося не спросил про жену и увидеть ее не захотел, словно ее и не было.

— Не понимаю я вас, — наконец заговорил Василий. — Разве можно так доверяться этому типу? Уж до того вы с ним были мягки! А он не чист на руку, это ясно. Потенциальный правонарушитель, если уже не настоящий. В преступники прет. Есть в нем этакое, от рецидивиста.

— А вы что же не вели профилактику? — озлился Чубенко. — Сразу руки ломать! Это просто. Трудней из него человека сделать. А мне люди нужны, каждый дорог, план не с кем выполнять.

...А Зося топал по шоссе, уходящему за город. Он вспомнил все, что сказал жильцам, и пожалел, что не наговорил им еще больше. Только теперь на ум

приходили самые убедительные доводы, что жить человеку надо честно, достойно, широко и весело, что Зося так и живет, а его пресекают, обманывают, мешают ему всякие тупые и двуличные людишки, что начальники должны все это понимать, а если не понимают, то вредны такие начальники и для людей, и для дела.

Но скоро Зосе стало думаться, что остерегся он — и правильно сделал. Пусть пока будет так. Карты раскрывать до конца не следует. Он жильцов полимает и видит их лучше, чем они его. К тому же не давал покоя намек Василия, что уже известно, как Зося зарабатывает большие деньги. «Неужели меня за это можно осудить?» — спросил он себя. И ответил: «Такие все могут».

Зародилась слабенькая мысль, что он, пожалуй, не прав, обвиняя всех, что Чубенко, к примеру, ничего плохого ему не сделал, а если и поругал немного, так на то он и директор, ему простительно.

Значит, и сам он, Зося, кое в чем не прав, виноват даже? Но сознавать свою вину Зося не любил. Это всегда его злило. И он шел все быстрее, глухо ругаясь, понимал, что чего-то недодумал, запутался, и не видел выхода из этой путаницы.

17

РАБОТАТЬ стало тяжело. Даже старые, начисто высохшие пруды теперь залило. Забираться в них с бульдозером было рискованно. Зося ругался, требовал, чтобы ему отводили участки на новых и сухих местах. Председатели соглашались и на это, но дож-

ди мешали везде. Невозможно было вылезти из кабины, ноги то расползались, то вязли. Зося понял, что триста процентов он теперь не даст и заработки его будут не те. И в первый раз постылой оказалась ему командировочная жизнь, а с ней и замызганный бульдозер.

Зося работал и скрежетал зубами, а после ужина сразу валился в постель. Но и спалось плохо: одолевали думы. О Кате он старался не вспоминать. Порой казалось, что ему ничего не грозит: есть работа — ну и работай. А на душе было все равно смутно, рождались тревожные предчувствия, думалось, что там против него предпримут обиженные жильцы.

К концу недели, когда Зося уже планировал, как провести воскресенье, к нему приехал Чубенко. Зося разыграл великую радость, да и вправду был рад. Пулей вылетел он из бульдозера, широкими прыжками преодолел грязь, подбежал к директорскому «козлику», залопотал. Но Чубенко не вышел из машины и даже руки не подал.

— Дороешь этот пруд — и гони бульдозер в ММС, дело есть, — сухогато распорядился он.

— Что еще за дело объявилось? — громко удивился Зося, чуя недоброе.

— К девяти часам в понедельник явись ко мне в кабинет. Там и узнаешь, — безапелляционно проговорил Чубенко и громко хлопнул дверцей. «Козлик» нешибко заскользил по сырой дороге. Зося, оставшись на грязной обочине, почувствовал себя вконец осиротевшим.

«Кажется, кончилась моя вольная житуха, — подумал он. — Если пришьют мне к делу халтуру, то выйдет по всем статьям перерасход. На всех фронтах конфуз. Опять даст мне Пашин кувалду...»

Он не сразу вернулся к бульдозеру, останавливался в раздумье, выбирал дорогу поудобнее. В сердцах рванул дверцу кабины, чуть не сорвал ее с петель. Подтянулся на руках, плюхнулся на сиденье. Дал задний ход. Бульдозер окутался белым дымом, но с места не стронулся. Зося оглянулся и помертвел: почти к самому окну кабины подступала вязкая грязь.

Сдвинуть машину вперед тоже не удалось. Зося с ужасом наблюдал, как погружается в трясику ходовая часть. Гусеницы крутились легко и удивительно быстро, выбрасывая жидкие потоки.

Чуть не плача, Зося полез из машины. Сам едва не увяз. Сапоги пришлось придерживать руками, чтобы не оставить их в грязи. Он беззвучно ругал последними словами и себя, и некстати приехавшего Чубенко, и совершенно не соображал, что делать дальше.

Подошел какой-то старичок.

— Хана, — бодро сказал он. — Теперь до рождества не вытянуть. Промерзнет земля, тогда надо пообрубить сзади мерзлое-то, подцепить пару тракторов, они и выволокут. Есть у нас такие места гиблые, вроде ямин. Иной раз лошади вязнут — всей деревней вытягиваем. Попал ты, братец, в яму.

Зося свирепо глянул на нежданного утешителя, но старичок был благостный: он не врал и не пугал.

— А насовсем-то его не засосет? — с надеждой спросил Зося.

— Не должно. Земля его поддерживает. Да и люди следить будут.

Зося хлопнул грязными рукавицами по колену, повертел головой и еще долго стоял с мокрыми глазами, не сводя их с бульдозера, который вроде в тря-

сину больше не погружался. Наконец он плюнул под ноги и побрел в колхозную контору. Надо было сообщить о беде в ММС.

В город он добирался как попало, добрую половину пешком. Изредка его подбрасывали попутные трактора и подводы. Автомашины не ходили: увязли бы на первой версте.

Противнее этого путешествия в Зосиной жизни ничего не было. Да и в городе, он полагал, его ждали не для того, чтобы награждать. Шел Зося и косил Чубенко. Не пояись он в тот злосчастный момент — не остановил бы Зося бульдозера и наверняка проскочил бы гиблое место. А тут...

Позади раздался завывающий гул мотора. Зося оглянулся. Его догонял газик-вездеход, еловивший по раскисшей дороге от одного кювета к другому. Зося замахал руками, бросился ему навстречу. Газик едва не ударил его бампером. Машина показалась Зосе знакомой, хотя и была залеплена грязью.

И он не ошибся. Над правой дверцей газика показалась голова того самого плешивого и хитрого председателя, прикрытая сейчас фасонистой шляпой. Председатель разглядывал Зосю с явным злорадством.

— Киселя хлебаешь, герой? — ехидно спросил он.

— Подбросьте, — устало и униженно попросил Зося. — Сил нет.

— Ха-ха-ха! — залился председателем противным смешком. — Нам не по пути. Подвез бы.

— Да ведь и я в город!

— А мы — нет. Мы сейчас налево. Сто метров тебя не устроят. — Председатель был чем-то определенно доволен. — Ты уж, брат, топай. Ничего не по-

пишешь: всяко бывает в жизни. Иной раз — катаешься, иной — саночки везешь...

— Да ведь нету поблизости свертки, — запротестовал Зося, хорошо знавший эту дорогу. Но газик взревел, и Зосе пришлось посторониться.

— Ну и гад! — в бешенстве выругался Зося. Злость сделала его сильным, и он упорно переставлял ноги, облепленные пудовыми гирями глины. Газик скрылся за бугром, но через несколько минут Зося снова увидел его: он шпарил, никуда не сворачивая, прямо в город. Стало ясно, что именно туда и ехал принарядившийся председатель. Зосю аж затрясло от негодования.

— Неужели за мои шутки он так возненавидел меня? — ужасаясь, спросил себя Зося. — Ну и люди бывают!

Ноги гудели. Одежда прилипла к телу. Каждый новый километр был длиннее прежнего вдвое.

В город он попал к исходу выходного. Забрел в первую чайную и допоздна просидел там. Вино и горячая пища расслабили его. Под конец затянувшегося ужина ему стало повеселее и легче, но пока он добирался скользкими тропинками к дому, веселье выветрилось, наваливалась непреодолимая усталость. Он едва вскарабкался на крыльцо, долго стаскивал в сенях мокрую робу и сапоги. Ему было безразлично, есть ли кто в доме, нет ли. Держась за стенки, он добрал до дивана и, падая на него, заснул.

Утром поднялся поздно. Болела голова и все тело. Глянув на часы, понял, что к назначенному директором часу он безнадежно опоздал. Стало еще хуже. И только теперь он заметил, что Катиных вещей в комнате нет.

— Ушла, — саркастически проговорил он. —

И приходиться незачем было. Разыграла спектакль на позор...

Надо же! Он ненавидел ее сейчас, а не мог ругать, хотя бы и наедине с собой, теми словами, какими честил нередко других. Что-то останавливалось в нем. Он не понимал себя, и оттого становилось еще сквернее на душе. Хотелось изорвать одежду, разбить затертые, скрипучие стулья и столы...

Он принялся нервно рыться в шкафу, чтобы найти что-нибудь потеплее и попримечнее для выхода в город. Новенький свадебный костюм почему-то успокоил его. Он надел его, повязал цветастый галстук. Глянув в зеркало, понравился сам себе.

— Хоть опять женись, — сказал он и повеселел.

«Да что я, в самом деле! Может, и беды никакой нет, а я, дурак, маюсь, — понеслись бодрящие мысли. — Ну, увяз у меня бульдозер. Так от этого никто не гарантирован».

— Смелость города берет! — подбодрил он себя песенными словами, рвавшимися из репродуктора, и с самым деловым видом отправился в контору.

Он вошел в директорский кабинет и не сумел скрыть удивления: рядом с Чубенко сидел Василий.

— Здравствуйте, товарищи! — словно маршал, принимающий парад, крикнул Зося и протянул было руку, но Чубенко даже не поднялся ему навстречу, а только кивнул на стул.

Зося легонько пожал плечами и сел, впервые разглядывая обоих жильцов вместе в служебной обстановке. Озабоченность и важность на их лицах показала ему забавной.

— Докладывай, в каком виде машина, — услышал он голос Чубенко, который все еще просматривал какие-то бумаги, подаваемые Василием.

— В порядке. Когда уходил, одна кабина была видна, так что не разденут, — ответил Зося, слегка привирая и укрощая улыбку.

— Как угораздило-то?

— А пока разговаривали мы с вами, его и засосало.

— Значит, я виноват? — спросил Чубенко, с интересом глянув на Зою.

— Теперь как хошь считай, — сказал Зося со вздохом.

— Наделал дел... И при параде.

— Решил все отгулы отгулять, — заявил Зося.

— Отдохнуть тебе придется, — сказал Чубенко, и Зося забеспокоился, уловив в его голосе недобрый намек. Да и Василий поглядывал так, что ничего хорошего ожидать не приходилось.

— Почитай-ка вот этот документик.

Зося поднялся и взял у Чубенко листок из ученической тетради, исписанный замысловатым почерком. Принялся читать, не замечая, что оба жильца неотрывно наблюдают за ним. На листке было заявление. И чем дальше читал Зося, тем больше охватывало его негодование, и жутковато становилось. На листке было написано следующее:

«Директору ММС тов. ЧУБЕНКО
от гр. дер. Лухнево, пенсионера
МОРГАЛИНА Е. Д.

З а я в л е н и е

Прошу Вас разъяснить жителям нашей деревни Лухнево тарифы и расценки на рытье прудов частному сектору со стороны Вашей ММС во избежание кривотолков и левых заработков со стороны Ваших механизаторов, каковым у Вас является Исосим Исосимович (фамилия неизвестна). Суть в том, что вырытые частному сектору пруды никем не сдавались и не принима-

лись, хотя без акта эта работа Вам в план не пойдет. И насчет расценок неясно. Поименованный механизатор взимал плату в свои руки, не выдавая квитанций, и допускал nepoзвoли- тельный произвол, взяв с меня, больного, заслуженного и ста- рого человека, проработавшего всю сознательную жизнь на самых трудных участках народного хозяйства страны, 30 (тридцать) рублей, а зажиточной пенсионерке Скворцовой М. И. вырыл пруд без заказа, бесплатно, искажив ландшафт населен- ного пункта Лухнево и тем самым совершив злостное преступ- ление против охраны природы. Прошу разобраться в nepoзвoли- тельных действиях поименованного механизатора, прове- рить факты на месте и дать письменный ответ о наказании ви- новных, иначе возмущенные люди найдут правду выше. Народ теперь грамотный, понимает и в государственном порядке, и в казенном бензине, и в леваке.

К сему *Моргалин*.

15 октября 197... года.

Копия в райотдел милиции.

Зося кончил читать, а все еще не мог оторвать глаз от ненавистного листка. «Моргалин, — злобно шептал он. — И фамилия-то подлая. И сам сволочь. Встретить бы его еще разок, больного и заслуженно- го... Доведется ехать мимо — заровняю его пруд, гору земли на его месте наворочу, карасей не пожа- лею», — решил он и даже немного успокоился.

— Что скажешь? — спросил Чубенко.

— Подлец он! — заявил Зося.

— Кто?

— Жалобщик. Помню я его. Жмот и жулик. Он во всем и виноват. Если бы не он...

— В чем он виноват?

— Да... Долго рассказывать. — Зося махнул ру- кой и отвернулся, дрыгая коленками.

— А что скажешь на это? — спросил Василий и подал Зосе пачку листков, расчерченных на строч- ки. Поверху их стояло черное печатное слово: «про-

токол». Зося потемнел с лица и даже похудел вроде. Он читал листы один за другим и только сейчас узнавал мимолетных знакомых по именам, отчествам и фамилиям. А и много же их набралось! Зося сбился со счета, начал снова, задумался, припоминая свой маршрут по району.

— Это я по твоим следам ездил, — сказал Василий. — Многовато ты их наоставлял. Кстати, и на счет твоей липовой свадьбы с вековухой проверил: наврал ты. А в других местах тебя самого обвели, как мальчика. В первом же колхозе, где председатель плешивый, два пруда твоих учетчику не показали, и в план ММС они не прошли. Вот мне и придется восстанавливать справедливость.

Зося хмыкнул. Протоколы были подписаны рукой тех, кому он рыл пруды. Везде указывалась полученная Зосей сумма. В двух протоколах говорилось, что денег он не брал, а в четырех, что оплата ограничивалась угощением. «Честный народ», — улыбнулся про себя Зося. И еще раз шевельнулось негодование в адрес плешивого председателя. «Он меня, оказывается, объехал. Ну и руководитель!»

— А вот итог, — сказал Василий, протягивая еще один листок. — Общая сумма незаконно полученных тобой денег — почти тысяча рублей. Немного не дотянул ты до особо опасного преступления.

— Это не все, — сказал Зося, стараясь казаться спокойным и веселым. — Я еще на хуторах по пути рыл. Оттуда протоколов нету. Плохо ты работал, Вася, хуже моего. К тому же я добро людям делал, а ты настроение им портил своими допросами. Представляю, как они всполошились, ночи не спят, меня жалеют. Тебя, наверное, никто и не кормил в деревнях-то, не то что меня.

— Шутишь! — усмехнулся Василий недобро. — А отвечать придется по всей строгости закона.

— За что? Все верно! — вскрикнул Зося все еще весело, хотя на сердце уже давно скребли кошки. — Вот этого Моргалина я бы прищучил.

— Мы разбираемся с тобой. Умей за себя ответить, — отрезал Василий. — Рассказывай.

— Чего? Ведь все же ясно. Могу рассказать свежий анекдот про попа, — раздраженно ответил Зося. Он все еще не мог поверить, что дело пахнет судом. Ведь он не воровал... Люди его просили... Как не помочь? До синевы в глазах работал. А тут?

Но лица жильцов были столь мрачны, что Зося и впрямь почувствовал себя преступником. Мысли останавливались. Пустота распирала грудь и голову. И было еще недоумение и непреодолимое желание послать этих законников подальше и уйти.

18

ЗОСЯ почувствовал, что его знобит. Он не глядя расписался на бумагах, которые подсовывал ему хмурый Василий, и снова уселся. И только теперь, когда он подписался под протоколами, ему стало страшно. Надо бы уходить, но недоговоренность, неясность положения становились невыносимыми. Зося боялся остаться один на один с собой.

Василий сложил бумаги в папку, о чем-то тихо посоветовался с Чубенко и, поглядывая на Зою, вышел. Зося не разобрал их разговора, да и не слушал почти.

— Можешь быть свободен, — устало сказал Чубенко, глядя в окно. — Иди.

— Куда? — спросил Зося, мучаясь.

— Ты ловкий парень. Чего тебя учить...

— Чего со мной делать-то надумали? — громче спросил Зося.

— Ударник! Передовик! — вдруг заорал Чубенко, срываясь с баса на пронзительный крик. — Вор! А мы у тебя жили... Доверяли веселому человеку... Рубаха-парень, душа нараспашку... А тут не рубаха, а целая...

Чубенко задохнулся, не в силах найти слово для сравнения. Он вскочил, взмахнул руками и оглушительно хлопнул по столу тяжелой ладонью. От стола его тут же отбросило, он коротко взвыл... Толстое стекло на столе разлетелось от удара на куски. Чубенко тряс окровавленной кистью руки и морщился.

Зося птицей кинулся к нему. Ничего смешного тут для него не было. Он выдернул из директорской ладони толстый осколок, оглядел его, потом рану.

— Острый, без обломков. Крошки в руке не застряли, — торопливо заговорил Зося, успокаивая побелевшего директора. Он схватил графин, искал глазами какую-нибудь тряпку, полез в карманы, но носового платка в них не оказалось. Тогда Зося сорвал с шеи галстук, плеснул на него из графина и приложил к ране... Кровь перестала сочиться.

— Выше держи! — вполголоса командовал Зося, туго перевязывая руку галстуком. — Нельзя так волноваться. Ведь я в ММС не один. Если на каждого стучать...

— Иди вон, — сказал Чубенко.

— Посиди, успокойся, — приговаривал Зося, будто и не слышал директорского распоряжения. Он налил воды в стакан и придвинул его Чубенко. Тот

жадно выпил воду, перевел дух и страдальчески поглядел на Зою.

— С одним тобой хлопот больше, чем со всей ММС,— сказал он с невыразимым укором. — Что ты за человек?

Зося смолчал. Ему было искренне жаль Чубенко, и он понимал, что сейчас лучше не возражать, а соглашаться с чем угодно. О своей беде Зося забыл.

— Я никому не скажу, в момент за бинтом слегаю, — по-приятельски предложил он. — Нехорошо с галстуком на руке. Люди заходят.

— Сгинь с глаз моих! — прорычал Чубенко. — Приходи в пять часов на собрание. Левые деньги внеси в кассу...

У Зоси что-то тяжелое свалилось с плеч. Но сразу он не ушел, собрал в кучку осколки, завернул их в газету, без спроса взятую с директорского стола, еще раз преданно глянул на Чубенко: не надо ли ему чего...

— Во-он! — почти взвыл Чубенко, готовый снова бить кулаками по столу.

Зося бочком шмыгнул в дверь, унося стекла.

Теперь у него была одна мысль — внести в кассу деньги, чтобы никто к нему больше не приставал. Денег было не жаль. И еще ему подумалось, что не такие уж плохие ребята его жильцы, ведь не отправили его к прокурору, не стали выносить сор из избы, свои люди. А другие могли бы...

Он подсчитал, что и без этой тысячи денег у него останется много. И все же скрипнул зубами: сколько труда напрасно пропало, сколько бульдозер пришлось дергать! Хотя... люди были рады... Но они же и жалобу написали. Ничего не поймешь!

Через полчаса он уже склонился к окошечку кассы, просовывая руку с пачкой денег.

— Оприходуйте. И корешок мне, — поторопил он толстую очкастую женщину.

— За что платите? — заученным тоном спросила она.

— По протоколу, — сказал Зося, краснея. — Незаконно получил.

— Дуся, подними начисление. Кому мы переплатили? — пропела кассирша в глубину комнаты. Зося немного подождал и принялся растолковывать, что эти деньги шли не через бухгалтерию, а он брал их сам. А теперь ему разъяснили, что это неправильно и велели отдать... По совести.

— Какая совесть! Мы удерживаем только налоги и алименты, принимаем плату за дрова, — то ли шутила, то ли всерьез объясняла кассирша.

— Я же вам сказал! Берите. Директор... — заволновался Зося.

— Вы что, слов не понимаете? Причем тут директор. Нет такого порядка! — кассирша придвинулась к окошечку, недолго разглядывала злое Зосино лицо и вдруг отпрянула.

— Не мешайте работать! — взвизгнула она и со стуком захлопнула окошечко. Зося слышал, как звякнула металлическая защелка. Он вздохнул, отошел шага на два, потер лоб. Отступить было нельзя. Он снова подскочил к окошечку, забарабанил по нему «железными» пальцами. Окошечко с треском распахнулось, и Зося снова близко встретился с негодующими глазами кассирши.

— Девочки, звоните в милицию! — закричала она, ударив счетами по Зосиной руке. Он чуть не выронил деньги, отдернул руку. Окошечко тотчас за-

хлопнулось, и стало слышно, как изнутри кто-то навалился на него телом. За стеной раздались возгласы, стук отодвигаемых стульев. Зося плюнул и пошел прочь.

Скоро он уже входил в здание районной милиции.

— Где тут деньги принимают? Присвоенные, что ли... — с порога закричал он дежурному лейтенанту. Тот вскочил, загородил Зосе дорогу.

— Василия мне, старшего лейтенанта. Он у меня в доме жил, — догадался спросить Зосю.

— Его сейчас нету, — ответил дежурный, с подозрением оглядывая Зосю.

Зося чуть не плюнул с досады и выбежал на улицу. Он вспомнил, что в здание милиции можно зайти и минуя дежурного, с черного хода. И точно, во дворе никто его не остановил. Встречные милиционеры даже сторонились, вежливо пропуская его.

Он нашел двери с табличкой «ОБХСС» и постучал. Его встретила симпатичная девчонка в голубоватой милицейской гимнастерке. Как ни старался Зося разъяснить ей свое затруднительное положение, она ничего не понимала, только хмурилась.

— Здесь не цирк! — наконец прикрикнула она. Зося понялся, потому что девчонка потянулась к телефону, и очутился в коридоре. Он принялся останавливать каждого в милицейской форме и объясняться с ним. Вокруг Зоси собралось уже человек пять. Подошел пожилой милиционер с крупными звездами на погонах. Этот понял все.

— Дело еще не закончено. Деньги вносить рано. Никто их пока не возьмет, — сказал он, и все разошлись.

Зося поплелся домой. Оказалось, что времени

прошло уже много и надо поторапливаться на собрание. Хотелось прийти пораньше, чтобы разузнать что-нибудь новое насчет себя. Раздумывал: брать с собой деньги или нет. Решил взять: вдруг Чубенко прикажет кассирше и та примет их! Страх рос. Зосе казалось, что стоит только избавиться от этих денег, как он станет честным и чистым человеком, которому можно жить, ничего не опасаясь. О такой жизни он теперь мечтал, и ничего не желал кроме нее.

19

К ЧУБЕНКО его перед собранием не пустили. Зато ему повезло в другом. Мимо прошел Василий и хлопнул его по плечу. Пожалел или просто от хорошего настроения? Нет, настроение у Василия всегда одинаковое. А подсудимых по плечам не хлопают.

Зосе стало полегче. Он спустился в пустой зал, чтобы побыть одному, подумать. Хотел, было, по привычке сесть в первый ряд, но тут же спохватился: из президиума он будет виден как на ладошке и кто-нибудь из начальников, увидев его, обязательно намекнет людям о Зосиных делишках. Он забился в дальний угол, сгорбился, притих. Люди уже заполняли зал.

Скоро Зося понял свою ошибку. Собрание, оказывается, для того и собирали, чтобы обсудить его поведение. Его попросили встать. Весь зал, как по команде, обернулся и рассматривал его. А будь он в переднем ряду, из зала можно было бы увидеть только его спину.

Стоять было тяжело. Зося плохо слышал, что о нем говорили. Запомнилось только, что собрание открыл Чубенко и предоставил слово Василию. Потом от Зоси долго требовали ответа, а он не мог сказать ни слова: челюсти свело и всего его било жаркой дрожью. Он бы и упал, наверное, но выручали руки, намертво вцепившиеся в спинку стула, закостеневшие.

Зося смутно видел, как в его сторону возмущенно машет рукой старичок-механик, молодая женщина, простые работяги... Слезва не доходили до его сознания. Но он улавливал, что все говорят примерно одно и то же, и никто не защищает его. Запомнился молодцеватый кудрявый бригадир дренажников. Зося знал его недавно, но слышал от других, что парень это лихой, умеет сорвать заработок и нечистое дело обстряпать. И его возмутило, что с обличительной речью выступает именно этот тип. «А сам-то!» — хотел крикнуть Зося, но из его горла вырвался не то хрип, не то кашель. И никто не понял его.

Жить не хотелось. И вообще, зачем Зося появился на этом свете? Ведь никого не просил, чтобы его выпустили на землю. А вот выпустили, оставили одного, почти ничему не научили и теперь с радостью плюют ему в душу. Лучше бы и не жить совсем, не знать ничего, не мучиться. Да и к чему все это: собрания, упреки, подслеживание друг за другом?.. Сейчас еще Пашин выступит. Этот знает, как побольнее уколоть, — старый друг. Он много о Зосе знает. Точно, встает в президиуме Пашин.

Зося «поплыл». Собрание разворачивалось перед ним как тусклое немое кино. И еще оно было похоже на кошмары, когда он болел и бредил. Каждый замахивался на него и больно бил, вернее, не бил, а

держал кулак над головой, и не было сил уклониться от удара, не то что убежать или дать сдачи.

Его толкнули в бок. Он близко различил лицо, отчего-то радостное, молодое, простоватое.

— На поруки берут. Скажи, что справишься. Так надо, — громко шептал сосед. Зося немного очнулся и почувствовал, что в зале что-то изменилось. Люди еще глядели на него, но уже по-другому. А Зосе становилось хуже. Ноги у него подломились, и он тяжело рухнул на стул.

— Да он больной! У него температура! — услышал Зося голос соседа, чувствуя еще, что тот приложил к его лбу ладонь. В зале зашелестело, загремело...

Очнулся он дома. Рядом с его постелью сидела Катя, сложив на коленях руки. Руки были красные, воспаленные.

20

ЗОСЯ прикрыл глаза, чтобы Катя не заметила его пробуждения. Слишком неожиданной для него была эта встреча. О чем с ней говорить? Катя и не заметила. Она давно смотрела ничего не видящим, усталым взглядом.

«Отчего это руки у нее словно ошпаренные? — подумал Зося. — Да мало ли что бывает: может, после стирки...»

Чувствовал он себя свежим, как после здорового сна. И только слабость и смутное беспокойство напоминало о болезни.

— Чего пришла? — неожиданно даже для себя спросил он.

Катя качнулась на стуле, приподняла руки и снова опустила их на колени.

— Да ведь ты хороший, когда спишь, — не сразу ответила она с ничего не значащей улыбкой и опять поджала губы, уставилась на стену выше Зосиной постели.

— Мы ведь муж и жена, — проговорила она вымученно. — Кто же за тобой должен присматривать, если не я? А ты проснулся — и снова хамить готов. Начнешь — уйду.

По лицу ее пробежала судорога, но Катя справилась с собой, так и осталась сидеть, слегка закинув голову.

«Совсем другая она стала: исхудала, побледнела, морщинки у глаз. Красавицей не назовешь, — отмечал Зося, глядя на нее, и почему-то испытывал тихую жалость к ней. — Это я ее измучил. А что она мне плохого сделала?».

— Ты не расстраивайся, — сказал он.

— Чего теперь расстраиваться, — ответила Катя. — Вижу, что поправляешься. Поживу у тебя, пока на ноги не встанешь, а потом опять тряпки соберу. Я и так их не все принесла.

Зося поежился, помолчал. Странно! Разговаривать с Катей ему было совсем не трудно. А ведь раньше казалось, что не скажет ей ни слова, да и видеть ее он не хочет... Он сейчас не боялся ее, не такой красивой, как две недели тому назад. Но говорить хотелось что-то умное и доброе. Нужно было взвесить каждое слово. И Зося не спешил, думал.

«Лишил я ее последней радости, последней, может, надежды на настоящую жизнь, — упрекнул он себя. — А она ведь не только баба, а и человек. Такой же рабочий, как и я. И вообще человек.

И жизнь, и люди, наверное, обижали ее не меньше, а может, и больше, чем меня, потому что женщина...»

Зося думал. На лице его устоялась мудрая с горчинкой улыбка.

— Ты какой-то не такой стал, — с едва заметной надеждой проговорила Катя, вглядываясь в его лицо. — Повымотала тебя хворь. Ты и не слышал, как я тебя сутки с ложечки поила.

Зося вскинул на нее глаза. Катина голова теперь была устало склонена набок. И она глядела ему прямо в глаза.

— Спасибо, — тихо и благодарно сказал Зося. В лице Кати что-то дрогнуло, светлые лучики мелькнули у глаз, заалели щеки.

— Лежи, — сказала она, поднялась и долго поправляла ему одеяло. — Я в магазин.

Оставшись в одиночестве, Зося вспомнил и про собрание, и про деньги. И словно тисками сдавило грудь у горла... Он едва перевел дух, и чуть не заплакал от бессилия, от того, что он ничего не знает... Он ждал Катю и боялся, что сейчас придет Чубенко и неизвестно еще что скажет. Или Василий припрется с протоколами: Зосе казалось, что следовательно любят допрашивать больных, у больных все легче разузнать...

Наконец, Катя пришла, но принялась что-то делать на кухне. Зося чуть кулаками не застучал по стене. Но легкие Катины шаги раздались в прихожей, и вот она рядом, склонилась к постели.

— Кто тебя напугал? — спросила она, тревожно вглядываясь в его лицо. — Или болит что?

— Что там обо мне говорят? Собрание-то что решило? — хрипло, в два приема спросил он.

— Не думай об этом, — спокойно сказала Ка-

тя. — Все будет хорошо. И так у тебя от нервов болезнь. Думаешь много, переживаешь, мечешься.

— Скажи! — почти крикнул он.

— Никто тебя особенно не хвалит, но и бить не собираются. Слышала я после собрания, что постановили взыскать с тебя за горючее и за амортизацию по машино-часам. Вроде подсчитывают, сколько с тебя приходится. Ну и общественное порицание, выговор, что ли. Жить можно.

Зося слушал всем существом. Казалось, и грудь его слышит, и руки, и все тело сразу, и тут же перерабатывает услышанное.

— Ну а суд-то? — спросил он.

— Да ведь слышал, что на поруки тебя взяли. Или не слышал уже? Ой, и напугал ты меня, когда упал там. Я чуть не заорала. А бабы глядят, что я буду делать. Ведь муж...

— И что же ты сделала?

— А помчалась я, как сумасшедшая, к телефону, «скорую» вызвала, сама в машину к тебе залезла и везти велела сюда. Так и осталась с тобой. Врачи говорили, что надо, потому что тяжелый ты был. Как пласт лежал, не шелохнулся. Подрезало тебя...

— А отчего у тебя руки такие, как ошпаренные? — вырвался вроде и не к месту давно стоявший в горле вопрос.

— И у меня от нервов. Я тоже с тобой помучилась. Так-то незаметно, когда все спокойно. Давно уж я их по своему малярному делу испортила. Каким-то ядовитым разбавителем облила, не разбираюсь еще в них. Зажили быстро. А попереживаю — и покраснеют, пухнут иной раз... Пройдет это. Да они и не болят совсем. Только так... не очень красиво для молодой жены.

— Сойдет, — сказал Зося. — У меня еще почище. Вск не отмоешь.

— Работа наша... — вздохнула Катя.

— А ты чего убежала-то от меня? — быстро и весело спросил Зося. — Ведь позор мне...

Глаза его глядели так ясно, а спросил он столь необидно о самом щекотливом, что Катя, постоянно ждавшая этого разговора, легко вздохнула, опустилась перед ним на стул и даже улыбнулась.

— Да какой же тебе позор? — заговорила она. — Мне — верно, позор... Видишь, как у нас все не так получается... Опытнее тебя я оказалась. Не знаю, как лучше-то сказать... Я сразу поняла, что впервые ты с женщиной... И полюбила тебя уже по-настоящему. Ведь сначала-то я тебя только жалела. Обласкаю, думаю, его, поймет, благодарить будет, ну и сдружимся, слюбимся. Ты ведь веселый, простой бываешь, с тобой легко... А ты вон какой норовистый оказался. Конечно, глупо я сделала, что не сказала до свадьбы... что не с тобой первым... Да ведь как об этом скажешь — язык не поворачивается, тяжело... Думала, что и ты... Ведь вон какой ты ходовитый да ухватистый. А вышло по-другому. Не знала я, что ты так обидишься... Это ведь не обман.

Зося слушал. Ему было радостно и в то же время неловко, что Катя так просто говорит про такие дела. Даже неприязнь шевельнулась снова, как тогда, в первую ночь после свадьбы...

— Ну вот. Опять на меня волком смотришь, — с ноткой горечи сказала Катя. — Ну, виновата я. А знал бы ты, как это все... Девушку обмануть не так уж трудно. Есть спецы... Это горе наше бабье, когда так... На счастье ведь надеешься... А ты, подика, разгульной меня посчитал... Непросто все это. Не

все же реветь, жить надо, какая ни есть. Пойми ты меня. Забудь, если можешь... Я ведь тоже человек.

Катя умолкла. Лицо ее вытянулось. Кожа на нем воспаленно поблескивала. Она прижала к губам кулак. Крепко прижала. Глаза ее, выцветшие за эти дни, повлажнели.

Прилив горячего чувства захлестнул Зося. Он дотянулся до ее тонкого запястья, ухватил, притянул к себе. Она не сопротивлялась, послушно приблизилась к нему, села на край постели. Зося обнял ее за шею, привлек еще ближе. Вот уже лица их близко-близко, не видно глаз... И тут Зосина голова судорожно дернулась. Он отпустил ее руки, отдернул свои...

— Никогда больше не заводи при мне такого разговора. И я тебе не припомню. Постараюсь... — сдавленно проговорил он.

Катя глядела на него не мигая и тихо пятилась от кровати. Зося впервые показался ей настоящим мужчиной, мужем, требовательным и строгим хозяином в их общем доме, хозяином, которого надо любить и немножечко бояться. А она таким и представляла будущего мужа...

Эту ночь они провели вместе. Катя прижала Зосины руки к своей теплой груди, зажмурилась, замерла. Зося лежал прямой и строгий, словно был привязан к жерди. Он не спал. И Катя оттого не засыпала. Что-то еще оставалось между ними недосказанное, мешающее.

— А хороший дядька Чубенко, — шепотом начала рассказывать Катя. — Я реву, увольняться к нему пришла, чтобы уехать от стыда. А он говорит: «Поборись за свое счастье; Изосим, — говорит, — парень в душе хороший, найди к нему подход — и на-

ладится у вас жизнь, веселая будет. Поймешь, — говорит, — ты его. А бегать от мужей, говорит, последнее дело. От первого убежишь, поревешь с горя, от второго бежать будет уже легче. Так и пойдет, жизнь наперекосяк». Я слушаю, вижу, что он прав, а сама думаю: «Какой же к тебе подход-то надо?». Так и не придумала ничего, потому что кто тебя знает, что ты еще с расстройства можешь выкинуть. Не взял он у меня заявления. Умница какой мужик! А мне бы так и не отыскать к тебе тропки, кабы ты опять не заболел...

— Несчастье помогло, — вслух сказал Зося, и Катя в темноте почувствовала, что он по-хорошему улыбнулся. Напряженные Зосины руки обмякли, стали почти нежными. Катя ближе придвинулась к нему, но он снова заговорил.

— А бабка горбатая тебе ничего не советовала?

— Представь себе, советовала. И почти то же самое. Только она как-то по-старинному толковала, но все равно, чтобы я от тебя не уходила, чтобы слушалась тебя, терпела бы...

— Дураки мы. Насмешили людей, — вздохнул Зося. И Катя подумала согласно с ним. И оба понимали, что дальше жить надо умнее.

Скоро Зося заснул, счастливый новым счастьем, успев лишь подумать, что надо бы до конца вылечить Катины руки и что Чубенко и впрямь умный мужик. А Катя еще долго не спала, лежала не шелохнувшись, тоже счастливая, что кончилось ее и Зосино сиротство, заботливо думала о будущем... что муж скоро совсем выздоровеет, разделается с этими деньгами... И чудесная жизнь у них будет. Ведь они теперь так хорошо понимают друг друга! А она делает для него все-все... И он...

ЗОСЯ глядел в окно и завидовал тем, кто на улице. Пробежаться бы по первому ледку, по закаменевшим кочкам, подышать во всю грудь! Или взяться за работу изо всех сил, хотя бы и с кувалдой... Но ему нельзя. Врачи.

Ничего мрачного и пугающего не осталось в душе. Зося сладко жмурился, и что-то трепетало у него возле сердца. Долгая улыбка застывала на лице, когда вспоминалась Катя, проворная, все понимающая без слов... Хмелела голова. Приходилось крепко тереть ладонями виски и лоб... Нет, снова она перед глазами.

А Катя, как и вчера, как и позавчера, ушла на работу еще потемну. Жилой дом, пятиэтажный шестидесятиквартирный — первый такой домище в городе, — был уже под крышей и остеклен. Оставалась отделка. Пришла пора Катиной работы. Тяжело ей теперь.

А вчера заходил Чубенко и заявил с улыбкой во всю свою черную рожу, что в ММС решено Зосе квартиру не давать за его художества, а Кате дать двухкомнатную, и если Катя возьмет в эту квартиру Зосю, то администрация и партийная организация возражать не будут, потому что по части семейной жизни таких прав у них нет.

— Все понял? — спросил Чубенко, подмигивая.

— Мы люди маленькие, — вздохнул Зося с ухмылкой и подфыркнул носом, — перед начальством и народом виноватые. Нам возражать не приходится.

— Артист! — сказал Чубенко. — Неисправимый! Ладно, повинную голову меч не сечет. Пашин путевку тебе оформляет в санаторий.

...Зося стоял у окна и не видел улицы. Мысли прыгали: Катя, Чубенко, квартира, какая-то путевка... Нет, насчет Кати все было ясно. А вот начальники? С чего они такие добрые? Надо бы идти и поговорить с мужиками всерьез. Иначе как же? Дураком перед ними быть, чтобы за нос водили? Нет, дудки! Пусть ругаются врачи, а он пойдет, потому что эта загвоздка в голове — хуже болезни.

Он оделся потеплее и пошел. Ноги легко несли его похудевшее тело. Морозная свежесть щипала в носу, шумно врывалась в легкие, отчего их даже лопило. Зося с удовольствием чихнул несколько раз подряд — стало совсем хорошо. Он шел, не разбирая дороги. Теперь, по морозу, везде можно было пройти напрямую. Он помнил слова Кати о том, что Пашина избрали профсоюзным «богом» и что у него есть отдельный кабинет. И это радовало его, потому что теперь Пашин по должности обязан говорить с ним начистоту...

Пашин будто ждал его, заулыбался, первым протянул руку.

— Здравствуй, Изосим Изосимович!

— Здравствуй, Иван Иванович.

— С чем пожаловал? Как здоровье?

— Не очень меня люди-то клянут? — с ходу заговорил Зося о главном, уставившись в светлые глаза Пашина. — Сам-то как обо мне думаешь?

— Всяко, — не сразу ответил Пашин. — Кто клянет, а кто и жалеет.

— Ну, жалеть-то меня не за что...

— Правильно рассуждаешь, — Пашин даже обрадовался Зосиным словам. — Видимо, понял ты кое-что, пока болел. В таком случае бюллетень тебе надо еще продлить.

Пашин засмеялся, довольный своим остроумием. Но Зося не поддержал шутку.

— Понял, да не все. Вот и пришел. Непонятно, отчего мне все прощают. Не может такого быть, чтобы люди легко прощали... Мучит это меня.

— На работу выйдешь — успокоишься, забудешь за делом.

— А если каждый мне в глаза старым будет тыкать? Разные ведь люди-то.

— Что ж, маленько и потерпишь. Поговорят и перестанут.

— А ты-то, Иван Иванович, чего меня защищаешь? Ведь я на тебя особое зло имел. Помнишь ведь?

— Как не помнить, — вздохнул Пашин, но заговорил с прежней доброй раздумчивостью. — Помню. Ну а что я по-твоему должен делать? Мстить? Начни я мстить — ты еще больше рассвирепеешь. И пошло бы!

— Пожалуй, так, — невесело согласился Зося.

— Точно, — убежденно сказал Пашин. — Человечностью тебя взяли. Вот ты и сам человеком становишься.

— Хитрые вы, дьяволы, — покачал головой Зося. — Кругом меня объехали и хорошими остались. А дальше-то что от меня потребуете?

— Чтобы хорошенько поправился и выходил на работу.

— Это и так будет. Только не верится мне, что все это с вашей стороны без тайного умысла. Всё будете помнить! А при случае и ткнете в глаза: сиди, мол, и помалкивай, взятый на поруки, пока...

— Все от тебя будет зависеть.

— Чувствую, что от меня. А вы уж на меня арканчик накинули и за веревочку держите... А если

я не согласен на такую жизнь? Если я вам не верю и не могу быть для вас послушным паинькой? Тогда как?

Зося чувствовал, что занесло его далеко, но остановиться уже не мог. Что-то холодное рвалось из души, требовало полной ясности. Зося уставился на Пашина с недобрый прищуром. Нахмурился и Пашин.

— Все, что ты сказал, мне понятно, — заговорил он, подумав. — Ты еще помучаешься. И нас помучаешь... Судьба у тебя, конечно, была не сладкая, вот ты и озлился. Но и оттаять пора.

— Как оттаять? Я теперь хуже всех. А на каждом шагу вижу, что хорошие ваши на словах за общественное дело горой, а как встанут на практическую ногу, так не обществу, а все себе от него норовят тянуть. Обман сплошной.

— Согласен, но частично, — заговорил Пашин. — Не все такие двуличные, как ты утверждаешь, но и подленькие есть. Глаза на это не закроешь.

— А я двуличным быть не могу. Химичил, не отпираюсь, но хоть на собраниях-то не болтал, что я хороший!

— Правильно. Оттого тебе и верят.

— А я людям не верю. Каждый себе тянет. И меня таким считают. А может, я не из-за одних денег... Мне, может, работать нравится две смены подряд. Могу я? Да и бульдозеру чего стоять вечерами без пользы!

— В чем-то ты прав, но и путаник ты большой. Себя не знаешь, — сказал Пашин. — Слушай тогда мою правду. Честно скажу, что о тебе думаю и почему с тобой нянчатся. Счастливый ты от рождения. В тебе словно три человека сидят. Один — горячий

и, я тебе прямо скажу, талантливый даже работник. Второй — озорник. Третий — проныра, почти что жулик. За всех троих ты можешь воз везти. Бывает, и везешь. Но образования у тебя с гулькин нос, воспитания — и того меньше, оттого в тебе эти три человека уживаются и ни один верха взять не может. А надо, чтобы командовал в тебе тот, который поработать любит от души. Ну, и весельчак чтобы голос подавал при случае. А жулика надо гнать.

Пораженный Зося задумался. Никогда еще не раскладывали его душу на такие части при нем же. Он понял, что все сказанное о нем — правда, и растерялся. Гордость оттого, что он такой богатый и необыкновенный, родилась и спряталась.

— Кем тебе самому-то хочется быть? Ударником или пронырой? — спросил Пашин. — Категорически уверен, что можешь стать и тем, и этим. Как пожелаешь.

— Да не хотелось бы подлецом-то... Жена у меня. И перед народом... — замылся Зося. — Да и сам... А как это сделать-то, как?

— Чудак! Подумаешь — и увидишь как. Я сразу все предсказать не могу, не господь бог.

— Ну хорошо. Но у меня еще есть вопрос. Дела делал я один — и попался. Как ни хитрил, а провалился. А видывал я такие бригады, дружные такие компании-кодлы, в которых все заодно. Умеют они и деньгу сорвать, и выручить своего. И всем им хорошо. И суд у них свой, и все прочее. В такой бригаде я бы не пропал...

— А ты шире можешь взглянуть? — перебил его Пашин, придумав что-то.

— Как шире?

— А представить, что такая дружная бригада,

или «кодла», как ты выражаешься, — это наша ММС. Все друг за друга в ней — горой. Общего успеха и хорошего заработка добиваются.

— Посто-ой! — заволновался Зося. — Чудное ты говоришь, хотя и на правду похоже. Но это еще не правда, а мечта. До правды от мечты далеко, хотя я — за. И еще нехорошо то, что правда у тебя чистенькая. А в жизни не так, правда чаще горькой оказывается. Да и подлецы в ММС есть. С ними-то как?

— Подлецов — своим судом... А правда должна быть чистой. Это точно. Но ежели и горькой она окажется иной раз, то ведь и в горечи есть своя радость. Опытней будем после горькой правды, умнее, жить лучше будем.

Пашин вдруг спохватился, заговорил, вставая:

— Заговорились мы. По домам пора. Думаю, что ты меня понял. Дома еще поразмысли над этим, с женой посоветуйся: женщины к добру и справедливости больше чутья имеют, чем мы. И думаю, что присоединишься ты к нам без аркана.

Зося поднялся. Был он взволнован и разгорячен. Что-то бурлило в нем, созревая. Пашин тайком поглядывал на него и понимающе улыбался.

Они вышли на улицу. На город уже опустился ясный вечер, и первые звезды проснулись, чтобы светить в неоглядном сером небе всю ночь. Зося шел молча. А Пашин заговорил:

— Вот такой надежной «кодлой», выражаясь по-твоему, и должна быть ММС. «Главарь» в ней — Чубенко, голова у него на плечах есть. Но и мы все в ответе.

— А ты-то, Иван Иванович, так живешь, как мне советуешь?

— Стараюсь.

— И получается?

— Всяко бывает...

— То-то. Хорошо, что честно сказал. Я тебе верю.

И опять они шли молча. У Зоси разгорелось лицо. Пашин едва успевал за ним, пряча улыбку.

— А ты партийный, Иван Иванович? — спросил Зося.

— Да. А что? — Пашин глянул в лицо Зоси. — Давно партийный.

— А вы как живете, по своему уставу?

— Конечно. Есть у нас устав.

— А можно его почитать? Мне вот, беспартийному, на поруки взятому.

— Можно.

— Дак дай!

— Нету у меня при себе. Приходи завтра, найду.

— Мне сейчас.

— Эк загорелось.

— Ты не смейся! Плохой ты партиец, если над этим насмехаешься. Где он у тебя? — Зося остановился, нагнулся к Пашину, схватил его за рукава. И такое у него было в этот момент лицо, что Пашин понял его.

— В конторе, в столе, — сказал он.

— Пошли! — то ли умолял, то ли требовал Зося. Он развернулся и быстро зашагал обратно, таща Пашина за рукав. Пашин выдернул рукав из его цепких пальцев, крикнул, пошел с ним плечо в плечо.

Контора оказалась закрытой. Вахтер успел запереть входные двери и уйти. Ключей у Пашина не было. Он развел перед Зосей руками.

— Он мне сейчас нужен! Понимаешь? — почти заорал Зося.

— Да ведь сам видишь! Не замки же ломать!

— Зачем ломать? Я и так. Можно? — умоляюще глянул Зося на Пашина. Тот все понял, вздохнул, опустил плечи.

— Валяй. Только чтобы без следов.

Зося пошарил в карманах, но гвоздя в них не было. Он повертел головой, подскочил к забору. И вот уже гвоздь у него в руках. Стальные пальцы Зоси согнули гвоздь так, как было надо. Замок открылся со второй попытки, когда за дело взялся сам Пашин. Не включая света, они прошли в кабинет. Через минуту вышли успокоенные. Зося близко к глазам поднес маленькую книжечку, разобрал слова на обложке, хлопнул по ней ладонью и удовлетворенно засопел. Замок закрыли тем же гвоздем.

— И как ты решился тайком замок открывать? — спросил Зося, замедляя шаг возле своего дома. — Нехорошо вроде.

— С кем поведешься... — ответил Пашин. — Ладно. Никто не видел.

Они ударили по рукам и разошлись, довольные встречей.

22

ЗОСЯ поужинал, попил чаю и успокоился.

— Да, строговато написано. А ведь так и надо, чтобы порядок был. И все вроде бы ясно. Просто говоря, за справедливость стоять, хорошим людям добро делать, а подлецам морды бить. Или не совсем так? Нет, общую идею я уловил. Не грамотнее меня есть мужики, а партийные. Все ясно, — рассудил он, прочитав устав и поглядывая на жену загадочно смеющимися глазами.

Катя взяла из его рук книжечку и удивленно уставилась на мужа.

— Тут про кулаки, наверное, нету, — сказала она. — Хорошего бы побольше делал.

Зося вскочил, обхватил ее ручищами, подбросил к потолку, да так и держал, расплываясь в улыбке все шире.

— Пусти! Голова кружится, — взмолилась Катя.

Он мягко поставил ее на ноги. Глаза хохотали.

— И когда ты поумнеешь? — хмурилась Катя, пряча счастливую улыбку.

— Это очень хорошо, — восторженно рассуждал Зося. — Это очень нужно, чтобы жена мужика любила. Обязательно! Но настоящему мужику этого мало. Понимаешь?

— Что, одной жены тебе мало?

— Мало. Мужику надо... Много ему надо. Делать ему надо, ворочать что-то этакое... Изю всех сил! А то и сверх. А иначе он что? Так, к жене пристежка. Вот до чего я своим умом дошел.

— Шарахает тебя из стороны в сторону. Опять что-нибудь натворишь. — Катя улыбалась мужу, но и тревожилась за него. Ей давно хотелось подсказать ему что-нибудь умное, отвлечь от блажи. А Зося глядел на нее и безмятежно скалил зубы: родной и забавной казалась ему призадумавшаяся жена.

Он схватил ее ладони, прижал к своим колючим щекам. Катя охнула, отдернула руки.

— Болят? — испугался Зося.

— Работы много, — призналась Катя.

— Штукатурить начали?

— Тепло дали от новой котельной, вот и начали. А нас и всего-то три бабы.

— Та-ак, — задумчиво произнес Зося. — Понят-

но. Жена выходит на передний край... А муж бездельничает.

Он еще что-то болтал, шутливое и малопонятное. Катя не слушала его, махнула рукой. И то ладно, что в хорошем настроении муж. Пусть тешится ребенок, большущий ребенок с огромными несуразницами.

На другое утро Зося увязался за ней, проводил до работы. Бюллетенить ему осталось один день — пятницу. Дальше надо было пережить два выходных, а в понедельник он должен встретиться со своим бульдозером, который уже волокли в ММС.

Новый дом возвышался над улицей, словно случайно забредший сюда великан, и гордо поглядывал на приземистые домишки и сараюшки, разбросанные по городу. Зося не поленился забраться на самую верхотуру и заухал от восторга. Город перед ним был как на ладони. За его окраинами виднелись и деревни, большей частью хорошо знакомые Зосе. Стсюда казалось, что и не избы стоят внизу, а игрушечные клетушки, обложенные со всех сторон голиками. Собственный дом и вовсе не приглянулся Зосе: плоский, с черными дырами на крыше. Зося плюнул и пошел вниз.

— Показывай свою работу, — заторопил он Катю.

— Гляди, — сказала она, распахнув двери в первую квартиру. — Эту мы закончили, два дня маялись. А в доме шестьдесят квартир да на лестницах стены. Вот и считай, сколько нам тут корпеть. А надо ведь и красить после штукатурки.

— Ясно, ясно, — приговаривал Зося. — А материалы-то есть?

— Все коридоры цементом завалены. Во дво-

ре — гора песку. Об этом начальство позаботилось. Раствора на весь дом можно наделать. А красок пока нету.

— Все ясно, — подытожил Зося. — Не работа, а каторга, и долгая. Надо принимать меры.

— А что ты сделаешь?

— Можно кое-что сделать.

— Смотри... Куда пошел-то? — с тревогой спросила Катя.

— Да к Пашину, — сказал Зося, стараясь придать голосу искренность. Катя вздохнула, глядя ему вслед.

Но Зося и в самом деле пошел к Пашину, который встретил его с тем же радушием, как и днем раньше. Зося выложил устав.

— Ну и как? Понравилось? Согласен с линией партии?

— Согласен.

— А заявление, случаем, в партию не написал? — не удержался Пашин от вопроса и улыбки.

Зося тоже улыбнулся, но скупно. Глаза у него были серьезны и немного печальны.

— Не шути, — сказал он.

— Я вот зачем хотел тебя видеть, — переменял тему Пашин. — На-ка держи. Это путевка. У тебя что было? Простуда, осложнение на легкие. С этим не шутят. И матушка твоя легкими страдала. Чувешь? Так что тебя надо оградить. В воскресенье вечером выезжать.

Зося ошеломленно разглядывал путевку. Никак не укладывалась в его планы поездка на курорт.

— С женой бы надо посоветоваться.

— Поймет жена, рада будет. Кому хворый муж нужен?

— Так уж я и хворый! — взъерепенился Зося.

— А так, — твердо сказал Пашин. — У нас, считай, двести человек работающих, а врачи персонально на тебе настаивают, так что конец разговору. До встречи через месяц.

Пашин выразительно глянул на двери, и Зося задумчиво вышел.

«Он уж теперь и насмеяться надо мной готов из-за устава, по глазам видно, — с обидой думал Зося о Пашине. — Но еще поглядим. Не такой я дурак, чтобы сейчас на смех заявление писать. Только и я могу быть не хуже некоторых ихних. Хоть тот же председатель плешивый. Ясно, что партийный, а дрянь порядочная. Я бы его...» Но путевка, которую Зося придерживал в кармане рукой, настаивала его на иной лад, заставляла думать о другом. В его голове все отчетливее вырисовывался план предстоящей операции. И когда он стал ясен в деталях, Зося без промедления приступил к делу.

Его видели возле горкомхоза. Он шептался с парнем своих лет, одетым в умазанный красками комбинезон. Оба поминутно оглядывались, словно боялись, что их подслушивают. Но если бы кто-то и находился поблизости, то вряд ли что-нибудь понял бы из их разговора.

— Песок, цемент? — коротко спрашивал парень.

— Хватит, — бросал Зося.

— Вода?

— Помпу надо.

— Найдем. А тепло?

— Обеспечу.

Потом вопросы задавал Зося.

— Распылители-то у вас есть, чтобы и штука-

турку не с лопатки кидать, и малярить не кисточкой?..

— Имеется.

— Краски?

— Кусаются они, но найдем. Многовато надо. —

Парень вздохнул.

— Деньги на бочку, — уверил Зося.

— Задаток требуется, — сказал парень, — потому что идея неясна. Дом казенный, а платишь ты.

— Может, я уполномочен. Дело-то ведь такое... Нашему директору не с руки с вами связываться. А мне... что ж? Объявят мне выговор для виду. А в глаза похвалят. Выговор — не туберкулез, с ним можно жить.

Зося отсчитал десятки. Они крепко пожали друг другу правые руки, и в этот момент пачка червонцев перекечевала из левой Зосиной руки в левую руку парня.

— Вот остальное, — сказал Зося и показал другую пачку.

— Сроки? — спросил парень.

— В понедельник к утру.

Парень молча зашевелил губами, что-то считая в уме.

— Два дня и три ночи, хватит, — уверенно заявил Зося.

— Такое дело нельзя плохо сделать, — озабоченно проговорил парень. И они расстались, еще раз беззвучно ударив по рукам и с полным уважением глянув в глаза друг другу.

Чуть позже Зося снова очутился на территории ММС, теперь в новой котельной, где долгонько судачил с кочегарами. И здесь не обошлось без червонцев.

— Условия ставлю такие: не пить, шуровать всю, чтобы штукатурка за сутки до звона высохла. Ясно?

— Чего ясней. Сказали — сделаем, — заверили кочегары. Зося пожал их черные руки и ушел, совершенно довольный собой.

Оба выходных дня он пускал в ход всю свою изобретательность, чтобы Катя не выходила из дома. Заставлял ее еще и еще раз отбирать и гладить ему в дорогу белье, заводил всякие разговоры. Сам бегал на колодец и в магазин. И долгонько бегал, потому что каждый раз оказывался возле пятиэтажного дома. Отходил от него с улыбкой. Из дома глухо доносились многочисленные голоса, шум каких-то движков. Во двор то и дело выскакивали мужики в комбинезонах, тотчас исчезая в подъездах.

— Не блазнят. Это хорошо, — отмечал Зося и даже матерился от волнения и восторга.

...Когда Катя пришла в понедельник на работу, ее поразила картина разграбленного двора. Начисто растаяла заснеженная гора песку. В коридорах не осталось ни одного мешка с цементом. Но Катя совсем перестала верить своим глазам, когда увидела, что все до единой квартиры отделаны начисто: побелены потолки, оштукатурены и блещут свежей краской стены. Оставалось только полы помыть. Катя села на лестнице и взялась за голову. Подруги ее бегали по этажам и визжали от изумления.

— Чем это все кончится? — горько сказала Катя...

В этот понедельник в доме побывало полгорода. И почему-то все были уверены, что без Зоси здесь не обошлось.

— Ай да Зося! — сказал Пашин, останавливаясь. Да так и не мог больше ничего сказать.

— Ой, Изосим! — произнес Чубенко и долго таращил глаза.

— Ну, Березкин! — недобро проговорил Василий. Он был уверен, что без хищения социалистической собственности тут не обошлось, и поморщился оттого, что теперь-то уж волей-неволей придется заводить на Зося серьезное дело.

...А Зося ехал в плацкартном вагоне на юг, усердно пил чай. Лицо у него было такое, будто он вот-вот расхохочется, потому что один он во всем поезде знал до невозможности веселую и удивительную историю, рассказывать которую было еще нельзя.

23

ЗОСЮ ждала с курорта вся ММС, а может, и весь город. На некоторое время он стал самым популярным человеком. О нем говорили всюду, восхищались, кричали, качали головами.

С курорта он прислал два письма: Кате и Чубенко. Катя всплакнула над письмом, потому что написал ей Зося много всяких хороших слов и клялся купить ей тоже путевку на курорт, где должны вылечить ей руки. Плакала Катя еще и оттого, что дорогому мужу грозили неприятности. Кое-кто утверждал, что не миновать Зосе суда, как и бригаде горкомхозовцев.

Чубенко жирно подчеркнул в Зосином письме четыре строчки: «Знаю, что будут прищучивать ребят из горкомхоза. Так ты отдай им краску. Больше они со своего склада ничего не брали. А меня

извини, что не согласовал вопрос. Но не мог я видеть, как тянут с этим домом. Да и деньги, которые у меня никто не принимал, надоели, хоть давай». Чубенко показал письмо Василию. Тот прочел, собрал свои бумаги и заявил:

— Он и в письме насмехается. Беззаконие, конечно, явное, но не могу я его привлекать: никакая статья не подходит.

— А как же мы все это документами оформим? — задумался Чубенко.

— Вот и думай! — озлился Василий. Ему казалось, что Чубенко вовсе не встревожен, а даже доволен, что так получилось. — Если что-нибудь незаконно проведете по документам, на тебя дело заведу. Походишь тогда, пообъясняешься!

— А ты-то чего злишься? — спросил Чубенко.

— А ну вас! Все у вас не как у людей. С ума сойдешь, — заворчал Василий и ушел.

— Это тебе не статьи в кодексе, а живые люди, — проговорил Чубенко с удовольствием в сторону захлопнувшихся дверей. В душе он восхищался Зосиной предприимчивостью. Чубенко уже выбрал в доме квартиру для себя. А жена писала, что придет через несколько дней. И Чубенко пытался представить, как она обрадуется...

...Зося приехал ночным поездом. Его встретила Катя. Была она глухо укутана в шаль, держалась в сторонке и Зосю поспешила увести с освещенного людного перрона. Зося что-то толковал ей восторженное про курортную жизнь, а Катя не слушала его, торопила. Они подошли к старому дому, и Зося свернул к своему заулку.

— Ты что? В трубу лазишь или опять к бабке переселилась? — недоуменно спросил он, увидев,

что подворье занесено снегом и нет к крыльцу ни одного следа.

— Новый у нас дом. Пойдем скорее.

— Что? Всерьез переехала?

— Ну да.

— Поглядим! — радостно заорал Зося. Он подхватил Катю под руку и чуть не бегом припустил к новому жилью. Только теперь он разглядел, что Катя не в настроении.

— Ты чего такая? Ведь новоселье, новая жизнь!

— Дома расскажу, — тихо ответила она.

Они поднялись по освещенной лестнице. Катя открыла дверь, сказала, слабо улыбнувшись.

— Входи, хозяин.

Из квартиры пахло теплом и такой чистотой, что Зося принялся испуганно вытирать ноги и не сразу решился переступить порог.

— Почти всю ММС сюда переселили. И директор, и Пашин, и твой друг Василий тут, — рассказывала Катя. — И прошу не ворчать. Я деньжонок твоих порядочно поистратила: обстановку, телевизор, шторы, коврики купила. Все так делали. Ну и я.

— Какие это мои деньги? — возмутился Зося. — Нет у меня ничего. Все — наше. А чего ты такая сегодня, как в воду опущенная? Или стряслось что?

— Ой, мужик!.. Тебе весело, а горкомхозовским ребятам не до смеха. Скандал у них, шум, — говорила Катя. — Премий их лишили. А бригадиру товарищеский суд устроили. Следствие идет.

Зося помрачнел. Ему живо представилось, как таскают работяг на допросы, грозят взыскать с них за краску... А виноват он.

— Ну что за люди в городе! — злился он. — Я

же большое дело сделал. Должны бы понять! А результат — одно расстройство... На жене лица нет. Люди страдают. Что за жизнь такая? И почему мне самому теперь приходится мучиться?.. А может, правильно говорят, что ничего в жизни легко не дается? Конечно, правильно. Тем более такому варнаку, как мне... Вот несчастная семейка! Мать мучилась, я мучусь. А теперь еще и жена должна... И бригадира жаль. Отличный он парняга, честный... Хорошо, что я летом учетчицу не вовлек в махинацию, как тогда советовал этот гад Моргалин. Молодая девчонка, симпатичная, в техникуме учится. Мог бы испортить ей всю жизнь! А еще о партии думал... В рай хотел, а кругом грешен. А что теперь-то делать?

— Ложись. Постелено, — грустно сказала Катя. Нет, не такой встречи ожидал Зося.

Зося почти не спал остаток ночи, а утром пошел в горкомхоз. Там ему быстро нашли того самого парня. Вышел он хмурый, не поздоровался. Зося отвел его в сторону.

— Есть выход, — горячо убеждал он парня. — Тебе все равно здесь не жизнь, не простят. Переходи к нам. Пошли сейчас же к директору. Он тебя с руками оторвет. Пофыркает для виду, а на работу возьмет. У тебя какое образование-то?

— Техникум кончаю. Строительный. Заочно.

— Отлично! У нас же страшный дефицит на строителей. Чубенко через полгода тебя сделает своим заместителем по строительству!

— Не загибай, — парень остановился, — не сбивай меня с толку.

— Ну пусть не заместителем, а старшим прорабом будешь!

— Не должность мне надо.

— Сразу и не дадут. Нельзя сразу после такой истории. Понимать надо.

И они снова двинулись к ММС.

— Из горкомхоза и верно лучше уйти, — проговорил парень.

— Ну, — убежденно поддакнул Зося.

...Чубенко принял их сразу. Зося глянул на него и понял, что большой грозы не будет, но повиниться, выслушать кое-какие не очень приятные слова придется, и даже следует. Зося представил директору парня, который стоял с опущенной головой и мял в руках шапку.

— Оба главные пришли, значит, — приветствовал их Чубенко. — Рассказывайте, как это вы...

— О чем рассказывать? — невинно спросил Зося.

— Обо всем. Как сговорились, как дело повернули?

— Это всем известно, — ответил Зося. — Чего слова тратить.

Парень стоял и маялся. Расспросы о халтуре ему надоели до того, что хоть из города беги.

— Мы все понимаем, — бодрее заговорил Зося. — Вы должны нас ругать, меня наказать, или еще там как... Но ведь все в пользу ММС получилось! Так ведь? И вижу я, что втихарика вы бы меня похвалили. А вы все же ругайте! Мы понимаем.

— Ох ты и жук! — сказал Чубенко. — Есть в твоих словах смысл. Но про моральную сторону дела ты забыл. Сколько ты этого морального вреда принес — не счесть! Люди из-за тебя волнуются. Кто в сомнение насчет порядка и законности впа-

дает, кто мучится, наказанный. Вот к чему твоя ловкость привела. И друг твой стоит и страдает. А с тебя — как с гуся вода. Он бы тебе физиономию должен набить, а вы чуть не в обнимку ходите. Что вы за люди? Зачем ты его ко мне привел?

— К нам его надо устроить, — горячо заговорил Зося. — Замордуют там парня. А он строительный техникум кончает. Из рабочих вышел. Нам как раз такого человека не хватает. Я за него ручаюсь.

В кабинете установилась напряженная тишина. Наконец Чубенко распорядился:

— Ты иди, Изосим. Я с ним поговорю.

Зося послушно вышел. Словно гора свалилась с его плеч. Он долго сидел дома задумчиво и неподвижно. А вечером заявил Кате:

— Все. Кончились мои номера. Буду теперь самым правильным. Комар носу не подточит. Больше, чем другим, мне не надо. Надоело. Ты же стараешься пользу сделать, ты же и виноват.

— Давно бы пора так, — сказала Катя. — Самому спокойнее будет.

24

ВЕСНА пришла самая обычная: ни рано ни поздно, кое с какими капризами и с яркими деньками. Почти не взволнованный предстоящим сезоном, Зося работал на ремонте и думал об одном: как бы получше отладить свой бульдозер.

Остепенился за зиму Зося. Уверенностью и силой веяло от его поплотневшей фигуры. Чистым стало лицо. И руки уже не казались длинными, налились они мужицкой тяжестью.

...Наступили майские праздники. Зося посмотрел демонстрацию по телевизору и вышел во двор. На улице было солнечно и тепло. Восторженно гомонила ребятня. На скамеечке во дворе сидели и по-праздничному благодушествовали Чубенко, Пашин и Василий. Они дружно ответили на Зосино приветствие и глядели так, словно приглашали к себе в компанию. Но не подошел к ним Зося. Он вздохнул и направился на усадьбу ММС.

— Не похож на себя стал Изосим, — заметил Василий. — Что-то с ним происходит.

— Думает парень, — сказал Пашин. — Вы и не знаете, что он у меня устав партии брал читать.

— Вон как! — удивился Чубенко. — Честно говоря, мне его жаль: убили мы в нем веселье. Преступно это, если разобраться.

— У него от веселья до преступления один шаг, — сказал Василий. — Тихий он мне больше нравится.

— А мне — нет, — возразил Чубенко. — Люблю, когда люди весело работают. И живут.

— Это у него временно, — сказал Пашин. — Много я людей видел на своем веку, а не помню ни одного примера, чтобы резко этак переменялся человек. Каким родился, каким вырос, таким и умрет. И Зося еще почудит, будьте спокойны.

— Как хотите считайте, а мне он несколько уроков дал, — заговорил Чубенко. — Даже искусству руководить я у него кое в чем учусь.

— Что же это за уроки? — недоверчиво полюбопытствовал Василий.

— А хоть и с прудами для частников. Нужны пруды людям, а мы не роем. А почему? Да только потому, что не доперли своей головой, что рыть их

надо, и кроме нас — пока никому. Это раз. А с домом разве не урок? Урок, да еще какой! Могли же мы со своей стороны людей нанять, воскресники провести? Могли. А мы не спешили, вот и мораль. Не думал я как-то об этом, текучка заедала. А надо думать и директору, и завкому.

— Предчувствую я, что он опять какую-нибудь штуку выкинет, — сказал Василий. — В ММС сейчас пошел. Чего ему там надо в праздник? Хорошо, если не халтурой займется.

— Не думаю, — сказал Чубенко. — Он у меня железа недавно просил для оградки на могилу матери. Думаю, за этим и пошел.

— Оградку он сделал. Два дня тому назад увез, — уточнил Пашин. — Я ему с машиной помог.

И в этот момент возле дома показался Зося. Он шел согнувшись, тащил на спине что-то грузное.

— Ну вот! — привстав, проговорил Василий. — Что-то волокет.

Зося с грохотом сбросил ношу возле крайнего, не своего подъезда.

— Не себе. Значит, точно халтурка, — определил Василий.

Все трое с начальственной строгостью и подозрительно напряженными глазами подошли к Зосе.

— Это что? — первым спросил Чубенко.

— Не видите, что ли? — ответил Зося. — Решетки к подъездам. Сам варил, чтобы грязи поменьше в дом таскали.

Все трое не смогли сдержать облегченного вздоха. А Зося, видимо поняв их, усмехнулся и прикрыл смеющиеся глаза. Это были прежние Зосины глаза — озорные, умные. И усталые.

**В
ТИХОМ
ПОСЕЛКЕ**

КРУТЕЦ — это крошечная железнодорожная станция. Рядом поселок, тоже Крутец.

Откуда взялось такое название, сказать трудно: ничего крутого нет ни в поселке, ни вокруг него, отойди хоть на двадцать верст в любую сторону. Поезда ходят редко и не быстро. Местность ровная, не знавшая ни землетрясений, ни наводнений. Люди живут размеренно. Словом, ничего, поражающего воображение, здесь нет. Разве на лесных проселках встретится какой-нибудь замысловатый, истерзанный гусеницами тракторов и действительно крутой спуск в ложбину. Но что говорить о проселках! Люди здесь гордятся тем, что живут у железной дороги.

В округе Крутец известен тем, что в нем базируются ремонтные мастерские. Была здесь когда-то настоящая МТС, отчего поселок разросся до двух улиц с дощатыми тротуарами-мостками. Возможно, в те годы и считался Крутец бойким местом,

а сейчас тут тихо, если не принимать во внимание гудки паровозов, рев тракторов, петушинные крики и мычание коров. Но к этому все одинаково привыкли.

Спокойно живет Крутец. Давно уж отсюда не поступало в вышестоящие инстанции никаких жалоб. Только начальник мастерских Гайкин Кирилл Кириллыч время от времени требует у начальства ассигнования на жилфонд. Но это не жалоба, это деловая постановка вопроса.

Необходимость просить ассигнования возникает не часто, но довольно регулярно. Всякий раз, когда в мастерские приезжают представители, Кирилл Кириллыч втайне страдает и чувствует себя никудышным хозяином, потому что не имеется при мастерских ни свободного жилья, ни комнаты для приезжающих. И Гайкин принимает одно и то же решение: ведет гостя к себе, утешаясь, что тот внесет в его холостяцкое бытие некое разнообразие.

Вообще-то, Гайкин человек нездешний, но в Крутце давно свой. Прислали его сюда после окончания института. Здесь он отметил свое двадцатипятилетие, здесь разменял и четвертый десяток. И за все эти годы начальство так и не решилось выдвинуть его на работу повыше, хотя бы в райцентр. Многим однокашникам Гайкина, осевшим в городах и преуспевшим по службе, это казалось крайне несправедливым. Но тут надо учесть, что замену себе на месте Гайкин не подготовил, никого не вырастил до должного уровня, а ехать на его должность в Крутец охотников не находилось.

И все же на судьбу Гайкин особенно не обижался, лямку свою тянул исправно, и считался руководителем из числа тех, кто звезд с неба не хва-

тает, но все же вполне на своем месте. Он и с виду был похож на таких: спокойный, знающий дело, с подчиненными простой и уверенный, с начальством внимателен и чуточку застенчив, а при случае в меру энергичен. Были у него и недостатки: он не любил рисковать, не любил шумных новостей, не любил критику в свой адрес, особенно если она шла сверху. Начальство давно заметило эту слабину и критиковало его. Но если разобраться по-настоящему, то делало оно это лишь с одной тайной целью, чтобы не зазнался Гайкин, не почил на лаврах регулярного выполнения плана и не позволял себе думать, будто достиг права на выдвижение.

Крутецкие жители привыкли к тому, что если Гайкина нет в мастерских, то он обязательно дома или наоборот, и шли к нему с вопросами одинаково свободно как в контору, так и на квартиру.

В Крутце Гайкин нажил немало друзей и не нажил ни одного врага. Лучший друг — инструктор райкома комсомола добрейший Сева, заезжавший в Крутец почти на каждой неделе, шел к Гайкину на ночлег давно без спроса. Он, как дома, нашаривал в тайничке ключ и открывал замок. С одного Севиного визита и начались события, заинтересовавшие, а позднее и взволновавшие мирных жителей Крутца.

Был теплый августовский вечер. Спрыгнув с поезда на шлаковый перрон, Сева помахал руками, разминаясь после сидения в вагоне, позевал на бледный закат, на чернеющее здание вокзальчика и двинулся к знакомому дому, стараясь бодро здороваться с каждым знакомым встречным. Все бы и было, как всегда, но в этот раз Сева увидел, что вслед за ним идут и идут двое парней с чемоданами. Не-

здешние парни, не догоняют и не отстают, на перекрестках озираются. Сева остановился и стал откровенно разглядывать их с улыбкой, приглашающей к разговору. Через минуту он уже знал, что парни прибыли из института по распределению и ищут Гайкина. Сева обрадовался их комсомольскому возрасту: это были как раз те люди, которых не хватало Крутцу. И он повел их к Гайкину.

На правах начальника Гайкин занимал половину двухквартирного домика из бруса. Во второй квартире жила бухгалтерша мастерских с семьей, отчего Гайкин имел некоторые неудобства, потому что бухгалтерша считала своим долгом приглашать его в гости на каждый праздник, а он твердо решил, что ходить по гостям к подчиненным не следует: пойти к одному, к другому, к третьему — все будут звать, а к чему это приведет? Однако у себя Гайкин гостей принимал и мог накрыть стол.

Гайкин не удивился Севе и его сияющему лицу. На новичков глянул мельком, без особой радости.

— По каким вопросам? — спросил он, насторожившись и еще не желая думать, что парни — верные ночлежники. Парни вежливо кашлянули, не решаясь ставить свои чемоданы.

— Твоего полку прибыло! — закричал Сева, стараясь заразить Гайкина своей радостью. — Это же дипломированные инженеры! С иголки. И оба — тебе!

— Вот новость! Кто же так расщедрился! — честно изумился Гайкин. Он припомнил, что начальство намекало ему на возможное пополнение итээр, но такие обещания были и раньше. И вот на-ка! «Куда же я их жить определяю?» — мысленно спросил он себя, начиная тревожиться еще больше... Вообще-то,

молодым инженерам он должен бы только радоваться. Он и в самом деле радовался, хотя еще черт их знает, что они за люди.

А люди стояли у порога, чемоданы в руках, и переводили глаза с Севы на Гайкина, словно были виноваты, что обеспокоили начальника в неурочное время. Гайкин тоже не сразу сообразил, как вести себя. Обглядеть молодых инженеров попристальнее тоже не смог: неловко было прямо вот так их разглядывать. Однако успел заметить, что парни сшиты не на одну колодку. Тот, что пониже ростом, похоже, ясный человек. А второй из тех, кого не вдруг раскусишь: красивый уж больно парень, вроде бы и ни к чему парню быть таким красивым. Одет с претензиями на последнюю моду... Но ведь и среди таких встречаются дельные и приятные люди. И по службе красивые быстрее продвигаются...

— Представляйтесь начальству, бирюки!— тормозил парней Сева.

— Чистяков Валерий,— с достоинством поклонился красавец.

— Иван Иванович,— сказал маленький слабым голосом и покраснел.

У Гайкина потеплело в груди: вспомнил, что и его в институте тоже не в обиду звали Кириллом Кириллычем, и был он тоже тих и робок, и в жар его бросило до пота, когда он вот так же пришел представиться своему первому начальнику.

— Располагайтесь, как дома, рассказывайте, а я чайшко соображу,— захопотал наконец Гайкин.

— А что к чайшку будет?— провокационно любопытствовал Сева, подмигивая новичкам.

— Найдется,— без особого энтузиазма ответил Гайкин из кухни.

Новые инженеры сидели чинно, молчали и разглядывали квартиру: шурились на корешки книг, густо облепивших железную полку на трубчатых ногах (сразу видно, что в своих мастерских сварена), оцениваяще задерживали взгляд на телевизоре, осторожно брали журналы, разбросанные по стульям и подоконникам.

Сева и Гайкин, бегавшие с посудой, все еще не могли их разговорить.

За столом все оживились.

— Слушайте его во всем, и карьера ваша начнется счастливо,— наставлял новичков Сева, предвкушая удовольствие начавшегося мальчишника. Доверчиво улыбался, слушая его, Иван Иванович, а Чистяков неопределенно гримасничал: то у него ломались и подпрыгивали брови, то дергались уголки губ, словно он надумал что-то, но не решался сказать. Но все это у него получалось красиво и чуточку загадочно.

— За приезд,— Гайкин поднял рюмку с портвейном. Все одобрили его тост и выпили, кроме Валерия.

— Не употребляю,— пояснил он с холодным достоинством.

— Эту марку или вообще?— удивился Гайкин.

— Вообще.

— Похвально,— без одобрения в голосе сказал Гайкин. Ему показалось, что Чистяков или рисует, или уже дурачит его. Однако пиршество с одной бутылкой портвейна на троих продолжалось.

— Прошу прощения, но оставляю вас на полчасика,— сказал, поднимаясь, Валерий. --- Чувствую потребность осмотреть населенный пункт, пока не совсем стемнело: интересно же, куда нас занесло.

Гайкин и Сева переглянулись, не зная, что сказать. Они глядели, как Валерий, совсем уже не стесняясь, охорашивается перед зеркалом, как изящно двигаются его руки.

2

— **ВИДЕЛИ?** — растерянно спросил Сева, не обращаясь ни к кому, когда Валерий вышел, и вопросительно глянул на Ивана Ивановича.

— Он — ничего, — заговорил Иван Иванович, чувствуя, что объясняться за товарища надо ему. — Он самостоятельный, учился отлично. У него сила воли — многие завидовали. Он не разбрасывается...

Прошло несколько тихих минут. Иван Иванович заговорил снова уже тверже:

— Вы на меня, Кирилл Кириллыч, не рассчитывайте. Я в колхоз уйду.

— В какой? — не сдержал изумления Гайкин.

— В любой! — беспечно ответил Иван Иванович. — Я ведь не знаю, что тут за колхозы.

— Ну, даете вы, парни! Один в поселок бежит из-за стола, другой — вообще в колхоз!

Гайкин растерялся. Уронил с сигареты пепел на чистый половик, ругнулся. Новые инженеры уже раздражали его. «Лучше бы и не присылали их, — подумал он. — Один обходился, а теперь возись с мальчишками, выслушивай ихний бред, воспитывай, отъежай...»

— Вы меня поймите! — горячо растолковывал Иван Иванович. — Я ведь деревенский. Трактористом три года работал, отец выучил с детства. Теперь он — председатель колхоза на моей родине. Он уже в годах, от меня ждет одного, чтобы и я вырос до пред-

седателя. Со временем, конечно... И чтобы не хуже его был. А он два ордена заработал... Это очень серьезно. Он считает, что нет трудней должности... Что вы так смотрите? Бывают же такие люди! И это вовсе не плохо. Династия председателей-хлеборобов не хуже, чем какая-нибудь династия музыкантов. И не проще это...

Иван Иванович раскраснелся и глядел на хозяев так, словно искал поддержки и тревожился. Но тревога его была напрасна. Они слушали его с отменным интересом. Они еще были достаточно молоды, чтобы понимать и ценить — не без иронии, правда, — чистые порывы. Иван Иванович в конце концов, наверное, заметил это, потому что разоткровенничался еще больше.

— Ко мне и жена сюда придет. Она коренная горожанка, ученый библиотекарь, но это не беда. Она за мной — хоть на край земли. Так решили. Как только будет у меня здесь какой-нибудь угол, она сразу придет. Хотите, фотокарточку покажу?

Друзья мельком переглянулись, скрыв улыбки. Они несколько секунд разглядывали снимок, с которого глядело узкое красивое лицо, совсем еще девчоночье, в очках и с челкой.

— Видимо, решительная дивчина, — сказал Сева, крякнув.

— Да-а, — неопределенно поддакнул Гайкин.

Они почти тотчас забыли про фотокарточку: их занимал сам Иван Иванович.

— Этак только в кино или в книгах молодые люди поступают, — на правах старшего ворчливо сказал Гайкин.

— А вы сами разве не из таких? — ошеломил его вопросом Иван Иванович. — Если объективно разо-

браться, без скромничанья? Рассказывали нам о вас в сельхозтехнике...

— Я? — только и сказал Гайкин. — Я тут ни при чем. Я старый гриб. О себе в таких возвышенных тонах тут думать не приходится. Закрутишься с делом — обо всем забудешь.

— Да мы же знаем! — не отставял Иван Иванович. — Ведь вы же после института, из города — и в такую глушь. Местечко не из теплых. Иных сюда под ружьем не загонишь. Так ведь?

Гайкин с добрым пониманием старшего глядел в ясные глаза Ивана Ивановича и уж чуть было не согласился с ним. Какой-то честолобивый голосок подсказывал, что ведь и впрямь он, Гайкин, сидит не на теплом месте и несет свой крест почти героически. Но он быстро опомнился. Согласиться с Иваном Ивановичем — значило бы принять в свой адрес разные громкие слова из газет о самоотверженных тружениках, значило бы загордиться, а этого он себе позволить не мог, давно считая себя человеком слабым и неудачливым. Поэтому он постарался приглушить мысли о себе и придумать что-нибудь такое, чтобы укротить этого парня, расходившегося от чая и портвейна. И все же Иван Иванович был ему симпатичен.

«Любопытный парнишка, — подумал он, — есть в нем порох. Хорошо, если сразу не разобьет себе нос. Может, и не разобьет. Таких поддерживают...»

Но вслух одобрять замыслы Ивана Ивановича он не стал: не любил он никаких громких фраз ни говорить, ни слушать. Что из того, что он тут начальник и что мастерские выполняют план? Другие в его возрасте на космодромах командуют, и тоже, наверное, без пышных словес... «Поехали!», и все.

К чему фразы о других и о себе, если он считал себя самым обычным сереньким инженером, если начальство постоянно критикует его, а он не знает, что сказать в оправдание... Бывали у Гайкина минуты, когда ему хотелось отыскать в себе и четко определить комплекс неполноценности, закрепить за собой это горькое, но утешающее обстоятельство, да и успокоиться на этом, не рыпаться и не тужить, что заброшен в Крутец, пожалуй, навсегда. Такое случалось в часы унылого одиночества или после каких-нибудь неудач в мастерских. Была у него и еще одна, тоже не из веселых мысль. Ему казалось, что он, обыденный до скуки, способен высказывать лишь давно приевшиеся, неоригинальные суждения, да и то тусклыми словами и тусклым же голосом. По этой причине он усвоил себе манеру говорить серьезные вещи и тут же усмехаться, говорить так, что не поймешь, то ли он действительно настаивает на важном, то ли шутит. И если его не поднимали на смех, не удивлялись его наивности, а принимали всерьез, он и продолжал серьезно. А если иначе — смеялся вместе с собеседником, все сводя к шутке и мучаясь, что не умеет ничего доказать и постоять за себя. Частенько это мешало ему и вопросы решать, особенно с начальством.

Но с Иваном Ивановичем и таким образом невозможно было говорить, потому что требовал он откровенности и словно бы видел Гайкина насквозь.

Чтобы скрыть замешательство, Гайкин принялся шагать по комнате, пряча глаза. Но вдруг что-то забурлило в нем, захотелось высказаться до конца, словно сгорел в нем предохранитель. Он со стуком распахнул дверцы шкафа и достал с полки распечатанный конверт.

— Читай!— подал он его Ивану Ивановичу и, заложив руки за спину, снова пустился из угла в угол.

Иван Иванович повертел страничку, поднял встревоженные глаза, спросил:

— И что вы решили?

— А что я могу решить?— ответил Гайкин, уже успокоившийся и немного раздосадованный тем, что позволил себе увлечься, не нажал на тормоза вовремя.— Ничего я не решил. И тут с делами не всегда расхлебываюсь... Да и кто отпустит?

Иван Иванович захлопал в ладоши, Гайкин ему нравился.

— Что за секреты?— недовольно спросил Сева и осекся, потому что в дверях показался Валерий.

— Друзья к себе зовут, на Харьковский тракторный,— с вызовом сообщил Гайкин.

— Вообще-то, заманчиво,— скупно сказал Сева.

— Великолепное предложение,— уверенно встрял в разговор Валерий. Даже нотка снисходительного превосходства послышалась друзьям в его голосе.— Харьков — это не Крутец.

— А сюда кого поставить?— серьезно спросил Сева.

— Незаменимых нет,— бросил Валерий.

Всем троим показалось, что он помешал им разговаривать искренне. Все трое недобрыми глазами следили, как свободно прогуливается Валерий по квартире Гайкина.

Гайкин заставил себя подавить неприязнь к Валерию.

«С характером,— подумал он о нем, стараясь быть объективным.— Холерик. Задатки для руководящей работы налицо».

Но дальше в своих мыслях он не пошел: не хотел да и пустыми считал всякие мечтательные и предположительные размышления. Новизна, да еще такая, как Харьков, и эти новые инженеры, пугали его. Разговор дальше не клеился. Сложил на коленях руки и задумался с улыбкой Иван Иванович. Сева, зевая, заявил, что устал и сейчас заснет. Ожидая поглядывал на Гайкина и Валерий. И Кирилл Кириллыч полез в шкаф за свежими простынями.

3

А В ЭТУ минуту мимо окон проходила поселковая медичка Женя. Шла она с обычного вызова к больному, а думала о Гайкине и о себе. Привычно и, пожалуй, грустно думала, что двоих в Крутце, представителей сельской интеллигенции, и что вроде бы самой судьбой сведены они друг с другом, но ничего у них не получается, потому что непонятный человек Гайкин, нерешительный, что ли, а она женить его на себе не умеет, да и не пошла бы никогда на такое — завлекать. Неплохой парень Кирилл, давно они знакомы. Один недостаток у него — робость, особая какая-то робость. В своих мастерских он и крутовато распорядиться может, и с докладами в клубе выступает, на что тоже смелость нужна, но есть в нем что-то потаенное, закрыта какая-то дверца перед самым сердцем, и никого он за нее не пускает. Чего боится? Почему замкнулся? Не может же такого быть, чтобы не хотелось человеку высказаться до конца хоть иногда, излить душу перед тем, кто может понять, почувствовать, подумать вместе... И перед кем, как не перед ней, мог

бы он раскрыться? Но что-то мешает ему, и он, должно быть, страдает от этого... Может, ему помочь?

Отчаянная мысль зайти к Гайкину сейчас же пронзила Женю. Она остановилась, прижала холодные ладони к разгоревшимся щекам. Много месяцев уже не заходила она в эту квартиру. Не болеет Гайкин, хоть что с ним делай, а больше и повода нет, чтобы зайти. Дров для медпункта попросить у него как у местной администрации, так он и насчет дров за год раньше распорядился, словно оберегает себя от встречи с ней.

Уже близко к окнам подошла Женя, почти решилась... И вдруг увидела: за занавесками движется не одна тень, а две, если не больше. Есть кто-то у Гайкина! Хорошо бы она сейчас выглядела со своим визитом... Ужаснулась, расстроилась и, ругая себя, побежала Женя в свою боковушку при медпункте, обижаясь на Гайкина и на судьбу.

Откуда ей было знать, что именно ее суженого тень скользила сейчас по окнам, у которых она только что стояла.

...Скучно жилось Жене последние недели, наверное, оттого, что уехала в свой долгий отпуск подруга — учительница Ленка. Так-то ее все звали Еленой Павловной, и ходила она по поселку в строгой темной одежде, со строгим же взглядом и сжатыми губами. А в Жениной боковушке преображалась в отчаянную Ленку. Она брэнчала на школьной мандолине и пела под свою музыку частушки, порой и двусмысленного содержания, а бывало, и пригорюнясь сидела. В таких случаях разговор почти всегда заходил об одном.

— Где наши женихи, Женюшка? Мы с тобой

здесь как белые вороны. Ин-тел-ли-ген-ция. Здешние женихи глядят на нас с усмешкой. Им надо таких жен, чтобы и дрова рубили, и за скотиной ходили. А мы?

— Не горит, — отвечала Женя и хмурилась, потому что думала почти так же, как и Ленка.

— А если горит? — вскидывалась Ленка. — Ведь годы-то идут! Лучшие денечки пролетают, и никогда их уже не будет, не вернуться они. А мы все одни да одни. Обидно.

— Поплачь.

— И ничего такого не будет, если зареву... Мне уж сколько наших девчонок сообщили, что замуж вышли! Хотя... Смешно как-то: все за трактористов. Пишут с юмором, что, мол, и зарабатывают мужья-механизаторы много, и к дому на тракторе что угодно могут приволочь. Пишут... А сами коров доят и ревут, наверное. Ведь все наше девчоночье педучилище разбросали по деревням. Я хоть к железной дороге попала, и то удача. А других в такую глушь запрятали, что туда только на тракторе и поедешь. Там без механизатора не проживешь.

— Теперь многие трактористы после десятилетки, грамотные, к культуре тянутся, — говорила Женя.

— Бывают случаи, — соглашалась Ленка. — Судьба наша...

Вдруг она вскакивала, хватала мандолину и пела, наигрывая местную кадрили, нарочито грубым голосом:

Задушевная подруженька,
Играет гармонист.
Руки черные-пречерные —
Наверно, тракторист.

Они хохотали, тормозили друг дружку и расставались веселыми, беззаботными с виду.

Хорошо было с Ленкой. Можно было и к ней забежать, развлечься болтовней, и сама она заскакивала в медпункт чуть не каждый день.

Говорили они, конечно, и о Гайкине.

— Теленок с высшим образованием, — утверждала Ленка. — Недотепа. Он до смерти холостяком останется. В каждом городишке, да и в поселке, если покрупнее, хоть один да есть такой вечный холостяк. А может, он болен чем таким? — хохотала она. — Ты бы освидетельствовала его. Это по твоей части. Вызови и...

— Думаю, он вполне здоров, только заснуло в нем полчеловека от здешней жизни, и не разбудить, — отвечала Женя.

С Ленкой было занятнее, веселей. А теперь...

Женя еще повздыхала немного и заснула.

4

В КВАРТИРЕ Гайкина тоже погас свет. Засыпающего Севу посетила сладенькая мечта: вот он будто невзначай заходит в медпункт, да и почему невзначай? Ведь Женя — здешний комсомольский «бог», а Сева в любое время может потревожить таких богов: он для них инструктор... Он заходит к Жене, и она по секрету угощает его стопочкой казенного спирта и предлагает ему заночевать в медпункте, если с ночлегом у него еще не решено... Сева почмокал губами и затих. Его мечты не распространялись слишком далеко: в райцентре у него была жена.

Мысли Гайкина и прибывших инженеров были одинаково смутны и тревожны: как они поладят друг с другом и что им сулит завтрашний день...

Они и утром проснулись с тем же настроением. Первым поднявшийся Сева думал о Жене. Он не переставал думать о ней и за коротким чаепитием, не отвлекали его от этих дум даже новые заявления молодых инженеров.

— Я считаю, первый день мне надо посвятить знакомству с мастерскими, — сказал Валерий.

— Да, да, пожалуйста, — тотчас согласился Гайкин, стараясь казаться культурным. — Посмотрите организацию участков, технологическую цепочку, постарайтесь запомнить все, что есть у нас из оборудования и запчастей, чтобы иметь полное представление о наших возможностях, — говорил он.

— А я, если никто не возражает, подамся в ближайший колхоз. Может, там инженеры нужны? — сказал Иван Иванович с такой обескураживающей улыбкой, что никто на него не рассердился. На него махнули рукой. А он продолжал: — Ведь все равно мне никто не запретит.

— Вообще-то, надо бы оставаться там, куда направили, — проворчал Гайкин. — Вдруг ты и не нужен нынешним колхозам? Может, прошли те времена, когда в колхозы брали любого желающего. Но попытай счастья, поезжай вон с Севой. Вам по пути.

Севе и в самом деле надо было попадать в соседний колхоз, но он не спешил, считал, что нельзя уезжать из Крутца, не повидавшись со здешним комсомольским секретарем. Радуюсь, что для встречи с Женей есть такая веская и удобная причина, Сева повел Ивана Ивановича к медпункту.

— Посиди на крылечке, подыши воздухом, обзрей местность, — сказал он ему. — У меня тут один комсомольский вопрос. Я мигом.

И скрылся за дверями, плотно притворив их за собой.

В этот час Женя была еще не в белом халате, а в цветастом ситцевом халатике. Севе она не удивилась и не смутилась, только быстренько застегнула верхнюю пуговицу халатика, поправила волосы. «Отличная девчонка! Фигурка, лицо... характер золотой!» — привычно подумал Сева и цокнул языком. А заговорил о взносах, поручениях, о начале политучебы. Женя отвечала ему и не переставала чистить картошку.

— Вчера к нам пополнение прибыло: два шикарных молодых человека. Инженеры! Процент комсомольцев с высшим образованием у тебя сразу подпрыгнет. Один, между прочим, красавец и холостой, — закончил Сева инструктаж, подмигивая.

Женя сдержанно улыбнулась, непроизвольно повела крутым плечом. Весть о новых инженерах ее заинтересовала: стало понятно, кто был вечером в квартире Гайкина. Но она глянула на Севу так, будто вовсе не поверила ему. С Севой можно было без официальных, потому что сам он частенько ни с того ни с сего становился мальчишкой и дурачился азартно и вольно, словно Женя приходилась ему младшей сестрой. Вот и сейчас она заметила, что Севу начинает подмывать на озорство. Что он сегодня выкинет?

— Ты думаешь, я завтракал? — загадочно спросил он.

— Я ничего не думаю, — ответила Женя с улыбкой и задержала на нем свои большие карие

глаза. Сева всплеснул руками, зажмурился под этим взглядом. То ли он прикидывался ради веселья, то ли и в самом деле Женины глаза магнитами притягивали его, и еще ее руки, по локоток обнаженные, чистые-чистые, белые, полненькие...

— Подожди минут десять, картошка поджарится, — сказала Женя посуше. Ей опять показалось, что на лице Севы слишком много чего-то затаенного: то ли озорства, то ли чего другого — потемнее, поопаснее. Парня пора было попридержать на дистанции, хоть он и начальство.

— Давай помогу! — Севу будто пружины подбросили с низкого диванчика.

— Да видишь же! Последняя картофелина осталась! — Женя отступила на шаг, показывая картофелину и выставив перед собой ладошки. Точно так же она выставляла ладони, когда подходила к больным. И были на этих руках аккуратные пальчики, длинные и чуткие, словно вторые глаза.

— А я ее отниму, последнюю! — тихо крикнул Сева, кидаясь вперед. Женя отбивалась, но он уже обхватил ее сильными руками за талию и приподнял от пола. Оба они приглушенно хохотали. Женя колотила его по тугим плечам. Сева наконец поставил ее на пол, перевел дух и преувеличенно осторожно принялся укладывать ее растрепавшиеся локоны, притрагиваясь к ним двумя пальцами. На лице его было такое комическое выражение, что Женя, решившая обидеться и уже успевшая надуться, не удержалась и прыснула. Захохотал и Сева. Но он уже отступал, потому что Женя схватила угольный совок и махнулась с самым отчаянным видом. Она еще успела ударить его между лопаток (не совком, а кулаком, и то не изо всей силы:

нельзя же было всерьез обижаться на этого парня), когда он с притворным ужасом бросился к выходу.

...Иван Иванович сидел на крыльце и не замечал, что времени прошло уже многовато. Ему нравилось неяркое и невысокое солнце, прикрытое дымкой, нравилась обильная августовская роса, которая, он знал, не высохнет до полудня и которую так ценят его земляки-льноводы. Иван Иванович почти зримо представил, как теплая эта роса, обладающая каким-то особым чудодейственным химическим составом, расщепляет золотую соломку разостланного льна, отделяя от серого пробкового луба серебристые нити волокон, похожих по цвету на волосы его жены, оставленной им в большом, родном для нее городе.

Сева появился на крыльце с улыбкой и зажмуренными глазами и чуть не сконфузился. Но видя, что его спутник думает о своем, приободрился. Он еще изредка ахал и крякал по пути к большаку, словно проглотил стручок перца или рюмку крепчайшего напитка, одергивал пиджак и поправлял галстук. Долго не мог в это утро Сева настроиться на разговор с маленьким инженером, а молчать считал неудобным. Ему давно внушили, да он и сам так думал, что комсомольский работник должен быть всегда жизнерадостным и общительным, уметь быстро сходиться с новыми людьми. Сева так и привык себя вести, замечая, что это помогает его инструкторской работе. Но сегодня не получалось. Хорошо, что этот инженерик, похоже, и не нуждается в том, чтобы его развлекали...

ПЕРЕД обедом Гайкин и Чистяков уже вели первую официальную беседу в деловой обстановке. Валерий обошел невеликое хозяйство мастерских и теперь, прохаживаясь по тесному кабинетику Гайкина, увешанному графиками работ и уставленному шкафами с бумагами, говорил, стараясь казаться умным и точным. Гайкин слушал. Валерий остановился перед его столом, широко расставив ноги, обтянутые узковатыми брюками, плеснул из графина на носовой платок и вытер руки.

— С впечатлениями закончим. Теперь вопрос. Как вы тут живете? — тоном инспектирующего спросил он.

— Живем, — неопределенно сказал Гайкин, стараясь понять, к чему клонит Валерий.

— Да-а, — крякнул Валерий. Он помолчал, поморщил тоскливо лоб, поглядывая в лицо начальника.

— Ну ладно, — снова заговорил он, видимо, смиряясь с обстановкой. — Ладно. Что есть, то и есть. Но я хочу сразу определить свое положение, высказать свое кредо, — очень серьезно произнес он. И уже совсем было собрался говорить, но неуверенность в поведении Гайкина остановила его. Он решил вытянуть из начальника побольше этого «живем».

— Что вы здесь считаете главным? — настойчиво пошел он в атаку.

— Выполнить план, — ответил Гайкин бесцветным голосом и отвернулся к окну. Вести такие бессмысленно-философические, по его мнению, беседы ему всегда было трудно и неприятно.

— И только? — усмехнулся Валерий.

— А чего еще? Свое дело делать, с народом ладить, в итоге — план выполнять... Мечтать о чем-то здесь не приходится, да и незачем. — Гайкин говорил правду и чувствовал, что его разбирает непривычная злость. Он испугался такого своего состояния.

— Все ясно, — заключил Валерий со вздохом. — Тогда вот мое кредо. Я буду совершенно дисциплинированным и добросовестным работником. Желаю, чтобы отношения наши строились на полном доверии и уважении личности, как между людьми интеллигентными. Ну, скажем, как между старыми русскими офицерами... или земскими врачами.

Он передохнул и продолжал:

— Крутец — не предмет моей мечты. Но считаю необходимым и буду работать честно до последней минуты моего здесь пребывания. Надеюсь, мы станем друзьями, и тебе не в чем будет упрекнуть меня. Не сердись, если я и неприятное что-то скажу с глазу на глаз.

— Ради бога, — сказал Гайкин. Ему было уже легче. Злость почти прошла. Недоумение и неловкость сменили ее после этой странной и, по его мнению, ненужной исповеди Валерия. Но как реагировать на нее — он еще не знал.

— Я люблю и немного знаю технику, — продолжал Валерий. — Судьбой уготовано для меня специализироваться пока по сельхозмашинам. Что ж, и это дело. Сельское хозяйство — все же нива... Без него пока — никуда. Я буду служить ему. Но надо, чтобы служба не только кормила, но растила и радовала человека. Я добросовестно учился. Диплом у меня с отличием. Теперь я должен отлично работать и жить.

— Превосходно,— раскрыл наконец рот и Гайкин.— Мне нравятся такие планы.

Гайкину хотелось еще сказать, что для честной и даже отличной работы в здешних мастерских не требуется ни пышных речей, ни тем более исповедей и кредо. Но не сказал этого Гайкин, не хотел вступать в спор или обижать Валерия, подумал, что волнуется парень в такой ответственный момент, вот и старается убедить себя и других в чем-то хорошем, утвердиться хочет, укрепить дух. Ну и на здоровье. Поэтому Гайкин сказал другое:

— Мне нравится твоя энергия. Ты, может быть, и меня расшевелишь. Не мешало бы мне немножко встряхнуться, а то уж что-то слишком неоригинально голова стала работать.

— Встряска любому нужна, и регулярная,— убежденно сказал слегка повеселевший Валерий.

Но Гайкин уже спохватился, ругнул себя в душе, что чуть не разоткровенничался сразу, и заговорил посуше.

— В общем, кредо я принимаю... И жить надо дружно. Но друзья мы — после службы или один на один. При людях и особенно в мастерских прошу называть меня на вы и говорить только о работе, ну хотя бы пока. Дальше жизнь покажет.

— Безусловно!— заверил его Валерий и поднялся, сделавшись официальным.— Прошу дать указание, чтобы мне выдали спецодежду, и разрешите приступить к делу.

Гайкин на это охотно согласился. Валерий пружинисто вышел.

Гайкин задумался:

«Если отбросить простительное ему студенческое фразерство и фантазерство, то что-то сильное, пра-

вильное в этом парне есть. Наверное, такие вот одержимые и пробивают себе дорогу, не то что я, растяпа».

Но, сравнивая себя с Чистяковым, Гайкин быстро почувствовал недоверие и даже неприязнь к этому молодому человеку, которому все кажется ясным с самого начала. Он отметил, что и с этим инженером не сумел вести разговор полушутливо-полусерьезно. И этот требовал полной откровенности. Гайкин пришел в глухое раздражение, и дверца в его душу захлопнулась накрепко. И неуютно стало Гайкину в давно подведомственных ему мастерских, потому что появился у него заместитель.

И все же он решил поселить Валерия в своей квартире: так он быстрее раскусит его. Не очень-то верил многоопытный Гайкин разным заявлениям и обещаниям, больше полагаясь на факты и практические шаги. Но тут было кредо, то есть не просто удобная к моменту болтовня, а что-то более основательное, выношенное, может быть, годами и принятое на всю жизнь. Тут можно было чему-то и научиться или узнать нечто новое, возможно, и бесполезное. Хотя...

«На всякий случай, рот не разевай, уважаемый заведующий мастерскими товарищ Гайкин,— почти вслух сказал он себе.— Хоть тут и кредо, и не твое оно, а отвечать за него и за Чистякова придется в целом тебе».

Да и селить Чистякова было негде, кроме как у себя.

А у Чистякова ноги перестали быть пружинистыми уже на крыльце. Он приостановился, еще раз оглядел облупленные, в черных мазках стены, подступающую к ним захламленную окраину поселка,

и ему не захотелось переступить порог мастерских, притрагиваться к грязным ручкам ворот.

«Ну и местечко! — подумал он. — Глуше не бывает. И люди здешние не помышляют, наверное, что можно жить иначе... И начальник у них подходящий... Что-то будет? А может, и тут раскручу дело? — остро сверкнула в мозгу горячая надежда. — Просто некому здесь было всерьез им заняться... Придется мне. Начнем?..»

Но странное раздвоение охватило его: и начать хотелось, и ноги не шли в грязные мастерские. Первый рабочий день инженера с отличным дипломом мечтался ему не таким.

6

...Занавески в единственном окне медпунктвской боковушки раздвигались не рано. Спешить Жене было некуда: прием больных с десяти утра, а приходили они не каждый день. Поэтому Женя позволяла себе понежиться, поваляться в постели, подумать, чем занять день. Дел-то можно придумать много: она же и медик, и комсомольский секретарь. Только не чувствуется, что нуждается крутецкая молодежь в Жениной опеке и руководстве. И всего-то комсомольцев — восьмеро: парни из мастерских, отслужившие в армии, и их жены — здешние же комсомолки. Собрания их уже не очень и интересуют. А подрастающие школьники живут в дальнем интернате. Комсомольские собрания, правда, проходят каждый месяц, как требуют уставы Сева. Но явку на них обеспечивают Гайкин и Сева. Они и с докладами выступают, а Женя ведет протоколы да собирает

в день получки взносы. Все считают, что это, пожалуй, и нормально.

Вот и вчера собирала Женя взносы, сидела у кассы с ведомостью. И все бы шло своим чередом — она уже и закончила свое дело, — когда привязался к ней этот новенький Чистяков. Подошел, уставился немигающими красивыми глазами и сразу с распросами: когда будет собрание, какие работают кружки и секции, интересуется ли Женю его мнение о здешнем клубе и вообще его наблюдения за молодежью и культурной жизнью Крутца...

— Приедет Сева — все можно обговорить, — ответила Женя, немножко тушуясь перед напористым красавцем.

— А почему нельзя без Севы? — вроде с издевочкой спросил Чистяков, в упор рассматривая Женю и явно довольный тем, что она именно тушует. Ну что она могла ответить? Не пускаться же с ним, вовсе не знакомым, в рассуждения о том, что и как должно быть. А Чистяков ждал ответа, демонстративно ждал, но недолго. Отошел, качая головой, с достоинством этаким отошел...

«Если судить по большому счету, то правильно он вопросы ставит, — подумала Женя. — Надо бы и без Севы что-то делать». Весь вчерашний вечер не шел у нее из головы этот Валерий. И живет-то он в Крутце всего неделю, и у Гайкина он только заместитель, а так и лезет вон из кожи, чтобы показать, что он тут самый главный, умный и образованный. Так думала Женя. Примерно то же слышала она и от других. Теперь Чистяков и в комсомольские дела нос сунул. И надо же, поговорила она с ним всего пару минут, а задел он ее за душу, испортил настроение. Оттого и уснуть она не могла

долго вчерашним вечером, и утром встала с тем же неприятным осадком, словно всю ночь преследовали ее кошмары.

Оглядела Женя свою боковушку: чистой и уютной казалась она ей всегда, а теперь углы сделались темными, пугающими. Бедно и постыло все — до отвращения. И некуда спрятаться от этих темных углов и белых стен, как ни закрывайся одеялом.

Она рывком сбросила одеяло, босая подошла к окну, отодвинула казенную занавеску. Ничего радующего не было и на улице: серое сентябрьское утро, промозглое после холодного дождя. С деревьев обреченно падали последние листья, бурые, загнивающие. Женя уперлась голыми локтями в подоконник, зажмурилась, чтобы не видеть, как умирают листья. Вспомнила — сегодня вечером в клубе бал... «Тоже мне бал! И название — громче не придумаешь: «Осенние листья».

Женя когда-то любила такие немножечко необычные танцы с букетиками кленовых листьев. А теперь думала о них без всякой радости. Все вянет. Все светлое прошло, как проходит молодость. Как она дальше-то будет здесь жить?

Она же теперь совсем одна. Предательницей оказалась Ленка: не приехала она из отпуска. Открытку прислала: «Прости... ведь хочется пожить, повидать... может, счастье...» Вместо нее приехала на время пожилая учительница, сердитая и неразговорчивая, которая каждый выходной уезжала в райцентр. Осиротела Женя и все еще не собралась ответить Ленке. Да и что отвечать? Ругать? Завидовать? И то и другое делать не хотелось... А за окном разводил на улицах грязь дождливый сентябрь.

— Доброе утро!— громко и, кажется, насмешливо крикнули на улице. Женя вздрогнула, прикрыла ладонями грудь и лишь мгновением позже догадалась задернуть занавеску.

— Тысяча извинений!— донесся тот же голос. Женя отпрянула за косяк, успев все же заметить, что мимо окон проходил Чистяков. Напугал он ее и расстроил еще больше. Улыбочка у него этакая ироническая, нахальная, походочка с подрагиванием в коленках, как у старого ревматика. Только глупые городские юнцы считают такую походку модной...

— Наглец!— прошептала Женя, переполняясь злостью.— Идет на работу, так и думал бы о деле, а он на чужие окна глаза бесстыжие пялит.

А вскоре ей подумалось, что Чистяков, может быть, и не нахал. Просто случайно увидел ее и поздоровался. Она, дуреха, сама виновата: выставилась, распустила юни не ко времени. А он извинился... Не от каждого здесь извинение услышишь... Медпунктовская уборщица, не очень-то обремененная службой и знавшая все поселковые новости, не раз уже расписывала Жене нового инженера. И присущил-то он уже всех крутецких девчонок — только о нем и шепчутся, и гордый-то он, а это очень идет образованному мужчине, и из себя-то ладный, красавец. Парни, на него глядя, стали задумываться о себе... И еще удивительно, что не курит и вина в магазине ни разу не покупал. Такого жениха в Крутце не бывало и не будет, уверяла уборщица и подмигивала по-бабьи, откровенно и необидно. И такое еще сказала:

— Я бы на твоём месте такого сама к себе привела. У тебя, благо, и привести есть куда. Чего так-

то сохнуть? Брать надо радость-то, а не глядеть с тоской, как она мимо проходит.

Женя слушала и не очень-то отмахивалась. Почему и не послушать? Но думала по-своему. Не семнадцать ей лет, чтобы всего стесняться и всему верить...

И все же, думая о Чистякове, она волновалась... До вчерашнего разговора, конечно. До этого разговора загадывала даже: вдруг да судьба? А пожалуй, что нет. Может, он и хороший человек, а всего скорее — нагленький, самоуверенный и избалованный красавчик; в парнях это — гаже всего.

Сердилась Женя, упрекала себя и не заметила, как злость победила тоску. А тут постучал больно. И все забылось...

7

ВЕЧЕРОМ она встретила Чистякова в клубе. Идти на бал Жене было надо — что за бал без вожака молодежи? К тому же думалось: «Вдруг на танцах будет что-нибудь такое, интересное...»

Как она и ожидала, в клубе были развешаны гирлянды из густо нанизанных на нитки листьев, сохранивших слабые запахи ушедшего лета. Листья на стенах, под потолком и просто разбросанные по полу тихо шелестели. Было даже красиво...

На всю мощь взревела радиолоа. Закружились две пары. Первыми пришли молодожены — шофер и кассирша из мастерских, а за ними две девчонки, продавщица и еще кассирша, со станции. Можно было надеяться, что придет еще кто-нибудь, а можно было и не надеяться.

Пришел Валерий. Его отутюженный до хруста

костюм и широкий галстук, пожалуй, чрезмерно подчеркивали стройность фигуры. В узкие ботинки можно было глядеться, как в зеркало.

— М-мда, — разочарованно произнес он, оглядев убранство клуба и поразившись малолюдьем. Кивнул Жене, как старой знакомой, и застыл в позе магазинного манекена, удивленно и недовольно собрав морщины на лбу. Он явно ожидал большего, но уходить не хотелось: жаль было времени и труда, затраченных на подготовку к этому балу.

Женя старалась быть спокойной, но это не удалось. Вспомнилось утро, и посуровел ее взгляд. Валерий, видимо, понял ее, подошел, стукнул каблуками, потупился.

— Извините.

Глаза поднял не сразу, а подняв, сказал рассудительно, без тени смущения или вины:

— Я думаю, нам ничего не остается, как потанцевать, если не возражаете. Разрешите?

Женя услышала, как что-то дрогнуло у нее в груди.

«А ведь он тоже одинок, — подумала она. — Здесь ему все чужое. Почему я думаю о нем плохо? Я же его толком еще не знаю».

Танцевать с ним было легко. Валерий знал это и старался изо всех сил. А Женя умела кружиться в вальсе только в одну сторону и боялась, что Валерий это заметит. Но он принялся размашисто кружить ее и влево, и вправо — и у Жени неожиданно все получилось. И ничего ее кавалер не заметил. Она обрадованно вздохнула, благодарно улыбнулась Валерию и полностью доверилась его рукам, уверенно и мягко увлекающим ее за собой.

Он не отпускал ее весь вечер. Да и не было

тут других свободных дам. Девчонки дичились и не отходили друг от друга. Женя с тайным удовольствием замечала, как они бросают на нее и на Валерия быстрые оценивающие взгляды. Ей было радостно: никогда еще не танцевалось так хорошо, как сегодня. И все, наверное, потому, что рядом — Валерий. На душе становилось светлее. Только не так, как бывало с Севой, когда тот веселился, а взволнованнее, с чуточкой страха и надежды.

Женя не видела, как качнулись в сторону дверей и исчезли молчаливые молодожены, которые весь вечер не размыкали рук и лишь изредка шептали что-то друг другу с застывшими улыбками. Но она заметила, как вскоре начали притворно зевать две оставшиеся девчонки. За дверь девчата тоже попытались юркнуть незаметно, не забыв, однако, еще раз завистливо глянуть на разошедшегося в танце Валерия и на раздумяившуюся Женю. Дверь за ними закрылась бесшумно, но Женя сразу остановилась.

— Мне пора, — сказала она, медленно отстраняясь от Валерия, хотя на самом деле ей было безразлично, придет ли она домой через десять минут или через час.

— Пожалуй, — согласился Валерий, помедлив несколько секунд. И добавил полунебрежно-полупощрительно: — А вы неплохо танцуете... то, что здесь принято танцевать. Мне было приятно. Благодарю. — И церемонно поклонился.

Он провожал ее до медпункта. Женя шла молча, волновалась и ждала... Должен же был что-то говорить ее кавалер, тем более такой респектабельный и самоуверенный, как Чистяков, еще так недавно настаивавший, чтобы его мнение было выслушано. Должен же он, городской и образованный, как-то и поуха-

живать за ней. Ведь никто не видит, не мешает... Она ждала и успела придумать пару предупредительных фраз на тот случай, если кавалер осмелится на скоропалительные нежные слова и похожие на них действия. Она даже ладошки готова была выставить вперед, если... Но Чистяков не подавал никаких признаков ни решительности, ни внимания. Только уже возле самого медпунктовского крылечка он вроде спохватился: поймал ее руку, слегка пожал ее и стал... прощаться. Произнес скучное спасибо, пожелал спокойной ночи и пошагал прочь. Ровными и четкими шагами пошел, как ходят люди, довольные собой и совесть которых ничем не отягощена.

Женя вбежала в свой домик и заперла двери на все запоры, постояла в темном коридорчике, прислушиваясь. Она и в боковушке свет не включила: в темноте было спокойнее. Долго не решалась раздеться, только новые туфли, которые жали, отфутболила в угол.

Она не понимала, что с ней творилось. Пожалуй, была обида, А на кого? Ни в чем же нельзя было упрекнуть Чистякова. Для первой встречи он вел себя, может быть, даже идеально. Не приставал... Но Женя чувствовала себя почти оскорбленной. Ей казалось, что он презирает ее. В чем же она промахнулась? Вроде ни в чем. Неужели она вообще дура и нескладеха? Но никто никогда не говорил, что она дурнушка или глупа. Наоборот...

«Он, наверное, очень сильный, этот выдержанный красавец Чистяков,— в смятении думала Женя. Но тут же шли и другие мысли: — А может быть, он очень недобрый или просто дурак, воображала. А я-то чуть не размечталась! Подальше от него на-

до держаться. Кто знает, что он скажет завтра, если подойдет... А он подойдет. Он уже выбрал ее себе в жертву. Другие для него неинтересны.. Будет мучить...»

— Я не знаю, как мне вести себя с ним. Я его боюсь,— шептала она, чуть не плача и зачем-то еще раз проверяя запоры.

Она могла бы и не закрывать двери: Крутец уже спал, а Чистяков подходил к дому Гайкина и думал не о ней, а о себе.

8

В АЛЕРИЙ застал Гайкина за таким занятием, что Кирилл Кириллыч покраснел. В трусах и носках, но в белой праздничной рубашке, Гайкин примерял галстуки Валерия, прикладывая к воротнику то один, то другой. Он хотел было тотчас спрятать галстуки и захлопнуть дверцу шифоньера с зеркалом на внутренней стороне, но смешался.

Валерий повел себя великодушно.

— Тебе подойдет вот этот и этот со средним узлом. Они не очень броски, в меру строги, будут хорошо гармонировать с твоим озабоченным взглядом и впалыми щеками,— тоном друга-покровителя, почти без насмешки сказал он. — Носи их. Будешь чуточку импозантнее, уважать тебя станут больше.

— Да я так, от скуки.. Попались на глаза перед сном,— оправдывался Гайкин, довольный советами Валерия.

С приездом Чистякова Гайкину стало казаться, что надо больше следить за собой, чтобы не бросалась людям в глаза невыгодная для него разница в экипировке начальника и заместителя.

— В облике руководителя нет мелочей,— назидательно, но со скукой продолжал Валерий, раздеваясь возле своей койки.— Надо, чтобы майка плотно облегалась грудь, чтобы руки, ноги были сильные, мускулистые и чтобы живот не казался помятой подушкой. Все это весьма влияет на настроение, а значит, и на производительность труда.

Валерий говорил и любовался своим суховатым торсом, похлопывая по бугоркам мышц.

— У меня живота не будет,— сказал Гайкин.— Такой уж я породы.

— А мышцы — дряблые,— не отставал Валерий.— И по этой причине маловато в тебе уверенности. Дряблость тела тире дряблость духа. Ты уж и к девчонке красивой робеешь подойти.

— А ты не робеешь?

— Я не робею. Сегодня часа три танцевал с самой красивой из здешних.

— Понравилась?— Гайкин спросил с плохо скрытым нетерпением и почти раздраженно.

— Да,— спокойно ответил Валерий и зевнул погромче, чтобы показать, как мало все это его занимает.

— Поухаживай, женись,— подавляя неприязнь, посоветовал Гайкин. Его злило, что Чистяков выделил из здешних девчонок именно Женю, хотя сам о ней старался не думать. Вернее, он думал о ней, но редко и неопределенно. Он и она чуть было не стали близкими друзьями. Но не стали. Что-то не по душе ему было в ней. Или побаивался ее? Виделась она ему сильной, он подозревал в ней огромный запас чувств, нетронутых, желанных и почему-то пугающих. С ней было бы сложно. Решиться на сближение он не мог. И еще не нравилось ему, что она грустит.

Что за жизнь будет у двоих грустящих! Не мог он представить, как бы жили они вместе. Вернее, мог, но одному было привычнее и спокойнее. Все ясно одному. И он почти убедил себя, что равнодушен к ней, избегал встреч один на один. Но сейчас ему показалось, что Валерий накладывает руку на что-то, принадлежащее и дорогое только ему, что Валерий со своим кредо и самоуверенностью доставит Жене одни неприятности, а то и горе горькое на всю жизнь.

Валерий вторгся в тайну, в святая святых его жизни, и это Гайкина злило.

— На ней тебе надо жениться. Вы, похоже, созданы друг для друга и для Крутца. Стали бы образцовой парой подвижников,— рассуждал Валерий.

— Ладно, спим,— коротко бросил Гайкин.— Мне завтра до свету вставать: к начальству на три дня вызывают.

— Скажи хоть там, что нужна нашим мастерским модернизация и специализация; на худой конец, узловой метод ремонта, обменный фонд,— легко переключился Валерий на производственную тему, радуясь, что разозлил Гайкина.

— Не будь всех умнее,— проворчал Гайкин.— Слышали мы обо всем этом. Не для нас.

— Ветхозаветные суждения,— утверждал Чистяков.— И убогие. Сами себе добра не желаете.

— Внеси новую струю. Может, ты еще о чем-нибудь умеешь толковать, кроме специализации?

— Но не во вред плану?

— Спим,— сказал Гайкин.

— Последний вопрос как инженеру,— примирительно проговорил Валерий.— Тебе никогда не хотелось что-нибудь изобрести? Скажем, двигатель,

более простой, чем сегодняшние реактивные или внутреннего сгорания, но не менее эффективный?

— Нет,— сказал Гайкин.

— Крутец. Могила,— подытожил Валерий и умолк.

9

ГАЙКИН ворочался, его пружинистая койка стонала, а он не слышал, иначе лежал бы не двигаясь из застенчивости и воспитанности. «Замучит меня этот жилец и заместитель... Все ему неладно... А мы всегда шли с перевыполнением и с премией... Впереди шли. Никто не ругал. Что ему то надо?.. И с галстуками застал он меня, как мальчишку-воришку. Тьфу!» — злился в темноте Гайкин и втайне завидовал боевитому характеру Валерия.

А Валерий лежал, закинув руки за голову, и перебирал в памяти дни, прожитые в Крутце. Верно ли он себя вел, не допустил ли где сбоя? Пожалуй, кое-что уже мог бы и испортить. Теперь ясно, что переборщил он в первый же день со своим кредо, с напыщенными высказываниями, клятвами... Хорошо, что никто не знает об этом, кроме Гайкина, а Гайкин среагировал так, что лучше не надо: то ли просто забыл, то ли поднапугался конкурента... Однако дальше надо быть умнее...

Еще подумал, что поспешил, наверное, с запросом в райисполком о своем жилье. Конечно, молодому специалисту, да еще в сельской местности, жилье вынь да положь. Но не посчитают ли его в районе чересчур требовательным, капризным, а то и просто жалобщиком, которому все дай? Кто их знает, здешних районных начальников?

Зато остальным он был доволен. Сразу доказал всем, что воспитан и непьющ. На улице ему уступают дорогу. О нем говорят. А молва разлетается ой как быстро! Ясно, что о его примерном поведении знают уже и в районных организациях. А это много значит, когда молодой специалист попадет на заметку с хорошей стороны. Это значит, что одна его нога уже на первой ступеньке здешней служебной лесенки.

Но чтобы пойти по этой лесенке, одного хорошего поведения мало. Надо еще показать, что умеешь работать, надо сделать что-то действительно интересное и полезное. В такой глуши все сразу будет замечено, хотя сопротивляется эта глушь всему новому со слепым упорством, как лес ветру.

«Начну с агрегатного метода. Пробью это — сам себя уважать стану», — решил он.

Ну и на общественной стезе хорошо бы себя проявить. Тогда в отделе кадров извлекут его личное дело, хлопнут по нему начальственной рукой и скажут решительно и торжественно: «Выдвигаем!»

Валерий живо вообразил этот момент и свою радость, вытянутую физиономию Гайкина и... улыбнулся длинной улыбкой. Он перевернулся на бок, руки его скользнули под одеяло и успокоились в тепле. Задремывалось сладко. Затухали производственные и иные заботы. Мысли поплыли к другому...

Он еще раз длинно улыбнулся, вспомнив Ивана Ивановича и его жену. Многих ребят завлекла эта институтская библиотечарша. Иные в очереди стояли не за книгами, а лишь бы поглядеть, как порхают ее кудряшки, ресницы, руки, юбочки... Валерий-то провожал ее не раз. Удавалось это и другим счастливым, но только не Ивану Ивановичу. Он не

мог поднять на нее глаз, краснел до пота. Он любил ее молча, о чем она, конечно, знала. Как они поженились — тайна. Из библиотеки она тогда уже уволилась, но перед институтскими окнами мелькала. Блеск была девочка. Для самых тонких городских утех!

Но Валерий не женился бы на ней. Он знает, что в руках ее не удержишь. А ему необходима жена-собственность и продолжение его личных превосходных качеств, вернее, дополнение к ним, потому что с ним, красивым и деловым инженером, должна быть рядом скромнейшая красавица, которая всю жизнь знала бы только его глаза, его губы и руки, выполняла бы его волю смиренно и с удовольствием.

Тут Валерий подумал, что хорошо бы закрутить на время любовь со здешней соблазнительной медичкой, вообразил даже кое-что сразу... но тут же и ругнул себя за это. А через минуту похвалил за то, что вел он себя сегодня отменно, даже превосходно вел, потому что черт знает чем могли бы обернуться каждое его слово, движение руки, шутка или вольный треп с ней. Он знает лишь свою цель: вести себя и работать безупречно, потому что честь надо беречь смолоду и настойчиво добиваться своего. Он образован, умен, красив, знает дело, перед ним перспективы, которые трудно даже представить. Все зависит от него. И оттого он выше и лучше всех здешних аборигенов вместе взятых, существующих без цели и порыва, как трава. Они — тупая толпа, исполнители, а он — над ними, он руководит и будет получать за это достойные его таланта блага.

От столь приятной мысли Валерий зажмурился и... уснул.

ГАЙКИН пробыл в райцентре три дня, сделал мало, но четвертый день искупил всю пустоту первых. Ему сказали, что выделены деньги на строительство дома в Крутце и к делу надо приступать не медля. Новый дом — это всегда радость! Кольнула, правда, досада, что вопрос решился после письма Чистякова, но она тут же прошла. Гайкин даже подумал, что заместитель у него молодец, пробивной парень. Ну и пусть этот молодец обзаводится жильем в новом доме и не терзает Гайкина по вечерам.

В Крутец Гайкин возвращался в преотличном настроении и еще больше засиял, когда застал в своей квартире Севу.

Но сегодня на жизнерадостном инструкторе, гордившемся выработанным стилем поведения, лица не было. Он порывисто бегал из угла в угол, натыкался на стулья и ломал дорогие сигареты.

— Здорово! — закричал Гайкин. — Все ездешь? Правильно! Движение есть жизнь. А под лежащий камень...

— Мало ты движешься, хоть в няньки к тебе садись... Чуть отошел, и пошли куролесить... хуже детей, — сбивчиво заговорил Сева и тотчас умерил веселье Гайкина.

— Да что стряслось-то? — Гайкин наконец взглядел расстроенное лицо друга.

— Ты что, серьезно не знаешь, что у вас было комсомольское собрание, что секретаря переизбрали? — закричал Сева.

— Не знаю.

Гайкин, не раздеваясь, сел и уставился на Севу.

— А что с Женей? Ведь ты тут... Кого избрали?

— Если бы я проводил!— Сева схватился за голову и снова метнулся по комнате.— Никто не проводил. Анархия у тебя!

Радужное настроение у Гайкина поблекло и потухло. Теперь и у него на лице застыла растерянность. И чем порывистее метался Сева, тем сильнее тосковал Гайкин.

— Слушай, что я успел узнать,— принялся рассказывать Сева.— Дело заварилось после смены. Не хватило одному парню работы на весь день, сел на верстак, покурил и сказал: «Ох, и скукота!» Мимо шел Чистяков. Поглядел на парня и спрашивает: «А отчего?»—«А хрен его знает!»— отвечает тот.— Чего-то хочется такого... понеобычной». Тут другие подошли, слушают, а Чистяков заявляет: «Вот что, ребята, пошли-ка на собрание, поставим в повестку дня один вопрос — о скуке». Все и пошли с удовольствием. Еще бы, такая повестка! Идет собрание. Ни меня, ни тебя нет. Женя тоже ни о чем не подозревает, сидит в своем медпункте. Послали за ней, пришла, а что сказать — не знает, ей это тоже как снег на голову! Тут и поднялся этот самый Валерий и заговорил так, что все рты разинули. Глухо, мол, здесь и серо. (Знаю, подобные речи нравятся некоторым!) А он дальше, хлеще. Про пустой клуб, про формализм в работе. Меня раскритиковал за глаза, а что я плохого сделал хоть ему, хоть другим? И почему в глаза не сказать, если что... Конечно, есть недостатки, никто не спорит, но так-то нельзя! Так собрания не проводят. В общем, подвел Чистяков дело к тому, что надо менять руководство здешней организацией. Видимо, бывалый демагог. Или прирожденный, такие тоже бывают. А кто-то в зале

возьми и крикни: «Становись тогда сам вожаком! Ты самый грамотный, самый понимающий». А ему это оказалось и на руку. «Если доверите,— говорит,— то возьмусь». Тут Женя сгоряча или с обиды вопрос на голосование ставит. И что ты думаешь? Проголосовали за него. Тут он новую речь толкнул: про массовую рационализацию, про танцкружок, про учебу, еще про что-то и заявил, что сам берется всем этим руководить. Вот самозванец!

Сева задыхался от негодования и бессилия перед свершившимся.

— А может, и нет тут большой беды? Пусть потрудится. Есть у него всякие идеи,— сказал Гайкин в надежде успокоить друга. Но на душе и у него было гадко. «Удружил постоялец и первый помощник! И надо же ему во все щели нос совать!»— раздраженно думал он, ужасаясь тому, что будут говорить об этой истории в районных верхах и как он сам будет выглядеть в глазах начальства. Хорошо еще, что в Крутце его в момент собрания не было и можно хоть немного оправдаться!

— Работать с людьми, учить их — это его долг как специалиста,— сказал Сева.— И все было бы правильно, если бы мы в райкоме утвердили его руководителем кружков. Но и не это главное. Беда в том, что никому не известно, комсомолец он или нет. На учет-то он к нам не вставал! Я как раз и заехал сюда, чтобы выяснить это. И вот — пожалуйста...

— Эт-то да-а! — ошарашенно проговорил Гайкин, осознав всю серьезность факта.— Совсем некрасиво будет, если...

Он не договорил фразы, пугаясь ее конца, и принялся лихорадочно искать выход.

— Так давай спросим у него. Сейчас же!

— Зови,— мрачно согласился Сева.— Я тут кое с кем из ребят переговорил. Рассказали... Женья обиделась. Рада, говорит, что от обузы освободилась, а сама губы кусает. Что ей? У железной дороги живет. Нетрудно и уехать от таких деятелей.

Искать Чистякова не пришлось. Он заявился сам, напевая, по всему видно, довольный собой. Понимающая улыбка играла на его лице, приятная, в общем, улыбка, пока Сева подыскивал слова, чтобы начать трудный разговор. Начал его сам Валерий.

— Чего вы хмурые, ребята? Все соответствует уставу!— воскликнул он, улыбаясь еще шире.— Работу здесь надо оживлять. И есть возможности. Возьмемся все вместе!..

— А вам не кажется, что вы поспешили?— вспыхнул Сева, но быстренько перестроился и спросил спокойно и официально:— Где ваша учетная карточка и комсомольский билет?

— Билет? Пожалуйста! Всегда при себе.

Сева долго листал билет.

— Задолжник по взносам — раз. На учет не встали — два. Как это понимать?

— Забыл за делами. Выпускной бал, новая работа, понятно же,— прижимая ладони к груди, с улыбкой извинялся Валерий.— Но это же формальная сторона, а требуется живое дело!

— Приедете завтра в райком, будете беседовать с секретарями,— сухо закончил беседу Сева.

— Хорошо,— с подчеркнутой исполнительностью ответил тотчас Валерий.— Приеду с новым планом работы организации.

У Гайкина вырвался долгий вздох облегчения и размягченно опустились плечи. Все молчали мину-

ты три. Гайкин, что-то вспомнив, спохватился, встал.

— Мне в контору надо, друзья,— вздохнув еще раз, сказал он и вытер платком потное лицо.

Сева молча последовал за ним. Они не видели, как Валерий пронически глянул им вслед и хохотнул в ладони.

11

ОНИ ПЛОТНО прикрыли двери кабинета и возбужденно заговорили, сдавливая голоса. — По работе претензий к нему нет. Средства на жилье выбил, старается и ведет себя выдержанно. И сейчас все говорил правильно. Как к нему придерешься? Замни ты эту историю,— упрашивал Гайкин.

— Не в том дело, чтобы замять или не замять. Можно и замять,— спорил Сева.— Но я в таких не верю. Он от скуки себе развлечение ищет. Но придумал себе не хобби, а полезное для карьеры дело. Это точно. Жесты его внешне красивы и благородны, но неискренни. Ему и комсомол быстро надоест. Он вообще здесь долго не продержится. Видывал я таких.

— Не спеши,— слабо возражал Гайкин. — Технику он знает и, кажется, любит, должен притереться.

— Увидим, и скоро,— стоял на своем Сева.— А нагоняй мне обеспечен... Но не он страшен, а то, что совершилась здесь ошибка, большая ошибка. Просмотрели мы. Чистяков сейчас в героях ходит, собой любит, а расхлебывать придется нам.

Гайкин умоляюще глядел на Севу, словно просил, чтобы не произносил он таких жестких, тревожащих

слов, но Сева расстроено продолжал. И тогда Гайкин, чувствуя необходимость как-то оправдаться, отвести вину, сказал то, чего не сказал бы никому, даже Севе, если бы рядом был еще кто-то.

— У меня план. Не хватало мне еще и за твои внутрисоюзные дела отвечать!— и изобразил на лице равнодушие, хотя настороженно ждал и почти знал, что скажет Сева.

— Не то ты говоришь!— взвился Сева.— Тут же твой коллектив! Нет, не спрячешься в кустики. И тебе влетит. Да и Чистяков тебе зубки покажет.

— Не паникуй. Ничего страшного пока не случилось,— сказал Гайкин устало, отвернулся к окну и мрачно умолк.

Сева повздыхал, поругался еще сквозь зубы и засобиравшись домой. Гайкину захотелось смягчить неприятный разговор, но не приходило на ум ничего подходящего. Предчувствия новых неприятностей пугали его. Оставаться один на один с Валерием было почему-то противно. Но как ни уговаривал он Севу остаться ночевать, обещал даже вкусный ужин с бутылочкой, гость был неумолим. Сева завел райкомовский мотоцикл и на хорошей скорости рванул из Крутца к дому. В пути он сочинил честный доклад «О факте переизбрания секретаря комсомольской организации в поселке Крутец с нарушением инструкции», всю вину в котором брал на себя.

А Гайкин еще долго сидел в своем кабинете и пытался думать. Думалось плохо. Неприятная тяжелая усталость давила на плечи и туманила мозг. Билась только одна мыслишка, через каждую минуту напоминая о себе: в районной сельхозтехнике скоро освободится вакансия, место хорошее, возись с бумагами, получай их, прочитывай, отдавай на

размножение и рассылку в такие вот мастерские, как в Крутце. Ничего лучшего Гайкину и не надо бы: спокойно там, тихо, чисто и за план не отвечаешь. И все же какой ни есть, а город.

Но он знал, что никто не согласится ехать в Крутец на его место, знал, что и Валерия прислали затем, чтобы вырастить замену Гайкину. Но как рассчитывать на Чистякова, если он сразу заявил, что долго здесь не продержится.

Тяжко было Гайкину, и он начал успокаивать себя тем, что вакансия в сельхозтехнике, может быть, и не такая уж спокойная, что он может и не справиться на новом месте, а здесь...

Ничего не придумал Гайкин, домой шел, как на пытку.

12

МИНОВАЛА и забылась осень. И зима уже поистратила запасы морозной и снежной мощи. До крыш заметенный сугробами, жил тихий поселок Крутец возле железной дороги. Казалось, все шло здесь по-старому. Однако были и перемены.

Гайкин создал бригаду, которая строила новый дом. Чистяков организовал кружок рационализаторов, а в клубе под его руководством разучивались новые танцы. Крутецкую молодежь стали ставить в пример всему району. Валерий чувствовал себя все увереннее.

Он наловчился перешивать себе покупные костюмы и приобрел дорогую заграничную шубу, удивительно белую, которую можно было, отстегнув подкладку и воротник, за пару минут переоборудовать в модное демисезонное пальто.

Сева колесил по району на новеньком мотоцикле и оставался тем же добрейшим человеком и инструктором. Только по дороге в Крутец хмурились его белесые брови. Но заглядывать сюда он стал реже: встречаться с Чистяковым не хотелось, да тот и не нуждался в опеке. За крутецкую организацию беспокоиться не было причин, хотя Сева и ждал беды. Огорчало только, что к Жене теперь не заглянешь запросто, как прежде. Вздыхая и хмурясь, Сева проезжал мимо Крутца, нередко нарушая утвержденный ему в райкоме маршрут.

Реже стала выходить из своей боковушки Женя, сидела перед зеркалом, закрывая глаза ладонями, боялась еще раз убедиться, что совсем недавно выглядела моложе и красивее. Женя написала районному начальству письмо, просила перевести ее в другое место. Ей ответили, что «перевод не представляется возможным ввиду...» Женя поревела над казенной бумагой и написала другое письмо, уже в область. Областное начальство с ответом не спешило, наверное, переслало заявление в район...

Своих больных Женя знала наперечет. А вьюжным мартовским полднем прибежал к ней незнакомый парень, низенький, со слабым голосом, но, похоже, из тех, кто не умеет унывать.

— Вот, — показал он разбитый в кровь палец и засмеялся.

— Где получили травму? — спросила Женя, осматривая ранку. Смеющийся при виде собственной крови парень забавлял ее.

— В ваших мастерских. Довели тут некоторые оборудование до ручки, — охотно рассказал он.

— Вы имеете в виду Гайкина?

Парень промолчал. Он поморщился от боли, да-

же валенками потопал по полу, когда Женя залива ла палец йодом, и снова засмеялся.

— А чему пострадавший рад? Вам же больно, — не удержалась Женя от почти постороннего вопроса.

— Сказать?

— Если не секрет, — сказала Женя, не забывая, что излишнее любопытство ей не к лицу, и делая вид, будто спрашивает так, для разговора, чтобы отвлечь пострадавшего от боли.

— Ко мне жена приехала! Из большого города в маленькую деревню! — выпалил парень.

Он тут же немножко сконфузился, подумав, что перехватил через край со своей радостью.

— Кто вы и откуда? Мне надо записать, — сказала Женя, не меняя сдержанно-приветливого выражения лица. Парень назвал, весело подчеркнув имя и отчество — Иван Иванович.

— Через два дня зайдете на перевязку. Палец не застужайте, — напутствовала его Женя и, оставшись одна, задумалась, загляделась по привычке в окно. Надо же, пока сидел этот колхозный инженер в медпункте, метель успела утихнуть, и стало видно, как до самого горизонта простираются сплошные снега, такие же чистые, как стены ее медпункта, как ее халат, белые снега, по которым едва заметно вьется оттененная синью полоска зимника, ведущего в ближайший колхоз, где поселился маленький инженер... Единственная дорога в бескрайних снегах.

«Он, должно быть, славный, — подумала Женя. — Не зря жена решила ехать к нему ехать в такую глушь. Но уж мал он очень, смешной...»

Женя и раньше слышала о колхозном инженере,

а вот и познакомиться довелось... Сколько раз вот так же прибегали в медпункт молодые люди! Не счесть. Одни ухарски шутили даже тогда, когда им — Женя-то это знала — было чертовски больно. Другие бледнели и не могли отвести остановившихся глаз от безобидного шприца... Все благодарили ее и относились с подчеркнутым уважением. Это только гордый Сева осмеливался приставать с шуточками и чуть ли не распускать руки, но и то один на один. Деревенские парни перед ней робели. Она это видела. Наверное, она казалась им таинственной и недоступной, оберегаемой чистотой и строгостью ее учреждения. Случалось, она находила в приемной умышленно оставленные шоколадки и не брезговала, ела их с улыбкой, почти не пытаясь представить, кто их оставил. Находились, правда, и такие умники, которые не прочь были поболтать в кругу парней, что медички, мол, того... стесняться с ними нечего: они давно все прошли, испытали и только фасон на людях держат. Доходили такие слухи до Жени. Гадко ей становилось, но и к этому она привыкла, как перестала обращать внимание на площадную брань иного подвыпившего местного жителя. Нельзя же было обижаться на дураков и на тех, кто не имеет представления о культуре. И она замыкалась в своем одиночестве.

Она почти перестала вспоминать о Ленке и думать о Гайкине, которого когда-то все прочили ей в женихи. Досадно было о нем думать. Тоже в себя ушел человек... Совсем не хотелось вспоминать о визитах одного инспектирующего городского медика, молодого и циничного. Это он оставил на ее руках синяки — так вцепился, пьяный и маглый, совершенно уверенный, что ему должны уступить.

Еле вырвалась от него Женя... С отвращением припоминались предложения одного артиста из заезжей труппы, хорошо завуалированные предложения, подкрашенные неглупой лестью и все же грязные... Замечала она на себе липкие взгляды иных командированных представителей... Да и что еще могла ожидать от случайно встречающихся мужчин она, одинокая красивая медичка!

И все же она надеялась. Надеялась встретить друга, достойного и искреннего, хотя и знала, что нет, пожалуй, в Крутце и во всей округе такого человека, который смог бы понять ее, пойти ей навстречу и который нравился бы ей самой. Ждать было бесполезно. Уехать? А куда? Куда и как ей уехать, если начальство не отпускает, если нет у нее родни, а подружки-однокурсницы не знают где?

Но ведь должен же быть на свете человек, созданный для нее! Кто он? И где?

А может быть, его и нет, а есть только глупые фантазии. Да и почему он должен прийти сам, как сказочный принц? В Крутце и вокруг него принцев не было, нет и не будет. Верно лишь то, что везде должны быть хорошие люди, хорошие парни. Тот же Гайкин...

А ведь не влюбилась она ни в кого, не сделала своим единственным, не помогла никому стать таким, каким ей мечтается... Наверное, сама и виновата. Надо ли было так носиться со своей гордостью? Уж так ли сама-то хороша?

Даже если и уедет она куда-то, все равно останется прежней, сама собой. Так не все ли равно Крутец или не Крутец?

Или весь мир для нее такой вот — отгородившийся и обижающий ее Крутец?

Или сама уж такая — не понимающая чего-то важного, или просто несчастливая...

Честно рассуждая сама с собой, Женя уже перестала стыдиться мыслей, когда она словно бы примеряла к себе парней, старалась по косточкам разобрать их характеры, привычки, угадать, какими они стали бы в семейной жизни, в жизни с ней, как повели бы себя в беде и в радости, пыталась докопаться до всего и мысленно представить все; не стыдилась, потому что знала: думать об этом надо, чтобы не совершить ошибку, расплачиваться за которую придется всю жизнь. Не стыдилась, но видела, что становится в такие минуты расчетливой бабой, противной самой себе, которая уже чем-то похожа на привередливую вековуху, глупую, никому не нужную.

...Да мало ли о чем думала Женя бесконечными зимними ночами в запредельном Крутце, до крыш занесенном снегами, Женя, оскорбленная робостью Гайкина, высокомерием Чистякова, равнодушием и непорядочностью других...

13

А ГАЙКИН и Чистяков все еще уживались в одной квартире. Кирилл Кириллыч втайне страдал, а Чистяков, похуже, развлекаясь, старался выжать из начальника все, что ему было нужно и не очень нужно. Редкий вечер проходил у них без опротивевших Гайкину споров. И не мог он отшутиться или уйти в себя: настырным и пронизательным был Валерий.

— Скажи честно, почему ты не женишься на медичке?

— А почему я это должен делать? — отбивался Гайкин. — Она же тебе нравится.

— Пожалуй, да, — бесстрастно соглашался Валерий. — Но жениться я буду не на ней и не здесь. А она ведь и тебе нравится.

— Треплешься! — сердился Гайкин и шел в наступление. — Врешь, что Женя тебе нравится. Ты о ней плохо думаешь, как обо мне и обо всем крутецком. И вопросы ты задаешь не потому, что интересна тебе моя личная жизнь, а просто из эгоизма: для себя что-нибудь полезное хочешь уловить.

— Не скажи, — без азарта возражал Чистяков, и Гайкину начинало казаться, что он чего-то не понимает в поведении Валерия, что отстал от нынешних молодых людей. Думалось, что все его затруднения и тревоги ясны Валерию, и на душе становилось тоскливо, потому что сам собой напрашивался вывод: спета твоя песенка, товарищ Гайкин.

— Давай спать, — расстраиваясь, предлагал он.

А через день Валерия интересовала уже другая тема. И Гайкин не мог устоять, чтобы не высказаться, заводился.

— Скажи честно, что ты тут высидел за десять лет беспорочной работы? — допытывался Валерий. — Не чувствуешь ли, что деградируешь как инженер и как личность?

— Не чувствую, — отвечал Гайкин, стараясь найти убедительные доводы, но и не раскрываться до конца. — В таких же поселочках живут учителя, медики, ветеринары, наконец. И до нас жили. Многие всю жизнь на одном месте. Люди их добром вспоминают. А теперь и инженеры не редкость. Как все, так и я. Не всем же сидеть в городах, в кабинетах с кондиционерами. Кому-то и здесь надо рабо-

тать. А деградации не вижу. Иные в городах быстрее сволочатся.

— Плохо, что не видишь, — не отступал Валерий. — Не понимаю, чем тебе мила такая участь? Ведь это же медленная смерть. А ты еще ерепенишься, стараешься что-то доказать, меня сагитировать... Или считаешь, что начальник с подчиненными только так и должен говорить? Ортодокс ты запрограммированный. Но ты же прежде всего человеком должен быть!

— Это как на жизнь глядеть, — нехотя отвечал Гайкин, сознательно пропуская кое-что мимо ушей. — Не все в таких местах выдерживают, верно. Но мы тут нужны. Для того нас и учили. Вернее, для этого мы выбирали профессию. Я так понимаю. Не беда, если на время в чем-то и отстанем от столичной науки, можно ведь и подучиться при желании. Не интеллигент тот, кто думает лишь о собственной персоне и о том, как бы ее получше пристроить.

— Допустим... Польза людям... А мы с тобой кто? Почему именно мы должны жертвовать собой ради других? Нас же самих надо еще за уши тащить к настоящей культуре!

— Никто не мешает тебе совершенствоваться. Но работа по специальности — это не жертва, а долг, даже удовольствие.

— Слушай, Кирилл Кириллыч, не устраивай мне урок политграмоты. Ты не лишен ума. Так зачем же прятаться за штампованные фразы? Зачем себя, свои мысли, душу прятать? Ты их так можешь упрятать, чтохватишься при случае, а их и нет, было, да все вышло. Тогда как? Но если ты умный, то сам не должен верить тому, в чем убеждаешь

меня, не должен любить то, что советуешь любить мне. А зачем меня-то обманывать? Я не слепой — сам все вижу. И тебя не продам. Есть же в тебе честолюбие, личные желания, мечты, просто человеческие желания? Ну хотя бы стать кем-то позначительнее, нежели начальник здешних мастерских, и жить в приличном месте, а не в этой дыре?

Гайкин неопределенно усмехался, и непонятно было, то ли он не согласен с Валерием, то ли просто не считает нужным говорить о столь очевидных вещах.

— Допустим, — не сразу предполагал он, — уедешь ты в большой город, будешь там сидеть, к примеру, в главке. Кем ты стать-то хочешь? Вообразим тебя на посту начальника главка. Крупный работник Чистяков! Звучит. Но ведь и там тебе придется заниматься тем же: и ремонтом, и запчастями. Только там работать, должно быть, много сложнее, если честно работать... Ты этого хочешь?

— Почему бы и нет? Даже то увлекает, о чем говоришь ты, а говорить ты взялся о том, о чем не имеешь ни малейшего представления. Разве там так живут!

— Имею представление, — спокойно возражал Гайкин. И эта его уверенность злила Чистякова.

— Букварь ты, рабочая лошадка, которую хоть корми, хоть нет, хоть на морозе держи, хоть в приличном стойле, — она все равно свой воз повезет, куда прикажут. Унылая судьба.

— Пусть букварь. Но без букваря грамотным не станешь, а ты еще и азбуки производственной не знаешь. Беда будет, если тебя сейчас в главк посадить. А ведь ты сел бы, а?

— Давай спать, — раздраженно сказал Чистя-

ков, всем своим видом демонстрируя, что разговаривать с Гайкиным — пустое дело.

— Давай, — охотно согласился Гайкин, хотя в этот раз он чувствовал себя победителем и был готов сказать Чистякову еще немало.

И надо бы сказать. Гайкин уже не раз слышал, что Чистяков, особенно в те дни, когда Гайкина вызывали в райцентр, отдавал странные распоряжения: то заставлял выписывать со склада гораздо больше запчастей, к тому же не тех, какие требуются для ремонта в эти дни; то оформлял непонятные, похожие на липовые, наряды на сборку; то снимал людей с ремонта на эту самую сборку и срывал график. За всем этим Гайкин уследить не мог: неловко было контролировать каждый шаг заместителя и отменять его распоряжения, а Валерий то замыкался, то отвечал с вызовом. И Гайкин, вздыхая, оставлял его в покое.

Гайкин теперь вел только крупные дела: отношения с районом, с колхозами, строительство. Мастерские были отданы Валерию в полное распоряжение.

14

К КОНЦУ марта в Крутце запахло весной. Упрямые морозы-утренники отступали с подвожий. Набирающее силу солнце пробивало слежавшиеся сугробы. Веселели жители Крутца. Даже Гайкин, встретив на улице Женю, по-ребячьи хохотнул и запустил в нее снежком. Женя ответила тем же. Причем она норовила попасть в Гайкина побольнее, а он не очень-то целился. Но оба они быстро одумались и разошлись, не сказав друг другу ни слова.

Весна, казалось, не действовала только на Чистякова. Он так же энергично расхаживал по мастерским, читал доклады в кружке рационализаторов и демонстрировал в клубе всё новые танцы. Кредо было высказано, стиль работы найден. Менять что-либо не было причин.

Работы в мастерских прибавилось: колхозы спешно готовились к посевной. Пришло время штурмовщины и сверхурочных. И сидящий в райкоме Сева вдруг поразился, узнав, что в Крутце не проведено плановое собрание.

После такого чепе Сева прибыл в Крутец и для начала завернул в медпункт.

— Почему не собирались? — недоумевая, подступил он к Жене, далекий от мысли о прежних шалостях. — Ведь раньше-то все шло нормально!

Разговаривать об этом Жене не хотелось, поднималась незажившая обида.

— В чем же дело-то? — спросил Сева, уставясь на нее.

— Не знаю... Ни-че-го не знаю, — сказала Женя. — Может, им сейчас не до собраний, а может, Чистякову уже надоело...

— Я это предполагал, — невесело согласился Сева и спросил с прежней улыбкой: — А ты его, вижу, недолюбливаешь?

— Ты не предполагай, а с людьми поговори, — обиделась Женя. — И на Чистякова с близкого расстояния полюбуйся. Увидишь, как он тут выламывается. Одна его шуба чего стоит! Придет на работу, снимет ее и кладет Гайкину на стол. Некуда, мол, больше чистую одежду пристроить. Это он так на Гайкина воздействует для культуры производства. Чистота, конечно, и в мастерских должна быть,

но нельзя же так-то! А Гайкин терпит, словно он у Чистякова в подчинении.

Сева хмуро сдвинул белесые брови.

— Пойду,— со вздохом сказал он, уверенный в том, что не легко будет разобраться с чепе и что обеспечит ему Чистяков новые неприятности.

Еще издали Сева слышал крик и прибавил шагу, но опоздал: у ворот мастерских его чуть не сбил с ног Валерий, растрепанный, бледный, без шапки. Он не оглянулся на окрик Севы. Чувствуя недоброе, Сева метнулся в цех и наткнулся на знакомого слесаря, который судорожно затягивался папиросой. Грудь его круто вздымалась и клокотала.

— Что стряслось-то? — Сева ухватил его за рукав.

Парень глянул на него бешеными глазами, рванулся, но Сева держал крепко.

— Ну, мне-то... Расскажи!

— Этого инженерика... Темную ему надо устроить... — прерывисто проговорил слесарь, с грохотом топнув по окурку.

— С ума сйти. За что?

— Есть за что!

Слесарю трудно было говорить, и он, задыхаясь, срывался на крик.

— Подлец!.. Детали налево пускает... А нам!? Кто виноват, что его сахарная шуба об фуфайки измазалась?.. И вопит...

— Кто вопит?

— А-а... Чего говорить зря! Бить таких надо!

Слесарь круто, в один прыжок обошел Севу, и исчез, унося в стиснутых кулаках обиду.

Мимо проходили люди, тоже не по-хорошему возбужденные. Сева пометался между ними, но ни-

чего нового не узнал: с ним не разговаривали, обходили стороной, отводя глаза.

Сева ринулся в контору. Почему-то в мозгу у него крутилось одно отвратительное слово: темная, темная, темная... Кабинет Гайкина был открыт. Гайкин быстренько пропустил друга и крикнул в бухгалтерию:

— Ко мне — никого!

А Севе сказал:

— Ты кстати.

И запер двери.

У стола сидел Валерий, что-то счищая с рукавов пиджака. Он выглядел вполне спокойным.

— Что у вас, пожар? — оглядев хозяев, спросил Сева.

— Хуже. Драка, — упавшим голосом ответил Гайкин и, недобро глянув на Чистякова, добавил с сарказмом: — Вон у него, у секретаря комсомольской организации, спрашивай. Он с рабочими дрался.

— Это была не драка, — с деланным спокойствием отозвался Валерий. — Я просто добивался порядка и дисциплины.

Сева ничего не понимал. А Гайкин хлопнул себя по-бабьи по бедрам и приглушенно закричал:

— Разъясни ты, наконец, свои штучки! Куда запчасти списывал? Почему слесарю этот несчастный подшипник не дал? Какой тебе надо еще порядок, когда сейчас и так каждый работает за двоих?

— Этот подшипник был уже на своем месте, в резервном заднем мосту, все равно, что в отремонтированной машине, — чуточку повысив тон, ответил Валерий.

— На каком своем месте? — недоумевал Гайкин.

— На своем месте, в резервном узле заднего моста к дизелю. Я кладу начало узловому методу ремонта. У меня не один узел уже собран. Придет завтра трактор с поломанным задним мостом — мы его меняем за полдня, и готово. И не надо людям работать за двоих и сверхурочно. Это же элементарно.

Гайкин побелел. Его бесило самоуправство Чистякова и еще то, что заместитель, пожалуй, был прав. Брови у Гайкина высоко поднялись да так и застыли посередине лба, щеки усохли.

— Кто тебе позволил? — тихо спросил он, сдерживая ярость.

— А я сам... требования технического прогресса заставили...

— Но ты же оголил склады, под откос пустил весь дефицит... — сорвался на крик Гайкин. — Встанет завтра трактор в борозде, а у нас — пусто. Скандал!

— Почему встанет, если он отремонтирован с гарантией?

— Да встают же каждый год!

Гайкин схватился за голову и забежал из угла в угол. Выкрикнул не своим голосом:

— Я запрещаю!

— Как знаешь, — с тоскливым сожалением отозвался Чистяков.

— А собрание почему не провели в срок? — подступил к нему Сева, считая, что пришло время постоять за себя и поддержать Гайкина.

— Провели бы неделей позже, какая разница? Зато повестка была бы шикарная: первые итоги

внедрения агрегатного метода и дальнейшие задачи, — с плохо скрытой издевкой ответил Валерий. — А теперь — ваше дело. Если передовые методы здесь запрещаются...

Гайкин вдруг спросил довольно спокойно:

— Расскажи, как дрались-то?

— Он выкручивает подшипник. Я его оттаскиваю. Он отмахивается. Мне обидно. И пошло.. Разнимать нас принялись. Всю шубу мне мазутом рисовали, выбросить придется. Я знаю, что такое мазут...

Помолчали. Заговорил Гайкин:

— А ты знаешь, что этот слесарь если что и возьмет в мастерских, так это оборачивается двойной пользой для нас? Он же и вернет всё! Из своего запаса нам принесет, если для дела надо. У него же дома и мотоцикл, и насосы воду качают, и самодельное грузовое шасси, и всякой другой малой механизации навалом! Все своими руками из старья и лома собирает. Он же изобретатель! Нам без него — беда!

— Знаю, что изобретатель. И еще знаю, что порядка в мастерских нет. И ты не даешь его наводить.

— Ну, это уж слишком! — возмутился Гайкин. — Это уж клевета. Давай тогда с народом разговаривать. Народ в таких делах не ошибается. Сегодня же созовем собрание.

— Собирай, — бесстрашно бросил Валерий.

Сева только глазами хлопал, слушая спор. Он знал, что всякие новшества вводит в колхозе Иван Иванович. А оказывается, что и здесь за что-то борются. Как разобраться в этом? Что тут хорошо и что плохо? Кто прав?..

СОБРАНИЕ вел Гайкин, потемневший и непривычно официальный. В клубе было тесно, но передняя скамья оставалась свободной, потому что на ней сидел Чистяков. Он глядел прямо перед собой, положив ногу на ногу, и Севе со сцены было видно, как дрожит его начищенный ботинок.

— Начнем, — хмуро сказал Гайкин. — Прошу подняться тех, кто бил инженера Чистякова.

— Никто меня не бил! — резко сказал Чистяков.

В зале никто не поднялся. Гайкин растерянно молчал.

— Может, и шубу мазутом не измазали? — спросил он вдруг раздраженно.

— Вещь, к сожалению, испорчена, — ответил Валерий.

— Что вы намерены предпринять? — спросил Гайкин, не глядя на него.

— Жаловаться не намерен. И много говорить — тоже. Сегодня же поеду к начальству и буду добиваться своего; не стану возражать, если меня отсюда уволят.

Чистяков умолк. В зале стояла напряженная тишина.

— Обойдемся! — донеслось из задних рядов. Тотчас же разросся шум, но Гайкин поднял руку, и все смолкло.

— Инженеры нам нужны, — без особого выражения сказал он.

— Только не такие! — опять крикнули из зала. И снова Гайкин не знал, что сказать, хотя мысленно и готовился к собранию.

Над рядами вскочил возбужденный старичок, заговорил горячо:

— Я никого не оправдываю: ни Чистякова, ни тех, кто его потрепал. Но... и беда невелика. Ни единой царапки на Чистякове вроде нет. И на других не видно. Но инженеру так себя вести не к лицу. Не любишь ты нас, товарищ Чистяков, хотя и блистешь улыбкой. Не советуешься. А за нелюбовь тем же и платят. Почто на рабочих-то только покрикивать? Может, и хорошее ты дело затеваешь, может, — плохое, нам это неясно. И приказа не было. Незаконно, значит. Неужто этому в институтах учат?

Старичок еще что-то говорил в том же духе, но его слова потонули в шуме. Никто больше выступать не пожелал. Видимо, всем все было ясно.

Гайкин резко встал.

— Беда в одном: уж так некрасиво все получилось! — мучаясь, всплеснул он руками. — Моего заместителя били! Может, и меня скоро?!

Выглядел Гайкин таким расстроенным и постаревшим, словно обрушилось на него огромное личное горе. Люди глядели на него и опускали глаза. Видимо, любили крутецкие ремонтники своего начальника и теперь переживали вместе с ним, ругая себя, что из-за их оплошности Гайкину сейчас так тяжело.

Вскоре Гайкин встряхнулся, порасправил плечи и спросил:

— Вы имеете к кому-нибудь претензии, Чистяков?

— Нет, — бросил Валерий, брезгливо морщась.

— Кто желает выступить? Надо же обсудить все случившееся сообща, дать оценку, принять ка-

кое-то решение на будущее, — еще несколько раз призывал Гайкин. Он долго упрашивал своих ремонтников, но они отводили глаза, молчали. Даже не шептался никто.

Сева вдруг осенило, и он зашептал Гайкину на ухо:

— Я думаю, вопрос надо вынести на комсомольское собрание. Тут и комсомольцы замешаны, знаю. Мы и разберемся, когда люди поуспокоятся. А сейчас... не надо, сплошные эмоции...

Гайкин благодарно глянул на него, и Сева понял, что поступил умно. Приободрившийся Гайкин объявил собранию суть Севиного предложения, но добавил, что расходиться рано, потому что надо поговорить о другом — о делах весенних. Собрание шло еще больше часа, высказаться пожелал чуть не каждый, и Гайкин одинаково заинтересованно слушал всех, делая пометки в своем блокноте и порой вступая в спор, в котором обязательно брал верх.

Никто не обратил внимания, что Чистяков и Сева ушли. О них забыли. А они месили на улице мокрую снежную кашу и молчали.

— Что теперь делать-то будем? — спросил наконец Сева.

— Я с тобой ничего делать не буду, — отрезал Валерий.

— Ты все же секретарь... Райком отвечает.

— За меня отвечать не надо, — не скрывая неприязни, резко говорил Валерий. — Скажи своему другу Гайкину, что я уезжаю в район, а если потребуется — и в область. Я докажу, кто прав.

— Ну а наш райком?

— Брось!

Валерий легко прыгнул через кювет и пошел в обратную сторону.

Сева сжал губы. Он недолго глядел в спину Валерия, готовый догнать его и дать по затылку, но сдержался, облегчив душу руганью. Вскоре он сел на мотоцикл и помчался к дому, грустно размышляя о том, что теперь ему от выговора за Крутец не отвертеться. И все из-за Чистякова...

16

ЛЮДИ давно разошлись, а Гайкин все еще сидел за столом президиума. Идти домой, к Чистякову, было свыше сил. Да и разобраться надо было во всем по горячим следам, пока никто не мешает.

— Вот так-то, Кирилл Кириллыч, — со вздохом сказал он себе. — Не миновать тебе разноса. В кровь избьют в районе...

— Так-то, — повторил он тише, задумался. Он-то втайне мечтал, что выйдет из Чистякова толк, что через полгода можно будет рекомендовать его на свое место, и тогда-то уж забрали бы Гайкина в райцентр. А что получилось? Получилось, что не умеет еще Гайкин с народом работать, выезжает пока за счет того, что народ у него золотой: не летуны, не лодыри у него слесари, с ними — без забот. А молодого инженера Гайкин не уберег. Теперь Чистякову на всю жизнь душевная травма. А Гайкину на выдвижение рано... Что еще можно сказать? Что на ошибках учимся? Так это не оправдание. Мог бы Чистяков работать, характер у него есть. Блажь бы из него надо только выбить. А не сумел Гайкин. Не считал нужным, остерегался го-

ворить с ним начистоту, увертывался. Прав был Чистяков, когда обзывал его букварем. Еще обиднее мог бы назвать. Во всем виноват Гайкин, если честно разбираться. И начальство так скажет. Оно скажет... Ну и дела...

Мыслей больше не было. Их вытеснила горечь. И Гайкин на время поддался этой горечи, которая, обволакивая его, нашептывала что-то, вызывая жалость к себе и упреки судьбе, начальству. Теперь жили как бы два Гайкина. Один скорбел и утешался банальной мыслью, что мир несправедлив вообще, а значит, и к нему в частности, и уж тут ничего не поделаешь, надо терпеть, и Гайкин будет терпеть и мучиться, если уж выпала ему доля всю жизнь быть серой рабочей лошадкой. А второй Гайкин словно со стороны усмеялся, глядя на первого, и толковал, что ничего особенного не случилось, что все это от слабости — нервишки сдали и надо отдохнуть, выспаться, а завтра идти на работу, как ходил он не одну тысячу дней, и оставаться прежним Гайкиным, потому что никем иным быть он не может; люди, мастерская, план — гораздо важнее его личной тоски и обиды. Да и какая тоска — просто растерянность. А она ему не к лицу. Хорошо, что никого рядом нет... Гайкин внушал себе, что должны же быть у него, заведующего мастерскими, самолюбие и уважение к своей должности, что обязан он выполнять здесь свой долг столько, сколько потребует жизнь. Не бежать же ему из Крутца, как этот мальчишка Чистяков!

Впрочем, Чистяков не мальчишка. Он уже окрепший, но малоопытный, заносчивый. Эта шелуха отлетит с годами, особенно в горячей работе, когда человек увлекается делом и забывает о себе, отда-

ётся работе непосредственно. Мог бы Чистяков отдаваться так вот работе? Мог бы. Он, пожалуй, и отдавался, но его надо было умно увлечь теми задачами, какие стоят перед Гайкиным, или поставить перед ним какую-нибудь непростую задачу, в общем, подчинить его энергию делу, плану... Но не догадался Гайкин об этом вовремя, не сумел...

Гайкин представил себе, как терзается сейчас гордый Чистяков, и подумал: на собрании он бравировал и, наверное, правильно делал, а каково ему сейчас, одинокому, отверженному! Гайкин даже испугался, что Валерий может наложить на себя руки, и виновен в этом будет он, заведующий мастерскими...

Гайкин мерил Валерия на свой аршин и страдал. Руки его судорожно скользили по столу, а кулаки то сжимались, то безжизненно расслаблялись.

«Так нельзя!» — вдруг почти вслух сказал он себе. Встал. Но его пошатывало, а грудь то и дело пробивало тревожным холодком. Продолжать думать о Валерии было страшно.

Надо было идти домой. Идти не хотелось. Зачем? Пойдешь — и придешь к самому себе, в темный холостяцкий угол. Нет. Даже ноги не шли домой. Они вроде бесцельно несли Гайкина по пустынным улицам и все же вывели на ту окраину, где приткнулся к поселку медпункт.

Возле медпункта он остановился, подумал и шагнул в тень между тополем и забором... Интересно, поняла бы его сейчас Женя или нет? Наверное, поняла бы. Женщины — народ тонкий и чуткий. К тому же она его давно знает и в курсе всех крутецких событий. Она бы поняла... Только зачем Гайкину это понимание?

Ремонтники—все до единого — его понимают и сочувствуют. Это точно. Но ведь никто из них не болтает об этом, не лезет с душевными разговорами. Правильно делают мужики. Хмурятся, глаза опускают, вздыхают... И достаточно. Мужчина сам должен все в себе переварить, а не искать сочувствия. Приди к кому-то со своей тоской — значит распишись, что ты слабак. Отдайся в чьи-то руки, а тот позже сумеет использовать фактик: всякого, мол, тебя, товарищ начальник, мы видели!.. Сплетню пустит, на смех подымет...

Гайкин стоял перед окнами медпункта и думал, плотно сдвинув брови. Он не мог понять, как и зачем другие во всем доверяют женам, шепчутся с ними, утешаются на их плече, надеются на их поддержку. Он не понимал, причем тут женщина — жена, теща или еще кто-то, если мужчина, тем более руководитель, сам должен разобраться во всем, принять решение и действовать. Жену можно любить, спать с ней; она приготовит обед и стирает белье, пойдет с тобой под ручку в кино... Зачем же еще нужна жена? Это он представить не мог. Ведь не способна же женщина, даже любимая, до конца понять мужчину. И глупо целиком доверяться ей, и стыдно.

Но за бревенчатыми стенами медпункта была не просто женщина и не жена, а Женя, почти что товарищ. Частенько думая о ней, Гайкин всегда чувствовал сосущее волнение и неотвратимость надвигающегося будущего, накрепко связанного с ней. Страшновато становилось от этого, зябко и тревожно, но все же будущее казалось желанным.

Чтобы избавиться от этой обреченности, он обычно изо всех сил старался переключить себя на что-

нибудь другое, на работу чаще всего. И это удавалось. А сегодня? Сегодня — нет. Наверное, оттого, что сам пришел к медпункту, на что-то надеялся, чего-то ждал. А остальные думы и заботы за день были уже передуманы и осточертели.

Слабая мысль — зайти сейчас вот к Жене была провокационно увлекательна. Она столкнула его с места, и он шагнул за калитку. Беззвучно ступая, поднялся на крыльцо, замер.

«К ней можно в любой час стучать, мало ли кто заболел», — сообразил он и тут же понял, что трусит и оттого придумывает оправдание. И опять он не понравился сам себе.

А зачем, собственно, я к ней иду? — мысленно удивился он. — Ведь вовсе незачем. И так все ясно. К чему ее-то тревожить, наводить на мысли?.. Ей и без этого не очень весело. Хорош я буду с таким визитом! Глупости стал бы болтать... Через силу... Я же не столь влюблен, чтобы рваться.... Может, и вовсе не влюблен. Думаю только о ней, потому что не о ком здесь больше... А может, и люблю... Потому и боюсь, и тревожить ее не смею?.. Или?..»

Ноги его уже нащупывали нижнюю ступеньку. Вот и тропка. Хорошо, что ботинки не скрипят...

Гайкин вышел на середину улицы, вздохнул, словно сбросил тяжелую ношу, и ровно пошагал к дому. Он почти забыл обо всем, о чем думал и что хотел предпринять. Упрекал себя за непростительную слабость, но упрекал легко, спокойно. Вернее, он лишь чуточку был недоволен собой, примерно так же, как каждый день. Да и надоело все. Устал он. И зачем тревожиться, если никто его не видел. Да если бы и видели сейчас его возле медпункта, никто бы не подумал о нем плохо, не стал бы тре-

паться — для жителей Крутца он человек безупречный, вне подозрений.

И Гайкин почти забыл о сегодняшнем прожитом дне.

17

СЕВА махнул рукой на то, что Крутец, возможно, останется без комсомольского секретаря. Решили: хватит пороть горячку, надо все хорошенько продумать, взвесить, а потом уж... Поэтому утром, успокоив себя тем, что райкомовцы считают его находящимся в командировке, он рванул по морозцу в колхоз своего нового друга и активиста Ивана Ивановича.

Утренняя стынь пробирала его, колко била в лицо, прорывалась под нейлоновую куртку. А он ехал и улыбался.

С удовольствием промчался по просыпающемуся Крутцу и подумал, что без Чистякова тут все снова станет на свои места, что секретарем надо опять избрать Женю и к ней можно будет заскакивать в медпункт, как прежде...

Но как живет Иван Иванович со своей красавицей? Надо бы все разузнать. Неплохо бы напроситься к ним на обед... Сева решил, что обязательно напросится, прибавил газку. Мотоцикл по утреннику летел — хоть пой!

...Встретились они посредине деревни и честно обрадовались друг другу.

— Быстрее за мной, на машинный двор, — скомандовал Иван Иванович. — Поглядишь, что мы там устроили. Парад и демонстрация!

Сева оставил мотоцикл возле колхозной конто-

ры, и они двинулись за село. Иван Иванович не обманул. Здесь и в самом деле было на что посмотреть.

За сараями и овинами, на просторной площадке красовались выровненные в нитку трактора. Сева замер и пожалел, что не захватил с собой фотоаппарат, увидев вороненые и огненно-оранжевые гусеничные тягачи, голубые щеголеватые «Беларуси» и еще какие-то забавные приземистые тракторишки, а за ними — сеялки, культиваторы... Добрая сотня машин!

Севе показалось, что культиваторы и сеялки нетерпеливо тянутся своими цепкими металлическими дышлами к тракторам, словно просят взять их с собой на работу...

— Ну как? — с ликованием спрашивал Иван Иванович, заглядывая в глаза друга.

— Здорово! — искренне восхищался Сева. — Никогда такого не видывал.

И наивно, а может, и с умыслом, чтобы еще больше поощрить Ивана Ивановича, спрашивал:

— И это все исправное? Без показухи?

Иван Иванович обиделся.

— Что мы тут — в игры играем? Побудь хоть сегодняшней день у нас, еще не то увидишь.

Сева горячо обещал побыть и скоро увидел и «не то». Здесь же, на машинном дворе, состоялись экзамены. Сева так увлекся, что забыл о своем чине, стоял с полуоткрытым ртом и время от времени кидался туда, где, по его мнению, разворачивались самые интересные события.

Экзаменационная комиссия — два представителя из райцентра, милиционер из автоинспекции, председатель колхоза и сам Иван Иванович — раз-

местилась в сарае с распахнутыми воротами, перед которыми были поставлены притащенные из конторы столы, накрытые по этому случаю красным материалом.

Иван Иванович заметно волновался. Он поминутно заглядывал в длинный список и срывающимся голосом, но все же звонко выкрикивал фамилии. И по его зову к столам подходили серьезные парни, а то и матерые мужики.

Они неловко подцепляли пальцами бумажные полоски билетов и, кто как мог, отвечали на вопросы. Сева отметил, что многие выражались гладким языком технических учебников. После краткой, взаимно заинтересованной беседы с комиссией парни и мужики рысцой мчались к тракторам, заводили и гоняли их перед сараем, выполняя замысловатые маневры.

Председатель колхоза не выдерживал: он выбегал из-за стола, гонялся за тракторами, подавал команды и тащил новоиспеченных механизаторов к сараю.

— Этому пять, а этому четыре, — тоном хозяина заявлял он. — И если комиссия не соглашалась, приводил свои доводы: — Нельзя этому пятерку, он в прошлом году в самую горячую пору три дня гулял.

Члены комиссии крутили головами и смирялись. Энтузиазм председателя передавался и им.

Экзамены выдержали все. И председатель взял слово.

— Шабаш, молодцы! Поздравляю вас. Теперь вы — главная сила. Но если не будет дисциплины — не быть вам и силой. Соблюдайте правила движения! — председатель сделал красноречивый

жест в сторону автоинспектора, который сразу присанился и построжел лицом. — И берегите мне механизму! Она общественная, народная. Над ней вон сколько умных голов билось, а сломать ее может любой дурак. Вот. Теперь шабаш рвачам и незаменимым. По два механизатора на каждый трактор в колхозе стало. Это должно вам что-нибудь говорить? Будут темпы, а?

Председатель воодушевлялся все больше и азартно приглашал высказаться представителей из района. Но те только коротко поддакивали ему. Залюбовавшийся всей этой сценой, Сева громко хлопал в ладоши. Он испуганно дернулся, когда Иван Иванович, подкравшись сзади, поддал ему под бока.

— Чего ты? Напугал...

— Давай потихоньку уматывать, — зашептал Иван Иванович. — Сейчас с ними автоинспектор работу проведет, а через часик эти друзья такую складчину-гулянку на радостях закатят! Мне надо скрыться, иначе упоят. Не мастак я на это.

— Мы с тобой лучше вдвоем отметим, слегка, — предложил Сева. — Посидим, потолкуем. Ты ведь сам не представляешь, что ты тут сделал! Ведь это же такое событие! Такой пример!

— Конечно, я их учил, — сказал Иван Иванович без тени похвалы. — Но ведь без этого нельзя. Для колхоза нужно. Да и люди к технике тянутся, и знать ее должны. Как же иначе?

— Сколько удостоверений выдали? Я не считал...

— Пятнадцать.

— Ну вот. По городским масштабам — и то целый поток. А попробуй организовать в городе курсы — штат преподавателей, классы, наглядные по-

собия, деньги огромные на все. Я знаю... А вы...

— К уборочной комбайнеров будем экзаменовывать так же.

Сева не устоял — он сграбастал маленького инженера и легко понес его на руках.

— Пусти,— шипел Иван Иванович, вырываясь. — Увидят, нехорошо!

Сева с сожалением отпустил его и еще долго не мог отвести от друга влюбленного взгляда. Уж очень ко двору был, по его мнению, здесь Иван Иванович.

— Чего ты раньше-то молчал, что курсы ведешь? Мы бы в райкоме отметили тебя, в газету бы написали, — упрекал Сева.

— А если бы они у меня развалились? Тогда что?

— У тебя не развалятся. Ты же горишь! — вскрикнул Сева. — Да и помогли бы тебе со стороны райкома...

— Ладно... Тут не поможешь, — спокойно сказал Иван Иванович. Они подошли к конторе. Ивана Ивановича окликнули.

Сева и накуриться не успел, как тот снова показался на крыльце.

— Чудеса! И председатель меня на обед зовет. Ликует председатель! Понятно, что за обед будет, — сообщил он.

— Пойдешь?

— Нет, — сказал Иван Иванович и опустил погрустневшие глаза.

Сева хотел было вслух удивиться перемене в дружбе, но к ним выскочил председатель.

— Правление завтра же соберу. Поставлю вопрос — премию тебе не меньше двух окладов, — горячо заговорил он Ивану Ивановичу и вдруг так

хлопнул его по спине, что Иван Иванович едва устоял на ногах. В следующий момент председатель настойчиво толковал Сева:

— Напиши в газету. Не меня хвали — его. По-больше накатай, не жалея слов. Да и расскажи там, кому надо...

Он ткнул кулаком в Севин бок, хохотнул и кинулся в контору.

— Чего это он, уже седой, а такой?.. — подивился Сева.

— Он такой... Любит, когда дело двигается, — сказал Иван Иванович. — Радуетя. Такой уж человек. С ним хорошо.

— А ты-то чего? Все рады, а ты... как с похорон!

— Хватит обо мне, — буркнул Иван Иванович. И Сева разглядел в его лице такую тоску, что встревожился всерьез.

18

— **Д**А в чем дело-то? Может, что личное? Может, я в силах?.. — зашпешил он с вопросами, с самым искренним участием заглядывая в глаза другу. Но разглядеть глаза Ивана Ивановича было непросто, потому что отворачивался он, а Сева катил тяжелый мотоцикл и отставал. Но и без того было видно, как мрачнел и сутулился Иван Иванович с каждым шагом к своему дому.

— Ты женат? — неожиданно спросил он Севу.

— Давно. А что?

— И как живешь?

— Да ничего. Все с первой женой живу, — сострил Сева.

— И я с первой, — горько усмехнулся Иван Иванович. — Третий месяц она тут. Колхоз нам целый дом выделил, с участком, сад можно развести. Председатель чуть не каждый день корову мне предлагает за полцены и в рассрочку, чтобы меня покрепче привязать, видимо. А меня привязывать не надо. Знал, куда шел. Не сбегу. Ну да он от души, я понимаю... Не в корове счастье. Да и не управиться нам с ней. Скверно то, что супруга моя даже людей здешних боится, не то что коров. Ни с кем не подружилась и не познакомилась по-настоящему. Меня чуть не каждый день в гости зовут, а к нам никто не идет: ее стесняются, городскую. И ничего-то ее не интересуется здесь. Не то спит целыми днями, не то лежит, укрывшись с головой. Ничего здешнего ни видеть, ни слышать не хочет. Не готова она к деревне оказалась, хоть и слово дала... Или ходит по дому, шепчет что-то про себя, пальцами хрустит... Или истерику, сцену мне закатит... В кино всего раз сходили с ней — и как отрубил. Холодно, говорит, в клубе, и вообще это не клуб, а сарай, публика на фильм дико реагирует... Я лично ничего такого не вижу, а она... Вот и сидит дома...

Ты извини, что я так нехорошо о жене говорю, да еще за глаза. Не по-мужски это. Но мне такая волынка надоела... Может, и я виноват. Мне, если правду сказать, некогда с ней заниматься: мотаюсь по бригадам, по мастерским, по кузницам, технику эту веду по вечерам. Собрания... Придешь к полуночи усталый, как черт, хочешь с ней поделиться, а она — голову в подушку. Плачет... Теща приезжала. Шепчутся с ней, как заговорщики. Со мной и не разговаривают.

— Может, ей поручение этакое придумать? На работу устроить? Можно же ее чем-то увлечь! — предложил Сева, горячо сочувствуя другу.

— Не поможет, — безнадежно сказал Иван Иванович. — Я ее знаю. Попала шлея под хвост — значит всё.

Они подошли к дому Ивана Ивановича — просторному пятистенку, обшитому новым тесом.

— Хоромы! Особняк князя Ивана! — воскликнул Сева в надежде развеселить друга и осекся. Иван Иванович побледнел, глаза его уставились на замок, висевший на дверях.

— Куда она ушла? — растерянно проговорил он. — Некуда же...

Он протянул к замку руку, тронул его. Замок, тихо лязгнув, раскрылся. Отбросив его, Иван Иванович кинулся в дом и сразу понял: случилось то, о чем он боялся думать, но что должно было произойти... Растерзанная постель без белья... На полу старые газеты... Разинутая пасть шкафа словно кричала, что его ограбили, оставив в нем лишь одежду Ивана Ивановича. Друзья молча разглядывали следы поспешного бегства.

— Всё, — сказал Иван Иванович и присел, обхватив голову. — И ничего не объяснила... А ведь я ее любил!

Севу осенило.

— Догоним! — закричал он. — У меня же мотоцикл как зверь! Поезд только через сорок минут. Догоним и все поправим!

Сева нахлобучил на голову друга шапку и потащил его на улицу. Мотор заработал с полоборота. Иван Иванович слабо подумал, что ехать не надо, что ничего уже не сделать, но безотчетно подчи-

нялся Севе. Да и не мог он оставаться сейчас один.

Разбрызгивая фонтаны ледяной воды, перемешанной с талым снегом, мотоцикл обиженно ревел, унося молодых людей к станции Крутец. Мотоцикл был новенький, и ему еще неизвестно было коварство весенних дорог. Об этом должен был знать многоопытный Сева, но и он забыл обо всем. Сева до отказа выкручивал ручку газа, заставляя послушную машину перепрыгивать через гиблые лужи и ледяные кочки.

«Я тебя догоню, дамочка! Я тебе скажу кое-что! Такого парня обижать! — свирепо думал Сева. Он был уверен, что и жена, и теща Ивана Ивановича — препротивные городские мещанки, корыстные и лицемерные, что они и выбрали его — золотую голову, скромнягу, безответный характер, — чтобы он кормил их. Конечно, деревенского парня можно сбить с толку, если он доверится... А увидели, что не получается по-ихнему, и наплевали ему в душу. Но Иван Иванович не мальчик на побегушках. Он инженер! Они и мизинца его не стоят, обе взятые...

А вдруг к лучшему, что она удрала? Найду я Ивану Ивановичу такую девчонку, что всю жизнь меня будет благодарить. Женю сагитирую за него! Во пара-то будет! Узнает, поймет Иван Иванович, чего стоила его городская красotka и каковы настоящие девчонки. Так и надо сделать! Всё сам устрою».

Сева ликовал. Ему казалось, что нет ничего проще поженить инженера и медичку. Он оглянулся, крикнул Ивану Ивановичу:

— Может, не поедем?

— Чего? — отозвался Иван Иванович, не рас-

слышав. Сева снова оглянулся, наклонился к нему ближе.

— Может...

Иван Иванович, сжавшийся в комочек на заднем сиденье, не видел вытяявших на краю большака куч гравия, насыпанных сюда еще по осени да так и не разровненных. Их должен был видеть Сева. Но Сева, захваченный новой идеей, не видел ничего.

Скользнувший по колее мотоцикл бросило на кучу. Глухо охнул, заскрежетал неподатливый гравий. Смолк мотор. Иван Иванович не сразу понял, почему ему не за что стало держаться, почему он летит, раскинув руки...

Больно стегнул по лицу льдистый снег, комом набился в рот. И тихо кругом... Во рту солоно. Тупо заняло все тело. Иван Иванович приподнял гудящую голову, крутнул ею, сбрасывая с лица оплавленные шматки красноватого снега. Глаза видели. Можно ли встать? Можно. Надо вставать. Руки? Вот одна, в крови, ободрало кожу. Другая? Не слушается другая. И боль, резкая, мутящая сознание. Иван Иванович почувствовал тошноту, упал лицом в снег и затих...

Сева поднялся шагах в десяти от него. Он провел по лицу ладонями, радуясь, что обмякшее с испугу тело быстро наливаются прежней силой, что цел он и невредим. Но ужас болезненно полоснул его по груди, едва он разглядел лежащего неподвижно друга.

— Ива-ан! — не своим голосом вскричал он, кидаясь к нему.

Иван Иванович услышал его, попытался перевернуться грудью вверх — и не смог. Сева в два

прыжка очутился рядом с ним, упал коленями в лужу. Он легко приподнял товарища, близко взглянул ему в лицо. Иван Иванович застонал.

— Рука... Вывихнута, наверное, — прерывисто проговорил он.

— Ну как же я так! — в отчаянии возопил Сева, хватаясь за голову. Но он тут же забыл о себе, припал к Ивану Ивановичу.

— Жив ты! Ой, ладно! Ты прости меня. Сейчас все будет в порядке. Вылечим. Сейчас же к Жене, в медпункт, — торопливо приговаривал он. И вдруг его озарило: «Не было счастья — несчастье поможет. Вот и невеста ему. Из рук в руки передам. Все и будет отлично».

Сева возбужденно блестел расширившимися глазами, а говорил с Иваном Ивановичем тихо и участливо, как с больным ребенком.

— Я тебя на руках донесу. Нельзя на мотоцикле, если вывих... Ты молодой. Все быстро зарастет. Я теперь в долгу перед тобой. На всю жизнь...

Сева без колебаний оставил казенный мотоцикл на дороге. Он нес Ивана Ивановича на руках, которые словно и не чувствовали тяжести, ноги его пружинили лучше машинных амортизаторов, хотя шагал он стремительно. Главное было — не трянуть друга, не сделать ему больно.

Время летело. Все ближе Крутец. И когда уже можно было различить на окраине избушку-медпункт, со стороны вокзала донесся гудок поезда.

«Сейчас она уедет, — почти обрадовался Сева. — И хорошо сделает, а то подняла бы лицемерный вой, ахи, охи, припадки...»

В ЭТИ минуты Валерий, всем видом демонстрируя оскорбленное достоинство и презрение к Крутцу, прогуливался по перрону. Билет был в кармане. Легкий чемоданчик с самым необходимым — в руке. Путь предстоял пока до райцентра, хотя Валерий готов был ехать куда угодно, хоть в Москву, чтобы доказать свою правоту и ужасающий консерватизм Гайкина.

Так было решено еще вчера. Но сегодня мысли путались. То думалось, что непременно надо показать всем идиотскую позицию Гайкина, то хотелось вообще уехать отсюда далеко-далеко, в город, где учился, чтобы отдохнуть, развлечься — благо есть деньжонки, — а потом найти там приличную работу. И он стал ощущать приближение свободы и беззаботности, словно только что сдал экзамены за семестр и впереди — каникулы.

Подшел поезд. И Валерий, стараясь не ускорять шаги, двинулся к своему вагону.

— Ва-ле-роч-ка-а! — донеслось сзади. Он оторопел. Голос был невероятно знакомый. Да, подбегала она. Но не та легкомысленная живая красавица, а зареванная, растрепанная девица, едва волочившая тяжелый чемодан. И все же это была она, библиотечка, супруга Ивана Ивановича.

Что-то произошло с Валерием, и он сделался галантным, чуточку развязным городским кавалером, точно таким, каким бывал в моменты ухаживания за ней еще в институте.

— Лапа! Я не верю органам зрения, — сказал он, томно закатывая глаза.

— Спаси меня! Увези меня немедленно!

— В тундру увезти, мадам?

— Домой. У меня мало денег. Я не могла просить у этого карликового робота, у этого сатрапа.

— Я готов, но это будет дорого...

— Не паясничай сейчас. Ты получишь все...

— Пришпилим слова к билету. Вас устроит купе на двоих?

— Умоляю!

— Тогда постерегите мой саквояж.

Валерий вроде бы и не спеша, но, как нож масло, прорезал толпу и исчез за дверями вокзальчика. Через минуту он вышел оттуда, помахивая билетами в двухместное купе мягкого вагона. Билеты были до города, в котором он учился.

20

СЕВА не выполнил просьбу председателя колхоза — в газету об Иване Ивановиче не написал. Он вообще старался помалкивать, когда речь заходила о колхозном инженерере. А об Иване Ивановиче говорил весь район. Каким-то образом о его делах, в том числе и о семейных, узнали везде. Иван Иванович сделался любимцем. Даже вовсе незнакомые люди горячо сочувствовали ему и дружно ругали его городскую жену. Но Ивану Ивановичу от этого было не легче.

Целую неделю лежал Иван Иванович в Женском медпункте и молчал, осунувшийся и усохший, страдая от боли и всего случившегося. Он винил во всем только себя: и в бегстве жены, и в аварии — и терзался.

Он ни о чем не просил Женю, а она, скрывая

от него, что не имеет права держать у себя больных, готовила ему еду, приносила к постели.

К нему каждый день кто-нибудь приезжал из колхоза, вечерами заходил Гайкин, частенько за-скакивал и Сева с полной сумкой продуктов. Сева и уговорил Женю не отправлять Ивана Ивановича в городскую больницу.

Но не очень-то получались разговоры. Да и Же-ня не жаловала гостей, стараясь поскорее выпрово-дить их.

Иван Иванович часами следил за уверенными движениями доброй медички и думал о своем. За-говорил он с ней неожиданно, когда уже немного пришел в себя, заговорил так, словно продолжал тот давнишний разговор, когда он приходил сюда с разбитым пальцем.

— А у меня жена-то сбежала. Надо думать, на-всегда,— сообщил он со слабой улыбкой, когда Же-ня что-то долгснько не выпускала из своей руки его тонкое запястье. Он еще хотел что-то добавить, но Же-ня, вспыхнув, остановила его.

— Знаю. Лежи, лежи, милый, тебе нужен по-кой, — сказала она приглушенно и тотчас вышла. Ей до боли стало жаль маленького инженера, тако-го отважного и такого обиженного, одинокого, с жестокими ушибами и ссадинами. Она едва удер-жалась, чтобы вновь не подбежать к нему, не при-жать по-матерински его голову к своей груди и гла-дить, гладить его горячий лоб, светлые косицы во-лос, утешить его.

Провожая ее взглядом и слыша, что она близко, за дощатой перегородкой, Иван Иванович улыбал-ся и думал над словечком «милый», которое сорва-лось с ее губ.

«Профессиональная нежность, казенная, в меру искренняя и ни к чему не обязывающая, ничего не обещающая», — убеждал он себя, припомнив, что в какой-то книге фронтовая сестра называла всех раненых даже миленькими. Но отчего так запало в душу это слово? Потому ли, что еще никто не называл его так? Точно, никто. Разве только мать в раннем его детстве. А каким тоном произнесла это слово Женя? Пожалуй, не было в ее голосе никакой фальши. И как она вообще тут живет? О чем мечтает? С кем дружит?

Иван Иванович так и не получил ответов на эти вопросы, потому что из райцентра приехал врач, сделал Жене строжайший выговор с намеками, довел ее до слез и увез Ивана Ивановича в районную больницу...

Из больницы его отпустили дней через десять, когда строгим медикам стало ясно, что здоровью его ничего не грозит. Иван Иванович сошел с поезда в Крутце. На лице его блуждала прежняя улыбка.

А в Крутце уже хозяйничала весна. Сияли залитые водой улицы. Гомонили грачи. Ослабевший и одурманенный, Иван Иванович брел по обочине, где еще лежал заледеневший снег, и каждый раз выбирал место, куда поставить ногу. Его покачивало, но он не тревожился. Ему было радостно, что от проталин, от дороги поднимается острый запах бензина и мазута, стойкий запах тракторов, почти родной для него запах.

Он шел к медпункту. Увидев его еще издали, Женя выбежала на крыльцо. Простоволосая, в тапочках на босу ногу, она словно торопила его к себе. Иван Иванович заспешил.

— Все хорошо, — еще издали прокричал он. — Тебя хвалили, лечила меня правильно. Здравствуй!

Обрадованные встречей, они стояли на крыльце друг перед другом. Иван Иванович приготовил немало хороших слов для Жени, но они вылетели у него из головы. Он стоял ступенькой ниже ее, маленький, счастливый и не выпускал из своих рук теплую Женину ладошку.

— Что тебе предписали? Справку привез? — спохватилась Женя.

— Есть бумажки! Вот.

— Проходи в помещение. Тебе нельзя долго на улице, — поостроже сказала Женя, пропуская его вперед.

— Как в дом родной! — заявил Иван Иванович все с той же счастливой улыбкой.

Дверь за ним захлопнулась, и снаружи медпункт снова стал обычным домишком, привычно глядящим своими чистыми окнами во все четыре стороны. А внутри он казался Ивану Ивановичу сказочной палатой. Наверное, это было от солнца, от белизны стен, а больше всего потому, что рядом была Женя в светлом цветастом халатике.

Однако Женя тут же надела белый халат, и они уселись по разные стороны ее рабочего стола. Пока она читала привезенные из больницы бумаги, Иван Иванович машинально взял со стола тетрадь.

— Дневник комсорга, — вслух прочел он. — Ты что, снова комсомольским богом стала?

— Пришлось. Твой друг Чистяков недолго покомандовал.

— Да, Валерий... Мечется он, — вздохнул Иван Иванович и тут же забыл о нем. Он глядел на Женю, на ее разругавшиеся по весне щеки... Захо-

телоее побыть с ней наедине, как было недавно, и вообще никуда отсюда не уходить. Он ссутулился с застывшей улыбкой, поддерживал больную руку и все глядел, глядел на Женю преданными глазами. А она что-то записывала в свои книги, перебирая его справки...

Иван Иванович вздрогнул, а Женя недовольно крикнула: «Войдите», когда в двери кто-то настойчиво постучал. Иван Иванович поморщился: уж очень некстати был сейчас любой пришелец.

Дверь отворилась, на пороге вырос Валерий.

Они оба невольно встали, настороженно ожидая его слов. Валерий не спешил. Он слегка улыбнулся, оглядев их и будто бы все поняв, шагнул ближе. Выглядел он похудевшим, длинным и уже не столь вызывающе красивым. Что-то жесткое пряталось возле его губ.

— Здравствуйте, друзья, — легко проговорил он, довольный замешательством Жени и тем, что Иван Иванович застеснялся, покраснел.

— Женя, прошу числить меня в своем комсомольском активе. Придумайте мне какое-нибудь поручение... Будем работать, жить, — с улыбкой, то ли насмешливой, то ли призывающей извинить его, говорил Валерий.

Женя в упор глядела на него и не могла собраться с духом, чтобы что-то сказать. Да, это был Валерий, тот и не тот. В нем еще угадывалось много прежнего, однако теперь главным в нем была не надменность, а, скорее, уверенность в себе, подчеркнутое чувство достоинства, мужской гордости. Но глаза у него были недобрые.

«Мучается парень», — подумала Женя и спохватилась: жалеть его ей было не за что.

— Хорошо, — сказала она и смолкла. Не очень-то твердо прозвучал ее голос, словно робела она перед Валерием, боялась показаться неловкой... И все глядела на него.

— До свидания, — с легким поклоном простился Валерий. — Мы скоро встретимся и поговорим подробнее. Я бы хотел...

Он глядел на Женю чуть дольше, чем было прилично, и, словно поймав себя на этом, опустил голову. Затем сочувственно подмигнул Ивану Ивановичу, показывая, что ему небезразличны его болезнь и семейные неурядицы, и, круто повернувшись, вышел.

Иван Иванович подбежал к окну, долго глядел вслед Валерию. Женя сидела за столом, прижимая ладони к горящим щекам. Возвращение Валерия, его странный визит поселили в ней тот же страх, ту же обиду и неуверенность в себе, как было тогда, после танцев на балу «Осенние листья», после того стихийного комсомольского собрания. Она тотчас стала раздраженной, ей хотелось остаться одной.

Но еще раньше, честно разбираясь во всем, она призналась себе, что танцы с Валерием остались в памяти, как самые восхитительные минуты ее жизни в Крутце. А что будет теперь после многих передрыг? Надежды на то, что Валерий переломит себя, станет искренним и естественным, были слабыми. Каким он будет? Может, еще более изощренным в своих издевательствах и насмешках? Думать о нем было трудно, и нельзя было заставить себя не думать о нем: он пугал, волновал, притягивал к себе. Но было бы лучше, если бы он не возвращался или не приезжал в Крутец вовсе.

Тревожное чувство кольнуло и Ивана Ивановича. Силуэт Чистякова, маячивший далеко на улице, казался ему чужим, ненужным Крутцу. Он стоял и хмурился, сбитый с толку. Никак не удалось поймать порванную Чистяковым нить мысли, восстановить наполнявшее его теплое чувство к Жене.

Он снова вздрогнул, когда стукнула дверь. Вошла Женья в домашнем переднике. Иван Иванович опять проникся горячей благодарностью к ней. Таковую, без казенного халата, он любил ее еще больше. Он медленно пошел ей навстречу с зачарованно сияющими глазами и приоткрытым ртом. Он готов был вот-вот высказать самые значительные, нежные слова. Но Женья отвела взгляд и сухо позвала его обедать.

Обед был небогатый: Женья не ждала гостей. Она изредка поглядывала на Ивана Ивановича, как на соседского парнишку, которого надо было накормить. Лицо ее вытянулось, руки двигались рывками, словно ей все надоело, раздражало и не терпелось, чтобы гость поскорее ушел.

А Иван Иванович тешил себя надеждой и тихо радовался, отыскивая в ее поведении что-то обещающее. Он раздумывал, как лучше подступить к решающему разговору... Наконец начал:

— Я хочу сказать, Женья... Вернее, нам вместе надо подумать... Друг о друге... И решить. Самое важное. Давай, а?..

Лицо его занялось краской. Оно расплылось в глуповатой улыбке. Но глядел Иван Иванович задорно, словно был уверен, что Женья, конечно же, будет рада, что вот-вот нахлынет на них обоим что-то большое и счастливое.

— Не надо, — тихо сказала Женя и опустила голову.

— Почему? Я же о нас двоих! — приглушенно вскрикнул Иван Иванович.

— Не надо, — отдельно, с прорвавшимся раздражением сказала Женя. Она порывисто вскочила из-за стола, метнулась в дальний угол комнаты, прижала к губам кулачок, замерла. Иван Иванович побледнел.

— Но почему? Так хорошо все... А я... — изумленно говорил он, чувствуя, что слова уже не нужны, что случилось непоправимое.

— Тебе надо ехать домой, в свой колхоз. На работу пока не выходи... Свежий воздух полезен, но в меру... — мучаясь, заговорила Женя, стоя к нему спиной. — Я тебя не гоню. Но пойми... Больше так нельзя. Сплетни... Ты хороший человек и инженер, но... Я не гоню тебя немедленно, но нам пора расстаться.

— Ты любишь Валерия, — прямодушно сказал Иван Иванович то, что мелькнуло в нем болезненной догадкой.

— Перестань! — крикнула Женя. Она уже плакала. Иван Иванович окаменел на минуту. Ему казалось сейчас, что его бьют по груди, бьют молотом, с размаху. Его почти не тронули слезы Жени. Он думал о себе, а она становилась для него чем-то далеким и нереальным, вроде мальчишеской сладкой мечты, о которой лучше забыть. Ему было больно.

«И поделом. Слишком рано я начал думать об этом, думать глупо, самонадеянно. Кто мне дал право считать, что с Женей — все просто и ясно, что следует сделать только первый шаг и... Я был

пошлым. Возомнил о себе... Это, наверное, от похвал в колхозе, от славы... Хороший урок. Заслуженная пощечина... От меня только что ушла жена, мне бы надо стыдиться, а я с легким сердцем бросаюсь к этой девушке и оскорбляю ее... Стыдно!» — так казнил себя Иван Иванович, не решаясь уходить сразу. Ему думалось, что он обязан сказать Жене что-то доброе, извинительное. Ведь никогда раньше он не был пошляком. И он стал говорить о Чистякове, стараясь быть честным.

— Валерий — неплохой человек, — говорил он, не обращая внимания на то, как болезненно дернулись Женины плечи. — Заносчивость в нем не главное. Это скоро отшелушится, и он станет самим собой — умным, настойчивым, сильным. Ну и гордым немного останется. Это неплохо. Гордые лучше других умеют беречь жену и семью. Он и из Крутца тебя увезет. Здесь не его масштабы...

Иван Иванович напряженно думал, стараясь быть совершенно объективным. Но оказалось, что он сказал все.

— Это я честно, — добавил он и потоптался у порога. И больше уж совсем ничего не мог придумать.

— Глупости! Не для меня все это, — глухим грудным голосом проговорила Женя — Умеют же некоторые все на свой аршин мерить! Не надо мне советов.

— Не ругай меня. Может, я и не прав. Спасибо тебе за все. Прощай, — с сожалением произнес Иван Иванович и вышел, с трудом переставляя заплетающиеся ноги.

НАД Крутцом висела дымка. Со стороны мастеровских несли треск пускачей. Торжествующе орали петухи во дворах. Гудели паровозы. Деловито перебирались через лужи люди. Все шло своим чередом. И Иван Иванович выбрался на твердый еще, оледеневший зимник и пошагал из этого мирного поселка в свой колхоз. В голове было пусто, и она болела. Но с каждым шагом ему становилось чуточку легче, словно он оставил в Крутце тяжелую ношу. Впереди была свобода и любимая работа.

Он шел и изредка крутил головой, иронически посмеиваясь над собой. До веселья было еще далеко, порой хотелось остановиться и дать себе по шее, но жить уже было можно.

Иван Иванович остановился у вытаявших и подсохших куч гравия, нашел ту, которая сбросила его с мотоцикла, сел на нее, огляделся, пытаясь представить, как произошла авария и по каким траекториям летели они с Севоём... Он усмеялся уже почти по-старому, хотя досада еще прорывалась:

«Ухажер! Первый жених! — издевался он над собой. — Получил от ворот поворот... Умнее будешь!»

Он подпер подбородок здоровой рукой, затих, отдыхая от всего и наслаждаясь одиночеством. Он слышал, а может быть, и не слышал, как со стороны колхоза все громче стрекочет мотоцикл, потому что просто утомился и не мог отчетливо воспринимать ничего.

Мотоцикл с ревом проскочил в метре от него и тут же смолк.

— Здорóво! — гаркнул Сева. Он с размаху бросил машину на соседнюю кучу, перепрыгнул через нее, упал перед Иваном Ивановичем на колени, обнял его, замер на мгновение. Иван Иванович оттолкнул его, крикнул, отводя повлажневшие глаза.

— Болит? — участливо спросил Сева, кивая на руку.

— Душа болит! — ответил Иван Иванович, морщась.

— С Женей не получилось? — простодушно спросил Сева.

— Не получилось... И вообще.

— Может, ты неправильно ее понял? Не сразу же... Может, еще заход надо сделать, и тогда... Я помогу!

— Нет. Все ясно.

— Да-а, — разочарованно протянул Сева. — А я-то надеялся. Оказывается, плохо мы знаем своих людей.

— Плохо, — подтвердил Иван Иванович.

— Что же делать-то теперь?

— Жить надо, — рассудительно сказал Иван Иванович.

— Это точно, только утешения в такой философии мало.

— И это правильно, — снова согласился Иван Иванович. Он нехотя встал, подвигал плечами, взмахнул здоровой рукой и вдруг, хлопнув Севу по плечу, заговорил азартно:

— Думаешь, меня все это сломит? Нет! Кем был, тем и останусь. Не запью и никуда не убегу. Эх, и наброшусь же я на работу! Сделаю еще кое-что! А другие пусть думают обо мне все, что им угодно.

— Да никто плохого и не думает! — вскрикнул Сева, зараженный пафосом друга и готовый снова обнимать его.

— Постой, — прервал его Иван Иванович. — Дай высказаться до конца. Так вот... Чтобы сжечь все мосты, возьму и женюсь на первой деревенской девчонке... которая понравится и согласится. А ведь там очень недурные есть, видел. Народим детей. А с ними, знаешь, с места не вдруг стронешься... Ловко придумано?

Иван Иванович широко улыбался, блестя расширившимися глазами. Он словно и ростом стал выше. Или это казалось оттого, что он стоял на куче? Сева глядел на него, раскрыв от восторга рот. Он понимал, что за шутливым тоном друга скрывается самое серьезное решение. Сева сграбастал его и начал мять, хохоча, пока не сделал ему больно. И они сразу утихли.

— Деревенские девчонки и хозяйственнее, и вообще... насчет поведения... — мудро сказал Сева.

— Давно известно...

— А это место будет для нас памятным, историческим даже... Оттого твои слова я крепко запомню, не отвертись, — сказал Сева.

— Меня не надо ловить на слове, — ответил Иван Иванович без обиды. — Подбрось-ка лучше до дома.

Сева завел мотоцикл, посадил друга и с величайшими предосторожностями, то и дело чертя сапогами по дороге, повез его в деревню.

..үтееү Да поддай ты газку-то! — крикнул Иван Иванович. Но Сева не реагировал.

ИИ ОТГ ,ЭЭЯ ЭИМ ОДО ТО...

ЧИСТЯКОВ вошел в кабинет Гайкина с таким видом, будто ничего не случилось и не отсутствовал он неизвестно где целых две недели.

— Здравствуй, — обычно и даже весело бросил он Гайкину.

— Здравствуй, — машинально ответил Гайкин и нахмурился. Душа у него заныла. Всплыл в памяти длинный выговор, который сделало ему начальство по телефону. Трудно было и Гайкину, и начальству. В самом деле, кем считать Чистякова: командированным или прогульщиком. Но в командировку его никто не посылал, на работе его не было, а посчитай его прогульщиком — как на это глянет высшее начальство, к которому ездил он с жалобой! Виновным во всем был признан Гайкин, потому что не сумел уладить конфликт на месте, смягчить ситуацию. К тому же теперь Гайкин знал, что областное начальство идеи Чистякова в принципе поддержало, значит, должны с этим считаться и в районе, и Гайкину надо перестраиваться. А как?

Гайкин теперь страдал оттого, что с его молчаливого согласия собранные Валерием узлы давно уже были разукомплектованы. И Гайкин молчал, хотя ему надо бы кричать, бить по столу кулаком или бросить все и уйти куда-нибудь, чтобы отдохнуть, забыться хоть на пару дней. Но уйти было и нельзя, и некуда. Да и не мог он себе позволить такое. А ближайшее будущее рисовалось ему таким мрачным и тяжким, что лучше о нем и не думать. Валерий, казалось, понимал его. Глаза Чистякова смеялись, и он прикрывал их, стараясь быть серьезным.

— Ехал бы ты в Харьков, — вдруг по-дружески посоветовал он.

Гайкин подался вперед, на несколько секунд уперся в Чистякова побелевшими глазами и неожиданно звонко ударил ладонью по столу.

— Лучше бы тебе здесь не появляться! Ехал бы ты ко всем... — вскричал он. И сразу сник, потирая ушибленную руку и мучаясь, что так сорвался. Он почему-то вспомнил, как договаривались они жить дружно, на манер земских врачей или старых русских офицеров, говорить друг другу все честно... И в то же время тихонько постукивала мысль, что Валерий как раз первым и нарушил уговор, поехал жаловаться на него, что он на месте Валерия постыдился бы и никогда так не поступил. Но и за себя Гайкину было неловко. Красный, он стоял, опираясь руками о стол и думал, попробовал улыбнуться и сказал:

— Я уеду, а ты здесь будешь командовать? Все перевернешь?

— Кое-что перевернул бы. Тут и мастерские-то надо новые строить.

— Это не нам решать.

— И нам можно решать. Работать так уж работать!

— Ох, и сорвешься ты где-нибудь! Ох, и наломают тебе рога!

— Брось обо мне думать. Как с планом-то? — с улыбкой спросил Валерий.

— Как всегда. Он сам собой не делается, — вздохнул Гайкин, не обращая внимания на иронию Чистякова. Главное для него сейчас было — успокоиться, набраться твердости.

«Он сильнее, хитрей меня, хотя и прохвост, —

подумал Гайкин.— Но если я поддамся ему сейчас — я погиб, перестану себя уважать, с работы уйду. Как же быть-то?

— Узлы твои мы разобрали, — спокойно сообщил он.

— Я этого ожидал, но отвечать придется тебе, — так же спокойно сказал Чистяков и добавил с легкой горечью: — Убиваешь ты меня.

— А ты меня.

Чистяков в раздумье прошелся по кабинету раз, другой. Сел перед столом Гайкина, спросил тихо:

— Скажи откровенно, прав я или нет со своей затеей?

— Формально прав, — выдавил Гайкин с трудом.

— Тогда ты не прав!

— Нет, и я прав, — тоскливо возразил Гайкин. — Ты пойми. Приказали мне внедрять это новое, но и план оставили тот же. Его надо выполнять. Люди на премию нацелены. Они ее заслужили. А займись я этим твоим новым — ни плана, ни премии нам не видать. И узлов твоих, между прочим, не будет. Изобьет нас начальство — вот и весь результат.

— Я бы на твоём месте не боялся. Не так страшен черт. Сумел же я сделать кое-что!

— Удивляюсь я, на тебя глядя. Я бы на твоём месте не только не позволил себе об этом мечтать, а вообще бы сюда не вернулся. Тебя тут били, а с тебя как с гуся вода. У тебя же с народом конфликт. Ты же в пекло лезешь!

— Предлагали мне в сельхозтехнике место, дали время подумать, — с нарочитой твердостью и без хвастовства тотчас ответил Валерий, словно

ждал этого вопроса. — Но за кого бы я себя считал, если бы струсил вернуться?

— Да, — только и сказал Гайкин. Он помолчал, лицо его пошло красными пятнами, спина одеревенела. Гайкин готовился сказать то, о чем догадался только сейчас. Он еще не знал, прав ли, но желание чем-то отомстить Валерию за все неприятности победило.

— И все же ты дрянной человек, — проговорил он, чуть ли не стуча зубами от волнения и собственной смелости. — Ты и за новое борешься не столько ради пользы дела, сколько ради саморекламы. Ты честолюбив — это хорошо, но нечестен — и это плохо. Очень плохо. Я бы не хотел с тобой работать.

Чистяков резко откинулся к стене и побледнел. Он ожидал, что Гайкин будет злиться или брехать, или, сникнув, снова примирится с ним... Случилось другое, самое неожиданное и неприятное. Гайкин разгадал его. Хорошо еще, что не все он знает о нем, о его самовольной отлучке...

Валерий понял: надо как-то замять эти слова Гайкина, чтобы забыл о них Кирилл Кириллыч. Ведь он и сам, вечно сомневающийся и робеющий, наверняка не очень-то в них верит и уже жалеет, что не сдержался. Валерий принужденно улыбнулся, заставил себя захохотать и отметил, что получилось это достаточно натурально.

— Ну, старик, — сквозь смех, даже вытирая будто бы выступившие слезы, заговорил он. — Ну, уморил. Да ладно уж, переубеждать тебя не буду, но... согласен с тобой лишь наполовину. Честолюбив — да. А остальное у тебя, прости, от расстроенного возбуждения, от обиды. Брось.

Но Гайкин уныло молчал, поглядывая в окно, и Чистякову надоело притворяться. Он понял — с этого дня они враги. И теперь надо думать, как вести себя в новой обстановке. Он не ожидал от Гайкина такой решительности, считал, что как враг Гайкин заранее обречен на поражение. Но теперь... Теперь черт его знает, что он еще может выкинуть. Возьмет и пойдет с этими словами в райцентр, раззвонит там да еще Севу своего подключит... И пойдет слух, и испортит он весь его накопленный авторитет. И подумают в отделе кадров: а не рано ли приглашать инженера Чистякова в аппарат управления райсельхозтехники...

«Удар надо упредить», — решил он и глянул на Гайкина, не скрывая злобы и как бы говоря: ты, мол, Гайкин — большой дурак, невежа, и за это скоро заплатишься. А Гайкин все отводил глаза.

Так и сидели они, пока Гайкина не позвали по срочному делу в мастерские.

Парой фраз они перебросились лишь дома.

— Предлагаю, — деревянным голосом проговорил Валерий. — Я буду просить о переводе отсюда, но с условием: ты обо мне нигде плохого слова, а я — о тебе.

— Я не сплетник, — буркнул Гайкин, уверенный в том, что не сдержит Чистяков и этого обещания.

24

НА ДРУГОЙ же день Чистяков позвонил в сельхозтехнику, и ему сказали, что из Крутца его отзовут очень скоро. Двойственное чувство раздирало его. Ему и льстил перевод в райцентр, и

в то же время он понимал, что в Крутце провалился, а в райцентре осторожное начальство, весьма похожее на Гайкина, как он успел заметить, не даст ему развернуться в полную силу. Его разбирало зло. Он ловил себя на том, что готов изломать все, что попадаетея ему под руку в опостылевшем Крутце.

Шли дни. В райцентр его не вызывали. Звонить еще раз не позволяло самолюбие, и он начинал ненавидеть свое новое районное начальство. К тому же надо было ходить на работу в мастерские, где царил невероятный содом. Трудно жил Чистяков в эти дни.

Гайкин же с шутками — по мнению Валерия, глупыми — и незлобной, тоже глупой, руганью легко разбирался в суматохе и оставался в сущности спокойным. Ему было не впервой. А Чистякова авральная неразбериха бесила. Особенно разбирало зло оттого, что многое в мастерских делалось — и очень неплохо — без его участия и ведома. А кое-что становилось и вовсе не понятным.

Ему казалось, что окрестные колхозы только в самые последние дни перед севом вспомнили о своих машинах, вспомнили все сразу. Он понимал, что все машины к посевной должны быть отремонтированы, знал, что сделать это невероятно трудно, даже невозможно, и потому не мог видеть неожиданно беззаботные скалозубые лица колхозных уполномоченных и трактористов. Его выводили из себя, бесили эти спокойные лица людей, ему казалось, что они знают что-то такое и уверены в чем-то таком, что вовсе не ведомо ему.

Перед майскими праздниками Гайкина вызвали в райцентр. К праздникам он намеревался

вернуться: некому было, кроме него, выступить в клубе с докладом, проследить за порядком в поселке. Но к сроку он не прибыл: задержало начальство, посчитавшее, что Гайкин достоин быть участником районных торжеств.

Кирилл Кириллыч не ослушался. Он вызвал к телефону Чистякова и долго втолковывал ему о важности месячного отчета, который, будучи представленным в срок, должен еще неоспоримо доказать право крутецких ремонтников на премию.

К полудню последнего перед праздником рабочего дня Валерию принесли сводку. Каждая графа в ней прямо-таки кричала об огромном перевыполнении.

— Вот она, премия,— процедил он, вчитываясь в цифры. — Ждут ее, как дар божий. Добились... И Гайкин отхватит денежку. А мне шиш покажут, беглецу. Не представит меня Гайкин, это точно.

Мстительное решение все отчетливее созревало в нем. Он снял трубку и вызвал сельхозтехнику. Валерий заставил себя быть твердым и четко продиктовал далекому статистику совсем не то, что было в сводке.

— Вам телефонограмма, — сказала, помолчав, телефонная трубка. — Сразу после праздников прибыть к месту новой работы. Подписал управляющий райобъединением. Как поняли?

— Понял! — крикнул Валерий. — Прибуду!

Он похлопал в ладоши, сделал несколько скачков по кабинету и сразу придумал, как оправдаться за перевранную сводку: передавал впервые, может, и не из той графы цифры попали, может, статистик его не понял, да и слышимости почти не было.

НА ГАЙКИНЕ лица не было, когда он появился в Крутце.

— Кто готовил сводку? Кто передавал? — загремел он с порога.

— Чистяков передавал, — сказали ему испуганные бухгалтерши.

Гайкин ринулся в свой кабинет. Валерий поднялся из-за стола, освобождая место, но Гайкин и не думал садиться.

— Что за цифры ты передал?

— Мне принесли сводку, я передал, — спокойно ответил Валерий, внутренне улыбаясь и призывая все силы, чтобы до конца сыграть роль аккуратного исполнителя, удивленного невежливостью начальства.

Запустив пальцы в волосы, Гайкин застонал и вдруг сорвался с места, но навстречу ему уже несли сводку. Гайкин впился в нее глазами.

— Ничего не понимаю, — растерянно проговорил он. — Здесь все так, как и должно быть. В чем же дело-то?

— А что, разве ошибка? — разыгрывая удивление, спросил Чистяков. — Слышимость плохая была. Может, там не то и записали.

— Ты сознательно переврал цифры, — хрипло сказал Гайкин. — Уезжай.

— Я уеду. Но ты меня обвиняешь в таком?! Докажи! — со злобой подступил к нему Валерий. — Ты черт знает что обо мне думаешь! Брось бояться, что я займу твое драгоценное в кавычках место.

— Не в месте дело, — в отчаянии сказал Гайкин, вовсе не желая разговаривать с Валерием.

— Ну передай цифры снова! Ведь ничего же не случилось! — подсказал Валерий.

— Поздно. Премия ребятам может хвост показать, — подавленно сказал Гайкин и перестал замечать Чистякова, который вскоре понял, что ему лучше уйти.

Валерий бесцельно бродил по улицам, стараясь все же быть там, где меньше людей. До поезда оставалось еще много часов, а собрать свои пожитки он мог в пять минут. Надо было подумать, разобраться хотя бы в том, кем себя считать — победителем или побежденным. Пожалуй, он победил. Он выбирается из этой дыры, начальство считает его инициативным, знающим, но не понятым в Крутце или попавшим не на свое место. Это хорошо. Но почему у победителя нет радости? Почему противно на душе? Или потому, что он все еще в Крутце? Или потому, что пришлось тут делать кое-что нечисто? Но почему — нечисто? Все для пользы дела. И узловой метод, и секретарство в комсомоле, и кружки... Вот только со сводкой... Но это уж Гайкину подарочек, чтобы знал, с кем имеет дело. Нет, все правильно. Надо бы еще этому Севе чем-нибудь испортить розовое комсомольское настроение...

Валерий оказался возле медпункта и замедлил шаги. «С медичкой надо проститься изысканно, как тогда на танцах. Она меня или ненавидит, или любит. Прощусь. Пусть потом голову ломает, почему я с ней так... — с улыбкой подумал Валерий и остановился. — За что я с ней так? Ведь это же издевательство над беззащитным! Надо ли? — подумалось ему, и он решил: — Ладно, прощусь просто так, по-человечески. Она не во всем похожа на здешних... Пусть вспоминает меня хорошо».

ДОРОГИ еще не просохли, а Сева с прежним азартом носился по району, лужи и ухабы преодолевал с ухарским криком. Сева был силен и мог унести мотоцикл на себе, оттого машина слушалась его, не вырывалась из рук и не валилась набок в самых гиблых местах.

С весной Севу забудоражило еще больше. Он появлялся то в одном краю района, то в другом, увлекал за собой многочисленных друзей, провертывал мероприятия и исчезал, чтобы через пару часов появиться в новом месте. Не забывал он и Крутец, хотя сложных дел у него здесь теперь не было. Сюда он заглядывал на минутку: узнать новости, перекинуться парой слов с Гайкиным, проинструктировать Женю...

В этот раз он мчался от Ивана Ивановича. Встречи с маленьким инженером всегда поднимали у него настроение. Да и общего у них, как считал Сева, было много.

Он ехал с улыбкой во все лицо и думал о друге. Успокоился Иван Иванович, посмирнел, похудел, но работает за троих. Председатель его чуть на руках не носит. И вообще все его любят. Просто удивительно. Деревенским девчонкам начал подмигивать — все понятно, так и должно быть. И вроде не грустит о сбежавшей жене, и о медичке не вспоминает. Золотой характер!

— Когда жениться-то будешь? — спросил его Сева напрямую.

— Да все недосуг, однако присматриваюсь, — откровенно сообщил Иван Иванович. — Женюсь, наверное. Жить — так уж жить, на полную мощность!

— Снова не промахнись, — осклабился Сева. — Со мной сначала проконсультируйся. Я тут всех поголовно знаю.

— Оттого и не спешу, что уже нажегся, — толковал Иван Иванович.

— А ты, я гляжу, счастливый человек, крепко на земле стоишь. Одно слово — крестьянин! — восхитился Сева.

— Без крестьян нельзя. И крестьяне теперь ой-ой-ой какие нужны! Ради этого п тружусь, — говорил Иван Иванович.

Сева ехал и радовался отличной погоде. Иван Иванович — в порядке. Впереди Женя — тоже в порядочке. Сейчас он к ней заскочит на момент...

Был светлый вечер, когда Сева взбежал на крыльцо медпункта. Женя встретила его, как всегда, без удивления и особенной радости, улыбнулась слегка и стала ждать, с чем он приехал. Но Сева вроде забыл, что он инструктор.

— Нехорошо, нехорошо! Такого жениха потеряла, — комично выговаривал он. — Ну чем он тебе не пара? Не пойму. Ох, и пожалеешь ты, что так с ним обошлась! Он же золото! Я мужик, а и то в него влюбился. А деревенские девчонки за ним — косяком. Там такие есть — закачаешься! Я уж чувствую, что недолго ждать свадьбы. Ох, и попляшу я! А ты в это время будешь сидеть и кусать локотки, а то и реветь. И так тебе и надо!

— Что-то уж очень быстро он влюбляется... То в одну, то в другую. Тоже, наверное, зазнайка, вроде Чистякова. Плохо они кончат, — в сердцах сказала Женя и добавила построже: — А ты на такие темы со мной больше не заговаривай. Про это не треплются.

— Ну! Сразу и надулась! — Сева скорчил умо-
рительную рожу. — О чем же говорить-то? Уж и
пошутить нельзя... А меня и личные дела комсо-
мольцев должны интересовать...

— Перестань! — попросила Женя, хмурясь и
кусая губы. Она отошла в дальний угол прихожей.
В комнате было сумрачно, но ни Женя, ни Сева не
думали, что надо бы включить свет.

— Все равно развеселю! — азартно заявил Се-
ва. Он подскочил к ней, обхватил за талию, щекот-
нул. Женя вздрогнула, резко повернулась к нему,
сказала с негодованием:

— Пусти!

Но руки у Севы были железные, а сам он —
упрям. Женя никак не могла оттолкнуть его. Сева
беззвучно хохотал...

27

— **В**СЕ понятно! Идет инструктаж, — раздал-
ся за ними иронический голос Чистякова.
Севу отбросило. Женя ахнула и закрыла лицо
ладонями. Она понимала, что сейчас лучше бы при-
твориться веселой, разыграть шутливую возню с
Севой, чтобы не было у Чистякова повода думать
о них грязно. Понимала и ничего не могла поде-
лать с собой. Ей опротивел простодушный прилип-
чивый Сева. Ее раздражали напоминания об Иване
Ивановиче. Ее возмущало, что все эти молодые
люди, считающие себя интеллигентными, присвои-
ли себе право вторгаться в ее жизнь, выспрашивать,
требовать откровенности и еще чего-то. Почему они
считают, что с ней так можно? Она же не давала
повода... Она... Женя всхлипнула.

— Инструктирование до слез,— констатировал Валерий, улыбаясь и словно бы приглашая улыбаться и других. Но необычность обстановки в медпункте сбила его с толку, и он забыл, с какими намерениями шел сюда.

Сконфуженный вид Сева обрадовал его.

— Как же это так, товарищ инструктор... — заговорил он и не закончил убийственной, по его мнению, фразы.

Сева сделал к нему шаг и вложил в удар всю тяжесть своего тела. Его кулак пришелся прямо в растянутые губы Чистякова. Сева замахнулся еще раз, но Женя, закричав, схватила его за руки.

Чистяков отер кровь с губ. Он понял, что самое опасное позади, и обрадовался своей выдержке. Он не унизился, не ввязался в драку.

— Я не дам тебе сдачи и в райком не доложу,— сказал он Севе, который задыхался и булькал горлом. — А ты подумай, кто ты есть и можешь ли подходить к порядочным людям.

— Молчи! — почти взвизгнул Сева, готовый снова броситься на него с кулаками.

Чистяков словно и не заметил этого. Он склонил голову в сторону Жени, сказал учтиво:

— Извините. — И вышел твердой походкой и вздернув голову.

«Как же я дошел до того, что меня бьют? — подумал он. — Это позор. Где я ошибся?»

Лицо побаливало. В голове складывались и рушились мстительные планы.

Валерий быстро шел к дому Гайкина. До поезда оставался час. Валерий не слышал, что за ним спешит растерянный Сева и вздрогнул нервно, когда Сева схватил его за рукав.

— Извини, — проговорил Сева. — Давай на мировую выпьем. Я куплю.

— Я на тебя не сержусь, — ответил Чистяков, высвобождая руку и становясь увереннее. — На таких сердиться смешно.

— Да брось ты! Вижу, что злишься, — не отставал Сева. — Ну дай ты мне по морде, чтобы квиты были.

— Забудь. И я забуду. Но встречаться с тобой не хочу, — твердо сказал Валерий, и Сева понуро отстал.

Валерий без слов собрал чемодан, погляделся в зеркало: губы почти не вспухли. На всякий случай он тщательно умылся и, сухо попрощавшись с Гайкиным, пошел на вокзал.

Едва за ним захлопнулась калитка, как из-за угла появился Сева и юркнул к Гайкину.

28

— **Я** УДАРИЛ Чистякова, — с порога заявил Сева.

Гайкин медленно выпрямился.

— За что?

— Он, гад такой, заявил, что у меня с Женей...

— Что у тебя с Женей? — перебил его Гайкин чуть громче, чем следовало бы.

— Ну... мерзость он подозревает... и язык распустил.

Гайкин недобро глянул на Севу, и тот понял, что надо что-то рассказать и оправдаться.

— Дурачились мы с ней... как всегда. Развеселить я ее хотел...

Гайкин был бледен. Он долго глядел в честное лицо Севы, пока не подумал, что старый друг, пожалуй, не лжет. Но полной уверенности не было. Гайкину стало нестерпимо досадно.

— Надо бы его проводить, — сказал Сева. — Смягчить бы все как-то, а то народ подумает...

И Гайкин подумал, что надо проводить Чистякова. Он теперь начальство. Хоть и не очень хочется, а надо. Гайкин уже не раз думал, что со сводкой Валерий напортачил без умысла, тем более, что премию Гайкин все же выбил. Он уже во всем готов был винить себя и готовился к новым выговорам. Ему даже захотелось напоследок поговорить с Валерием обо всем по душам, чтобы и самому все лучше понять и чтобы Валерий забыл свою злость. Но как с ним поговоришь? А тут еще Сева набезобразил не к моменту...

— Пойдем, — согласился Гайкин.

Валерий стоял в темном углу перрона и неумело курил. Друзья подошли к нему. Поезд уже был слышен.

— Не поминай лихом, — примирительно сказал Гайкин. — Помоги Крутцу в случае чего. Не забывай нас.

— Не забуду, — сказал Валерий, отворачиваясь от Севы, который тоже порывался что-то сказать.

— Ну, до свидания.

Гайкин протянул руку. Валерий вяло ответил на его крепкое рукопожатие.

— Жаль, что так все... — говорил еще Гайкин, но Чистяков уже заметил свой вагон и уцепился за поручень. Он легко бросил свое тело в тамбур и скрылся в его темноте.

— Все, — с сожалением сказал Гайкин. — Мож бы дело делать, а теперь зароется в бумаги...

Сева молчал. Он все еще страдал, да и сказать Чистякову ничего не успел. Он ругал себя и был бы рад, если кто-то взрослый выдрал бы его сейчас за уши.

Поезд пошумел и смолк. Друзья задумчиво стояли на пустеющем перроне.

— Все, — еще раз сказал Гайкин.

«Заложит меня этот гад Чистяков, — подумал обреченно Сева. — Теперь я у него в руках». А вслух сказал:

— Может, это и лучше для Крутца?

— Не знаю. Мне-то все равно здесь жить...

— Конечно, — согласился Сева. — Тут без тебя труба дело будет. Ну и скверно же на душе! Так бы и выпил. Залил бы все... Забыл бы хоть на ночь.

— Я тебе сейчас залью! — сказал Гайкин.

— Что? Бутылек есть в заначке? — обрадовался Сева.

— Есть у меня для тебя пара ласковых! — жестко заговорил Гайкин. — Если ты едешь сюда, чтобы приставать к Жене, чтобы шли сплетни, чтобы руки свои распускать, то не езд. Обойдемся без тебя.

— Да ты что! — изумился Сева и покраснел.

— А то! — Гайкин говорил уже со злом. — То, что ты не мальчик-охальник на гульбище... Еще сигнал будет — в райком сообщу и попрошу, чтобы тебя сюда больше никогда не пускали. Ишь, распустился!

Гайкин развернулся и пошагал к дому. Сева догнал его, забежал вперед, пробовал остановить друга, но Гайкин с размаху бил его по рукам.

— Ну, я ничего не понимаю, — обиделся и Сева.

— Если ничего не понимаешь — уходи с этой работы.

— Да что ты от меня хочешь? Скажи! Нельзя же так! — недоумевал Сева.

— Хочу, чтобы ты сию же минуту убрался из Крутца. Видеть тебя сегодня не могу.

— Пожалуйста! — заявил вконец разобиженный Сева.

Они разошлись, не попрощавшись. Гайкин минут пять стоял под окном и пошел домой только после того, как мимо него с фырканием пронесся Севин мотоцикл.

29

ГАЙКИН зашел в свою квартиру и почувствовал, что в ней кто-то есть. Он тотчас включил свет и встретился с горячими, заплаканными глазами Жени.

— Ты, Женя? — сказал он тихо, остановившись у порога.

— Я.

— А что... случилось?

— Не могу я так больше, Кирилл, — сказала она. — Поговорить нам надо. Извини, что без предупреждения и поздно...

— Да что ты! Я рад! — поспешил успокоить ее Гайкин.

— Где Чистяков-то? — спросила она с тревогой. — Надо бы посмотреть его... У Севы же лица...

— Уехал он. Нам двоим тут, видимо, не ужиться, — со вздохом сообщил Гайкин.

— Нехорошо... А, наверное, правильно, — проговорила Женя. — Ему тут не место. Не тот он человек.

— Мог бы работать, но не со мной, — сказал Гайкин.

Женя помолчала.

— Я и Севу вытурил, — похвастал Гайкин. — Парень чувство меры теряет.

«Молодец какой Кирилл, — подумала Женя. — Меня не упрекает, хотя знает все. И сказал так, будто недоволен Севой только из-за драки. Тактичный... Да он и во всем такой».

Гайкин сел напротив, почти касаясь лбом ее лба, загляделся в ее лицо.

— Устала я... от всего, — тихо сказала она, жалуясь.

— Пройдет, — утешающе проговорил Гайкин. — Больше тебя никто обижать не будет.

Женя с новым интересом глянула на него.

— Ты какой-то не такой стал, — сказала она. — Вон как командуешь!

— А я тоже устал от некоторых... Надоело любоваться на них, — откровенно и даже с отчаянностью заговорил Гайкин. — Мне же тут за все отвечать, а не гастролерам. И я не глупее их. И никто сюда за меня работать не придет. Вот я себе руки и развязал.

Женя слушала его уже без грусти. Перед ней был другой, похоже, интересный и сильный мужчина. А то, что он честен, она знала давно.

— Я и за тебя должен быть в ответе, — увлекшись, высказывался он. На лице его застыла мягкая улыбка, а лоб озабоченно морщился. Его очень обычное лицо сделалось вдохновенным и красивым.

Такой Гайкин нравился Жене — понятный, доступный, почти свой.

А он говорил и говорил, не замечая, что забыл свои правила. Ведь перед ним сидела женщина, недавняя девчонка, никакая не родня, а он выкладывал перед ней начистоту все, что накопилось в душе. Женья слушала его и все-все понимала. И ничего не было в ней такого, что настораживало раньше Гайкина.

Они говорили друг о друге и не удивлялись, а тихо радовались тому, что всё так хорошо и одинаково понимают, будто давно жили вместе. А когда спохватились, было уже раннее утро, и выходить из квартиры Гайкина в такую пору Жене было неприятно. Да и расставаться им не хотелось... Они и не расстались.

30

А ДНЕМ Гайкин, сидя в своем кабинете, впервые занимался не служебными, а личными делами. Он писал письма.

Севе написал приглашение на свадьбу.

После недолгих раздумий сочинил приглашение и Валерию.

Управляющему райсельхозтехникой он выслал план мероприятий по перестройке работы мастерских, в котором были пункты о строительстве нового помещения и о внедрении узлового метода на ремонте.

Гайкин вздохнул и постарался переключить свои мысли на текущие дела, на план нового месяца.

СОДЕРЖАНИЕ

Под одной крышей	7
В тихом поселке	153

Степанов Владимир Степанович

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Редактор **В. А. Беднов**

Художник **Э. В. Фролов**

Художественный редактор **В. С. Вежливцев**

Технический редактор **С. И. Соколова**

Корректоры **М. М. Михайлова, А. А. Фонтейнес**

Сдано в набор 19.5.1975 г.

Подписано к печати 21.8.1975 г.

Формат 70×108/32. Бумага тип. № 1.

Физ. печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 11,55. Уч. изд. л. 10,165.

ГЕ01319. Тираж 15 000. Цена 44 коп. Заказ 3694.

Вологодское отделение

Северо-Западного книжного издательства.

Вологда, Урицкого, 2.

Областная типография,

Вологда, Челюскинцев, 3.

44 КОЛ.

